А.В.Гудкова

ТОК-КАЛА

ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ
АКАДЕМИЯ НАУК
С С Р

ЎзССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИНИНГ ҚОРАҚАЛПОҚ ФИЛИАЛИ
ТАРИХ, ТИЛ ВА АДАБИЁТ ИНСТИТУТИ

А. В. ГУДКОВА

ТЎҚҚАЛЪА

ЎЗБЕКИСТОН ССР „ФАН" НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ·1964

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК УзССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

А. В. ГУДКОВА

ТОК-КАЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА" УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ·1964

9(С52)
Г93

Монография посвящена итогам многолетнего археологического изучения городища Ток-кала, расположенного в дельте Аму-Дарьи. Время его существования охватывает с перерывами период от первых веков до н. э. до XI в. н. э. Основное внимание автор уделяет взаимоотношениям древнего Хорезма как одного из центров оседлой земледельческой культуры с миром кочевых и полукочевых племен Приаралья. В книге дана полная публикация и предварительная интерпретация росписей и значительного количества древнехорезмийских текстов на алебастровых оссуариях VII—VIII вв. н. э., представляющих большой научный интерес.

Книга рассчитана на историков, археологов, лингвистов, востоковедов и всех, интересующихся историей и историей культуры народов Средней Азии.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Л. И. АЛЬБАУМ

ВВЕДЕНИЕ

В тематику научных работ Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН УзССР с 1958 г. были включены археологические исследования. По рекомендации члена-корреспондента АН СССР, почетного академика АН УзССР профессора С. П. Толстова была избрана тема «Археологические памятники современной дельты р. Аму-Дарьи». Некоторые древние памятники этого района, в том числе и Ток-кала, уже были ранее обследованы Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, руководимой С. П. Толстовым[1], однако сплошное археологическое обследование еще не производилось.

В первый же год работы проведено маршрутное обследование правобережной дельты, во время которого подверглось осмотру и городище Ток-кала[2], а в следующем 1959 г. здесь были предприняты рекогносцировочные раскопки[3].

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., Изд-во АН СССР, 1948; Я. Г. Гулямов. История орошения древнего Хорезма, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957; Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г., МХЭ, Изд-во АН СССР, вып. 1, М., 1959.

[2] А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин. Некоторые итоги археологических работ сектора истории Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН УзССР в 1958 г., Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1960, № 1.

[3] А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 г. Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 5; А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин. Археологические исследования в правобережной части приаральской дельты Аму-Дарьи в 1958—1959 гг., МХЭ, вып. 6, М., 1963.

Расширение научных работ в Каракалпакии в связи с преобразованием в конце 1959 г. Комплексного научно-исследовательского института в Каракалпакский филиал АН УзССР и выявившееся к тому времени богатство археологических памятников в дельте Аму-Дарьи позволили направить дальнейшие исследования по двум руслам. С одной стороны, производилось составление археологической карты дельты, с другой, были предприняты стационарные раскопки городища Ток-кала, длившиеся полтора месяца в 1959 г. и по два месяца в продолжение трех последующих лет[4]. Выбор именно этого городища для стационарных раскопок был обусловлен тем, что оно оказалось наиболее многослойным из всех памятников дельты[5]. Судя только по подъемному материалу, жизнь на нем продолжалась с периода рабовладения и до XI—XII вв. К тому же этот памятник обладал такими ценными для археолога свойствами, как неплохая сохранность и возможность его вскрытия при сравнительно малом объеме земляных работ.

Еще до раскопок само местоположение памятника позволило предварительно наметить проблемы, для изучения которых его вскрытие могло дать новый материал. Естественно было предполагать, что памятник, находящийся на дальней северной окраине Хорезма, неминуемо должен отражать связи и взаимовлияние между Хорезмом и его северными соседями — племенами Приаралья[6]. Богатство, сложность и важность этих взаимоотношений начали ярко вырисовываться еще на несколько лет раньше изучения городища в результате больших археологических исследований, которые стала регулярно осуществлять на сухих руслах Жанадарьи и Кувандарьи Хорезмская экспедиция. Предположение о том, что материал с Ток-калы будет сочетать в себе признаки типично хорезмийской культуры и иной, «варварской», полностью подтвердилось. Важным результатом раскопок являются памятники раннесредневековой хорезмийской письменности и изобразительного искусства.

---

[4] В раскопках приняли участие следующие научные и технические работники: в 1959 г. — начальник отряда В. Н. Ягодин, археолог А. В. Гудкова, лаборант А. Жарылкаганов, уполномоченный по охране памятников материальной культуры С. Мадьяров; в 1960 г. — начальник отряда А. В. Гудкова, художник Т. Дандыбаев, лаборанты Е. Бижанов и Л. Долгих, чертежник С. Абубакирова; в 1961 г. — начальник отряда А. В. Гудкова, археолог Ю. П. Манылов, художник Т. Дандыбаев, лаборанты Е. Бижанов и И. Жаксыбаев, чертежник С. Абубакирова, научный сотрудник Республиканского историко-краеведческого музея М. Мамбетуллаев; в 1962 г. — начальник отряда А. В. Гудкова, археолог Ю. П. Манылов, художник Т. Дандыбаев, лаборант В. И. Голоскокова, аспирант-антрополог Н. Рысназаров.

[5] И при дальнейшем, теперь уже завершенном обследовании дельты Аму-Дарьи не было найдено другого столь многослойного памятника, как Ток-кала.

[6] С. П. Толстов. Основные итоги и очередные задачи изучения истории и археологии каракалпаков и Каракалпакии, Бюллетень АН УзССР, 1945, № 9—10.

В основу настоящей работы положены наблюдения и коллекции, полученные при раскопках Ток-калы. Вместе с тем они не могли быть осмыслены и обработаны без привлечения других археологических коллекций. В этом отношении первостепенное значение имела предоставленная автору возможность ознакомиться с коллекциями Хорезмской археолого-этнографической экспедиции с различных памятников рабовладельческого и раннесредневекового периодов южного Хорезма и с раскопок Куюк-калы и Джеты-асар. Неоценимой помощью в проделанной работе являлось руководство со стороны члена-корреспондента АН СССР профессора С. П. Толстова, которому автор приносит свою глубокую благодарность. Автор также считает приятным для себя долгом выразить искреннюю благодарность и признательность всему коллективу Хорезмской экспедиции за постоянную помощь и консультации, особенно Б. И. Вайнберг, М. Г. Воробьёвой, Л. М. Левиной, Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорту и Г. П. Снесареву, поделившихся своими отдельными новыми соображениями и ознакомивших автора с рукописями и полевыми записями, а также редактору настоящей работы Л. И. Альбауму, приложившему немало сил при подготовке её к изданию. Кроме того, автор благодарит Е. И. Агееву за любезную консультацию и Ю. П. Манылова за постоянную дружескую помощь в поле и при обработке материала.

* * *

Городище Ток-кала расположено на небольшом естественном холме Токтау, находящемся в 14 *км* к северо-западу от г. Нукуса. Холм, сложенный конгломератами и глиной[7], поднимается над окружающей местностью на 11 *м*. Западный склон его крут, а остальные — пологи и местами прорезаны промоинами. У подножия холма, с западной его стороны, хорошо прослеживается большое древнее речное русло, шириной более 200 *м*. Окрестности Ток-калы многократно затоплялись и распахивались, поэтому никаких следов древних поселений здесь обнаружить не удалось.

Существование древних развалин на холме Токтау известно уже давно. Крепость Ток неоднократно упоминается у Абул-Гази[8] и в

---

[7] А. Д. Архангельский. Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи. Труды главного геолого-разведочного управления ВСНХ СССР, вып. XII, М.—Л., 1931, стр. 93.

[8] Абул-Гази Бахадур-хан. Родословное дерево тюрков, Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXI, вып. 5—6, 1905, стр. 203, 207, 245.

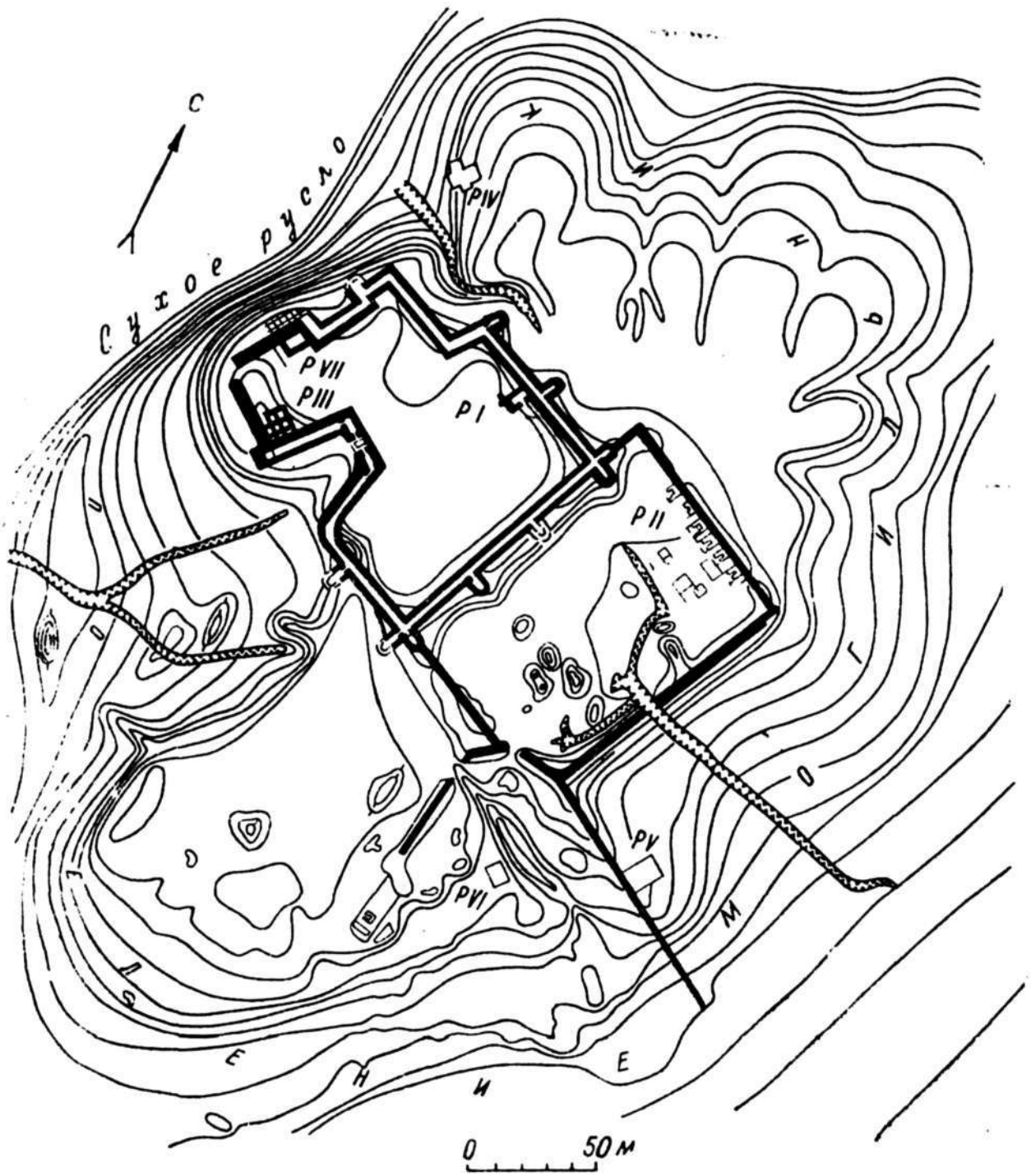

Рис. 1. Ток-кала. План.

хивинской хронике Муниса и Агехи[9]. Довольно подробное описание крепости было сделано в прошлом веке подполковником А. Гребенкиным в его письме к начальнику Амударьинского отдела Н. И. Иванову, опубликованном А. В. Кульбарсом[10]. Ток-калу упоминают и несколько других авторов[11], а легенды о ней приводятся у Я. Г. Гулямова[12]. Археологически Ток-кала впервые обследована С. П. Толстовым в 1946 г., установившим многослойность памятника.

Сейчас Ток-кала представляет собой систему оплывших крепостных стен и бугров. Общая площадь памятника немного больше 8 *га*. Уже при первом осмотре видно, что он состоит из нескольких частей. Самая высокая часть холма возле русла занята развалинами укрепления. К нему с востока примыкает городище, похожее на укрепленное поселение. На южном склоне, занятом более чем на половину современным мусульманским кладбищем, находятся остатки неукрепленного поселения. Северная часть восточного склона, пустая на первый взгляд, занята могильником. С восточной стороны холма, у его подножия, проходит земляной вал, не связанный с конструкциями городища. Возможно, это дамба, защищавшая нижнюю часть поселения Ток-калы со стороны значительного понижения окружающего рельефа.

На памятнике заложено семь раскопов (рис. 1): три (I, III, VII) — на укреплении, один (II) — к востоку от него, на городище, два (IV, V) — на могильнике и один (VI) — на поселении. Кроме того, проведены поверхностные расчистки на стенах укрепления и поселения.

---

[9] Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 188.

[10] А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи. Описания по собственным исследованиям в 1873 г. Записки Русского географического общества по общей географии, т. IX, СПб., 1881, стр. 451—452.

[11] В. Лохтин. Река Аму-Дарья и ее древнее соединение с Каспийским морем, СПб, 1879, стр. 66—67; А. Гедройц. Предварительный отчет о геологических исследованиях на сухих руслах Аму-Дарьи, Известия Русского географического общества, XVIII, вып. 2, 1882, стр. 95; Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II, Ташкент, 1908, стр. 53—54.

[12] Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 33.

ГОРОДИЩЕ ТОК-КАЛА РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

КАНГЮЙСКИЙ ПЕРИОД

Городище на вершине холма — наиболее древняя часть памятника подпрямоугольной в плане формы, сориентированная углами примерно по частям света (рис. 2). Длина юго-восточной стены 110 *м*, северо-восточной — 78 *м*. На северо-восточной и северо-западной стенах есть небольшие изгибы, что обусловлено естественной конфигурацией вершины холма. Западный угол укрепления на обрыве смыт, а примыкавшая к этому углу часть северо-западной стены искажена более поздней перестройкой и смывом.

Стены укрепления усилены полуовальными башнями, шириной в 6 *м*, расположенными на расстоянии 28 *м* друг от друга. Башни выдаются за плоскость стены на 7 *м*. Внутри них находятся также полуовальные помещения, шириной в 3 и длиной в 5,5 *м*. На углах укрепления башни поставлены развилкой, называемой в древней архитектуре Средней Азии «ласточкиным хвостом». К моменту раскопок сохранились угловые башни только на восточном и южном углах. Были ли башни на северном и западном углах, остается неизвестным.

Внутри крепостной стены идет стрелковый коридор, шириной в 2,8—3,2 *м*, сообщающийся проходами (ширина их 0,8 *м*) с внутрибашенными помещениями. Неясна конструкция части юго-западной стены, между западным углом и воротами. Ее исследование было до крайности затруднено и более поздней перестройкой, и тем, что угол стены у ворот и весь ее внешний край сплошь изрыты современными могилами. Удалось частично вскрыть около ворот участок этой стены,

длиной в 3 и шириной в 5 *м*. Следов стрелкового коридора здесь не обнаружено, хотя, судя по общей конструкции крепости, он должен был быть. Однако этому противоречит то обстоятельство, что стрелковый коридор с западной стороны ворот кончается тупиком. Слишком

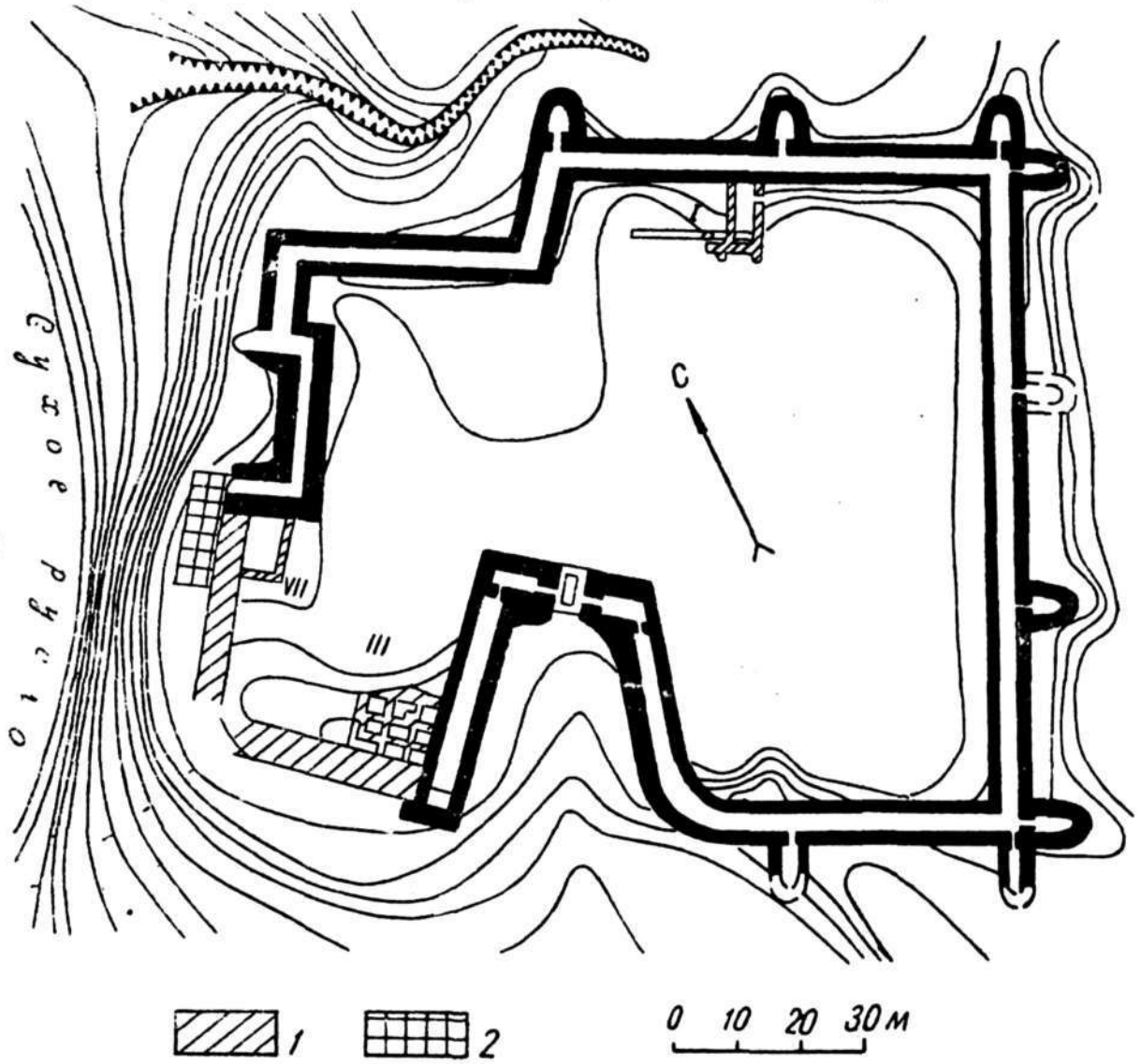

Рис. 2. Ток-кала. План античного городища.
1 — перестройка крепостных стен и планировка кушанского времени; *2* — сырцовая облицовка обрыва.

малая высота, на которую сохранились стены коридора (в большинстве случаев они смыты до цоколя), не позволяет с уверенностью судить о характере перекрытий и о том, был ли он одноярусным или двухъярусным. На сохранившихся участках пола в коридоре и башнях сырцового завала не обнаружено. Зато на полу одной из ба-

шен найдено много ядер для пращи, метать которые через бойницы невозможно. Этот факт и находка на полу древесных углей (об этом см. ниже) заставляют предполагать, что перекрытия были деревянными, плоскими, а поверх них находилась открытая боевая площадка, защищенная зубчатым парапетом[1]. О системе и форме бойниц ничего сказать нельзя, так как они нигде не сохранились.

Очень своеобразна, пожалуй, даже уникальна, конструкция ворот укрепления (рис. 2). Для их сооружения использована в качестве пандуса широкая и пологая промоина на склоне холма, вдающаяся внутрь укрепления. Строители поставили по ее краям крепостную стену, а ворота были сделаны на ее вершине. Таким образом, враг, пытавшийся прорваться в ворота, попадал в своеобразный узкий коридор, превращавшийся для него в ловушку. Это обычный предвратный лабиринт, но решенный очень оригинально[2]. В крепостном коридоре по бокам ворот выделены два обособленных отсека, сообщающиеся с остальным коридором узкими проходами, шириной в 0,8 *м*. Они служили, вероятно, боевыми помещениями, в которых находились защитники ворот, а в мирное время — стража. О постоянном пребывании людей в восточном помещении (западное смыто ниже уровня пола) свидетельствуют культурные отложения на полу. Здесь найдены возле южной стены очаг в виде прямоугольной плоской кирпичной вымостки, размером 80 × 100 *см*, а посредине большое хозяйственное кострище, в котором было много битой кухонной посуды.

Смыты почти полностью и ворота, поэтому реконструировать их устройство можно лишь предположительно. Проход в укрепление выложен сырцовым кирпичом без раствора. Не исключено, что это уже субструкция, а настоящий пол прохода смыт; прямоугольная вымостка взята как бы в раму из сырцового кирпича на растворе. Ширина этой обкладки два с половиной кирпича. Из помещений по бокам ворот как бы внутрь их проезжей части ведут проходы шириной в 0,75 *м*. Трудно допустить, чтобы стрелковый коридор сообщался с проходом ворот, что сделало бы его легко уязвимым. Наиболее вероятно предположить, что ворота были перекрыты сводом или пло-

---

[1] Наличие такой площадки с зубчатым парапетом предполагается на крепости старой Нисы и на Кей-кобад-шахе.

[2] Рассматривая вопрос о появлении в хорезмийской фортификации угловых башен в виде «ласточкина хвоста» и отмечая древнюю параллель им в укреплениях Египта и Двуречья, С. П. Толстов сделал вывод о сходном развитии архитектурной мысли в сходных общественных и природных условиях (С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., Изд-во МГУ, 1948, стр. 113). В этой связи нельзя пройти мимо того, что оригинальное решение ворот на Ток-кале также является поздним самостоятельным повторением приема, нашедшего свое воплощение в конце III тысячелетия до н. э. в конструкции ворот цитадели древнего Ура (Всемирная история, т. 1, М., Изд-во АН СССР, 1956, рис. на стр. 218).

ским перекрытием, на котором могла находиться специальная боевая площадка или башня для их обороны. На нее-то и могли вести проходы из боковых помещений. Тем более, что они идут с уклоном вверх. Проезжая часть ворот имела вид тоннеля длиной в 5 *м* и шириной в 2,5 *м*. Капитальной застройки внутри укрепления нигде не обнаружено.

Строительные приемы сооружения крепостной стены и башен одинаковы. Первоначально под стены башен и коридора прямо на дневную поверхность, а в некоторых, возможно неровных, местах на 1—3 ряда сырцового кирпича ставился пахсовый цоколь, расширяющийся книзу. Высота его — 1,2—1,5 *м*. Ширина пахсовой кладки с каждой стороны внизу — 2,55 *м*, вверху — 1,65 *м*. Общая ширина цоколя внизу — 6,7 *м*. Пустое пространство внутри цоколя заполняли песчаным грунтом, комьями глины, битым сырцовым кирпичом. Только после этого на получившейся ровной поверхности ставили стены башен и коридора из сырцового кирпича, размером в среднем 40 × 40 × 10 *см*. Такая последовательность строительства хорошо прослеживается благодаря тому, что в некоторых местах (раскоп I) кирпичные стены разошлись с пахсовым цоколем и частично стоят на песчаной забутовке. Толщина стен коридора: внутренней — 1 *м*, внешней — 1,5 *м*. Полом башен и стрелкового коридора служила поверхность цокольной засыпки, на которую иногда еще подсыпали слой песка до нескольких десятков сантиметров толщиной. На раскопах I и III в нижней части забутовки у самого материка обнаружен слой белого пепла или золы без углей. Прокаленности при этом не наблюдается. Вопрос о происхождении этого слоя неясен. Весьма соблазнительно связать его с каким-то обрядом или техническим приемом, сопровождавшим начало забутовки цоколя.

Строительные приемы и фортификационные особенности Ток-калы очень характерны для античного Хорезма и других областей древней земледельческой цивилизации Средней Азии. Крепостные стены с боевыми коридорами внутри начинают применяться еще с середины первого тысячелетия до н. э. и, развиваясь, сохраняются на протяжении всего античного периода как обязательная принадлежность укреплений[3].

Возведение крепостных стен на цоколе, имеющемся у большинства из указанных крепостей, видимо, — строительный прием, близко связанный с сооружением сплошного стилобата, или платформы под крупные сооружения. Это прием, возникший первоначально как результат преодоления специфических природных условий (строительство на песке, предотвращение пагубного воздействия почвенных вод и солей)

---

[3] В Хорезме таковые — Калалы-гыр № 1, Кюзели-гыр, Канга-кала, Джанбас-кала, Гульдурсун, Эрес-кала, Аяз-кала № 1, Гяур-кала Султануиздагская и др.; в Парфии — Чильбурдж, Чичанлык, Новая Ниса, Мерв; в Бактрии — Кумтепе.

и восходящий, по мнению С. П. Толстова, еще к неолитическим постройкам на барханах[4], был широко распространен в античном Хорезме. Очевидно, с развитием военной техники и появлением стенобитных орудий он приобрел и чисто военный смысл. В подавляющем большинстве случаев цоколь клали из пахсы[5]. Весьма традиционен и прием расширения цоколя книзу. Видимо, угол наклона его внешней стороны применялся относительно определенной величины. Так на Ток-кале он составляет 72—73°, на стенах старой Нисы (первые века до нашей эры) и в арке Мерва Эрк-кале — 75°[6]. Применение субструкционных клеток, заполненных забутовкой, известно уже на Калалыгыр № 1[7] (рубеж V—IV вв. до н. э.)[8].

Все это говорит о том, что Ток-кала, расположенная на далекой северной периферии рабовладельческой цивилизации, была построена в общих для того времени традициях. Однако, как будет видно из последующего, в ее конструкции можно отметить и интересные особенности.

Первостепенное значение для изучения и понимания Ток-калы имеет ее сравнение с городищами Аяз-кала № 1 (II — IV вв. н. э.)[9] и Гяур-кала в горах Султан-Уиздага (II — III вв.)[10], очень большое сходство которых между собой отмечено исследователями ранее[11]. Их строго продуманная прямоугольная планировка[12] свидетельствует о специальном плане, а не стихийном росте; застройка внутри Гяур-калы минимальна (на Аяз-кале она вообще отсутствует). Оба городища обнесены крепостной стеной с двухъярусным стрелковым коридором внутри и башнями, идущими вдоль всей крепости, сделанными на углах в форме «ласточкина хвоста». Нижний ярус коридора имеет сводчатые перекрытия. Башни, как это установлено для Гяур-калы,

---

[4] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 105—106.

[5] На территории Парфии крепостные стены возводились целиком из пахсы до III в. до н. э., и лишь позднее стала применяться комбинированная кладка из пахсы и кирпича. Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 29.

[6] Г. А. Пугаченкова. Указ соч., стр. 33, 39.

[7] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХАЭ, II, М., 1958, стр. 155.

[8] Там же, стр. 167.

[9] Аяз-кала описана дважды, см.: С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 102—103; А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме, сб. «Советская археология», 1946, VI; Раскопки на Аяз-кале № 1 не производились.

[10] Гяур-кала была впервые обследована С. П. Толстовым в 1940 г. (С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 115, 119, 169), а в 1952 г. раскапывалась отрядом Хорезмской экспедиции. Результаты раскопок опубликованы Ю. А. Рапопортом и С. А. Трудновской в их статье «Городище Гяур-кала», МХЭ, вып. II, стр. 347—366.

[11] Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Указ. соч., стр. 354.

[12] Гяур-кала, вероятно, в результате особенностей рельефа имеет форму вытянутой трапеции.

также двухъярусные подпрямоугольно-округленной формы на Гяур-кале и полукруглой на Аяз-кале. Стены стрелковых галерей в обоих случаях поставлены вертикально из сырцового кирпича (средний размер его 40 × 40 × 10 *см*) на пахсовом цоколе, расширяющемся книзу. На Гяур-кале цоколь внутри засыпан забутовкой, и пол нижней галереи находится на ее поверхности. Как видим, все это полностью совпадает с Ток-калой. Более того, отдельные габариты Ток-калы и Гяур-калы (об Аяз-кале судить в деталях, естественно, нельзя): вынос башен, расстояние между ними, ширина стрелкового коридора — одинаковы. Только ширина всей крепостной стены на Ток-кале меньше на 1 *м*. В результате Гяур-кала[13], сохранившаяся гораздо лучше, может быть взята как образец для реконструкции Ток-калы. По аналогии с ней и Аяз-калой следует полагать, что бойницы на Ток-кале были стреловидной формы. Уже отмечалось, что следов верхнего яруса коридора не найдено.

И Аяз-кала, и Гяур-кала по своей конструкции явно рассчитаны на активную оборону, большая роль в которой башен свидетельствует об относительно малом числе защитников. Сугубо военная конструкция, почти полное отсутствие внутренней застройки, указывающее на отсутствие гражданского населения, расположение в стратегически важных местах на краю культурной зоны Хорезма заставили С. П. Толстова прийти к выводу о том, что и Аяз-кала[14], и Гяур-кала[15] являются пограничными военными укреплениями Хорезмского государства, оборона которых была возложена на находившиеся в них гарнизоны. Почти полное сходство Ток-калы с обоими городищами позволяет сделать тот же самый вывод и относительно нее. Расположение на обрывистом холме у крупного протока, бывшего, может быть, в то время одним из главных в дельте Аму-Дарьи, имеет явно стратегический смысл.

Как пограничное военное укрепление Ток-калу интересно сравнить с государственными военными укреплениями Парфии (I—III вв. н. э.) — Чичанлыктепе, Елимингтепе, Кишмантепе, Дурнали, Чильбурдж[16]. Все они имеют форму прямоугольника с часто расположенными по стенам выдающимися башнями и башнями, охватывающими углы укрепления. Предвратный лабиринт у них вынесен за линию стен. Стрелковая галерея на Чильбурдже видна даже без раскопок, а на Дурнали ее заменяет возвышенная укрепленная площадка, открытая изнутри.

---

[13] Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Указ. соч., стр. 353, рис. 3.
[14] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 104.
[15] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.., стр. 192.
[16] Г. А. Пугаченкова. Указ, соч., стр. 45—55.

В этих крепостях обнаружена незначительная жмущаяся к стенам внутренняя застройка. В них стояли военные гарнизоны.

В очень сходной со всеми описанными хорезмийскими и парфянскими крепостями Ток-кале есть и свои характерные отличия: конструкция ворот, не выдающихся за пределы укрепления, а втянутых во внутрь; полуэллиптическая форма башен, находящих себе аналогии только на Аяз-кале и Кишмантепе. От парфянских крепостей Ток-кала отличается и наличием башен в виде «ласточкина хвоста» по углам[17].

Из всего приведенного сравнительного материала, казалось бы, должен следовать вывод о том, что Ток-калу надо датировать первыми веками нашей эры и увязать с историей Кушанского государства. Но, как будет показано ниже, этот вопрос решается далеко не так просто.

Наиболее полное представление о стратиграфии укрепления Ток-калы было получено на раскопе III. Раскопы I и VII дали только дополнительный материал, сам по себе недостаточный для полного осмысления истории жизни укрепления[18]. Только на раскопе III на материке обнаружен культурный слой первого строительного периода. Отнесение его к этому периоду является несомненным потому, что культурный слой представляет собой слой пожара, а по всему городищу четко прослеживается, что первый период его жизни прекратился в результате какой-то большой, надо полагать, военной катастрофы, закончившейся сильнейшим пожаром. Стены и пол стрелкового коридора и внутрибашенных помещений Ток-калы сильно прокалены до красноватого цвета и закопчены. То же самое наблюдается и на поверхности крепостной стены изнутри городища на раскопе III, где к ней примыкали жилые постройки. Поверхностный слой этой стены толщиной в 2—3 *см* спекся и прокалился до ярко-красного цвета. Вероятно, здесь находились легкие постройки на столбах, сделанные из жердей, ветвей и камыша и обмазанные глиной. В слое пожара на раскопах I и III полностью отсутствуют сырцовые или пахсовые завалы, но очень много кусков глиняной обмазки с отпечатками ветвей и

---

[17] В Хорезме подобный прием оформления угла, кроме упоминавшихся Аяз-калы и Гяур-калы, известен еще в сочетании с четырехугольными башнями на Игды-кале на Узбое (начало IV в. н. э.) (С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., МХЭ, вып. I, М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 29—30), на кушанских памятниках — Кургашин-кала и Базар-кала, на ее донжоне, (С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 111—112). В Парфии эту форму имеет только одна угловая башня Старой Нисы.

[18] На раскопе I все культурные отложения смыты, и материал различного времени осел в смешанном виде в намывах на материк. Самый древний слой, относящийся ко времени строительства и жизни укрепления, сохранился только лишь под кладкой более поздних стен. На раскопе VII остатки такого же слоя очень незначительны.

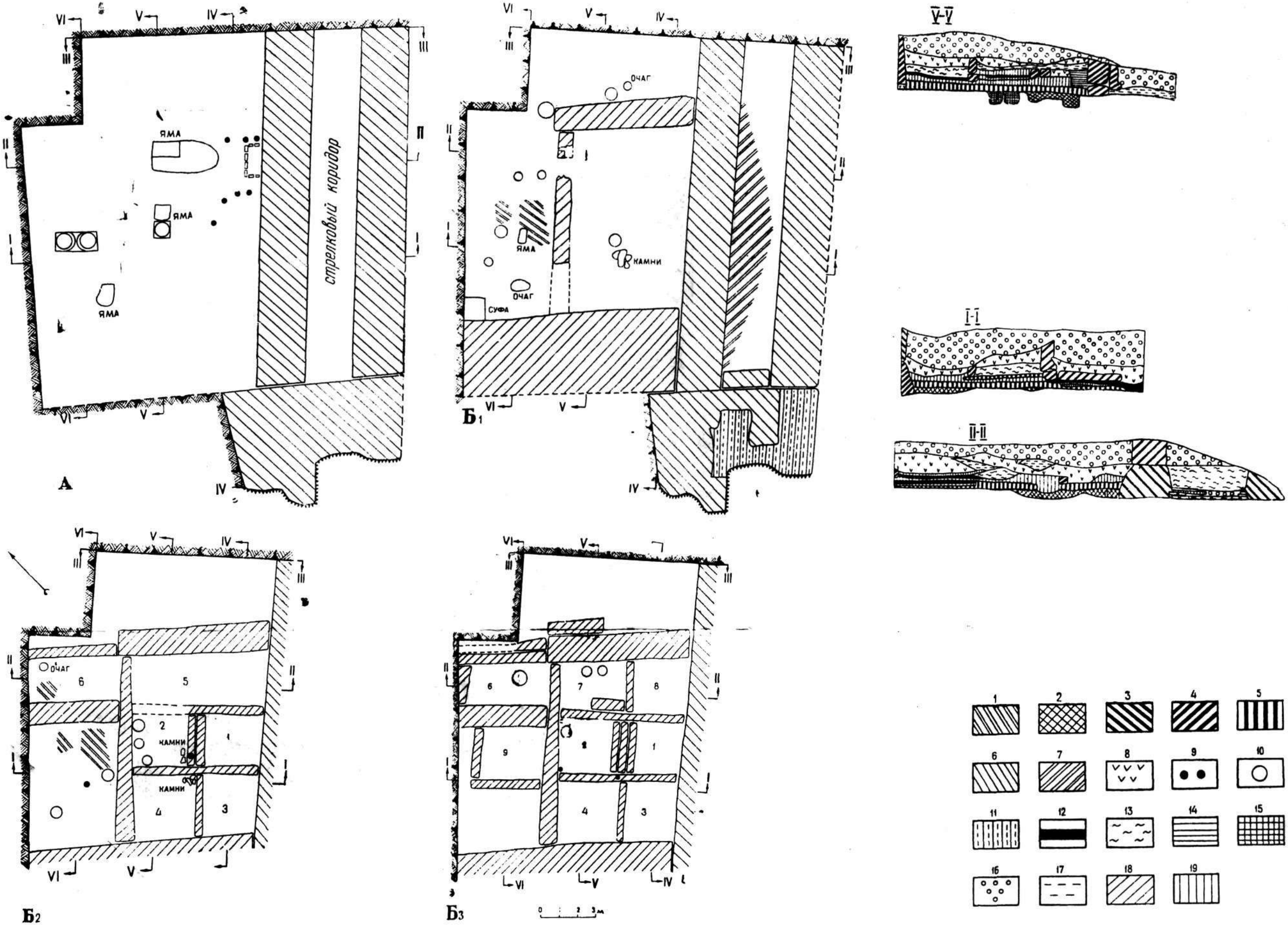

Рис. 3. Раскоп III. Планы и разрезы.

А—план I (кангюйского) строительного периода; Б1—план I горизонта II (кушанского) строительного периода; Б2—план II горизонта II (кушанского) строительного периода; Б3—план III горизонта II (кушанского) строительного периода; 1—кострища; 2—слой пожара; 3—кирпичные стены; 4—пахсовые стены; 5—кирпичные полы; 6—стены кангюйского времени (на планах); 7—закладка кушанского времени в стрелковом коридоре; 8—слои разрушения и завалов; 9—ямки от столбов; 10—хумы; 11—ремонтная кирпичная кладка кушанского времени; 12—глинобитные полы; 13—битый кирпич; 14—плотная глина; 15—заполнение ям кангюйского времени; 16—насыпной песок; 17—песчано-глинистые натеки; 18—стены кушанского времени (на планах); 19—культурный слой.

К зак. 380

камыша, прокалившейся в огне до полукерамического состояния, также много древесных углей, принадлежащих жердям различной толщины — от 10 *см* в поперечнике до тонких прутьев. Попадается легкая белая зола, вероятно, от камыша.

В материке обнаружены ямки от столбов, в некоторых из них сохранились нижние части сгоревших столбов. По расположению этих ямок удалось определить одно из находившихся здесь сооружений (рис. 3, *А*). Оно примыкало к крепостной стене и представляло собой прямоугольник размером 1,8 × 3 *м*. По бокам его стояло по три столба. Внутри помещения материк был подкопан на 20—30 *см*. На полу у задней стенки находилась прямоугольная загородка, размером 0,3 × 0,7 *м*, сделанная из сырцового кирпича на растворе. Кроме этого сооружения, на материке в пределах раскопа III вскрыт еще целый ряд ямок от столбов, но система их не восстанавливается, так как стены вышележащего горизонта при раскопках не сносились и перекрывают часть пространства. В материке расчищены хозяйственные ямы, глубиной от 0,8 до 0,6 *м*, и три вкопанных хума (рис. 3, *А*).

Культурный слой этого периода, в виде перекопанного мусора, сконцентрирован в основном в понижениях и ямах. Произошло это потому, что при повторном обживании укрепления пространство на раскопе III внутри городища было выровнено под новые постройки. В более нетронутом виде слой пожара залегает в боевом помещении — караульне — с восточной стороны ворот. Культурный слой в башнях и коридоре отсутствует. Здесь есть только слой пожара — докрасна прокаленный песок пола с древесными углями. Эти угли, видимо, остаток сгоревших перекрытий. Сильная прокаленность стен и пола говорит о большом количестве дерева, из которого, вероятно, состояли перекрытия. Как на застройке внутри городища, так и в караульне около ворот культурный слой изобилует обломками керамики, сильно обгоревшей при пожаре. В нем попадаются кости животных и фрагменты каменных зернотерок. Массовой находкой можно считать ядра для пращи — необожженные глиняные шарики, диаметром в 4,5—5,5 *см*. Как и керамика, они тоже несут следы пожара. Точно такие же пращные ядра известны в горелом слое, синхронном нашему, на городище Кой-Крылган-кала[19]. Глиняные ядра известны также на городищах южной Туркмении, где они появляются в слоях ЯЗ-I и ЯЗ-II и продолжают существовать в последующее время[20]. Мы предполагаем, что пращные ядра принадлежат осаждавшим крепость, так как в противном случае они вряд ли находились бы в таком большом количестве на

---

[19] Фонды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

[20] И. Усманова. Керамические ядра из Мерва, Труды ТашГУ, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960.

жилой застройке внутри крепости. Это тем более интересно, что в слое пожара почти полностью отсутствуют наконечники стрел. Только на полу боевого помещения с восточной стороны ворот найден один трехлопастный бронзовый наконечник стрелы скифского типа со скрытой втулкой (см. ниже рис. 18, 8*а*). Такие наконечники более всего тяготеют к IV — II вв. до н. э.[21] и позднее обычно не встречаются.

Рис. 4. Оттиски печатей на комке глины.

К числу интересных находок относится ком необожженной глины с оттисками печатей (рис. 4). Изображения на трех из них представляют собой различные сложные асимметричные комбинации рельефных полос и точек. Одна из печатей имеет вид кольца, в середине которого виден

[21] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, № 73, М.—Л., 1959, стр. 47; А. А. Марущенко. Хосров-кала, ТИИАЭ АН ТуркмССР, вып. II, 1956, стр. 129; Он же. Старый Серахс (Отчет о раскопках 1953 г.), ТИИАЭ АН ТуркмССР, вып. II, 1956, стр. 167.

отпечаток ткани, и, наконец, есть еще два просто круглых углубления. Понять смысл изображения, состоящего из линий и точек, пока не удается. Однако надо отметить, что они находят себе аналогию по общему стилю изображения в оттисках печатей, найденных на Кой-Крылган-кале на лестнице и в обходном коридоре центрального здания[22], датируемого IV — III вв. до н. э.[23]

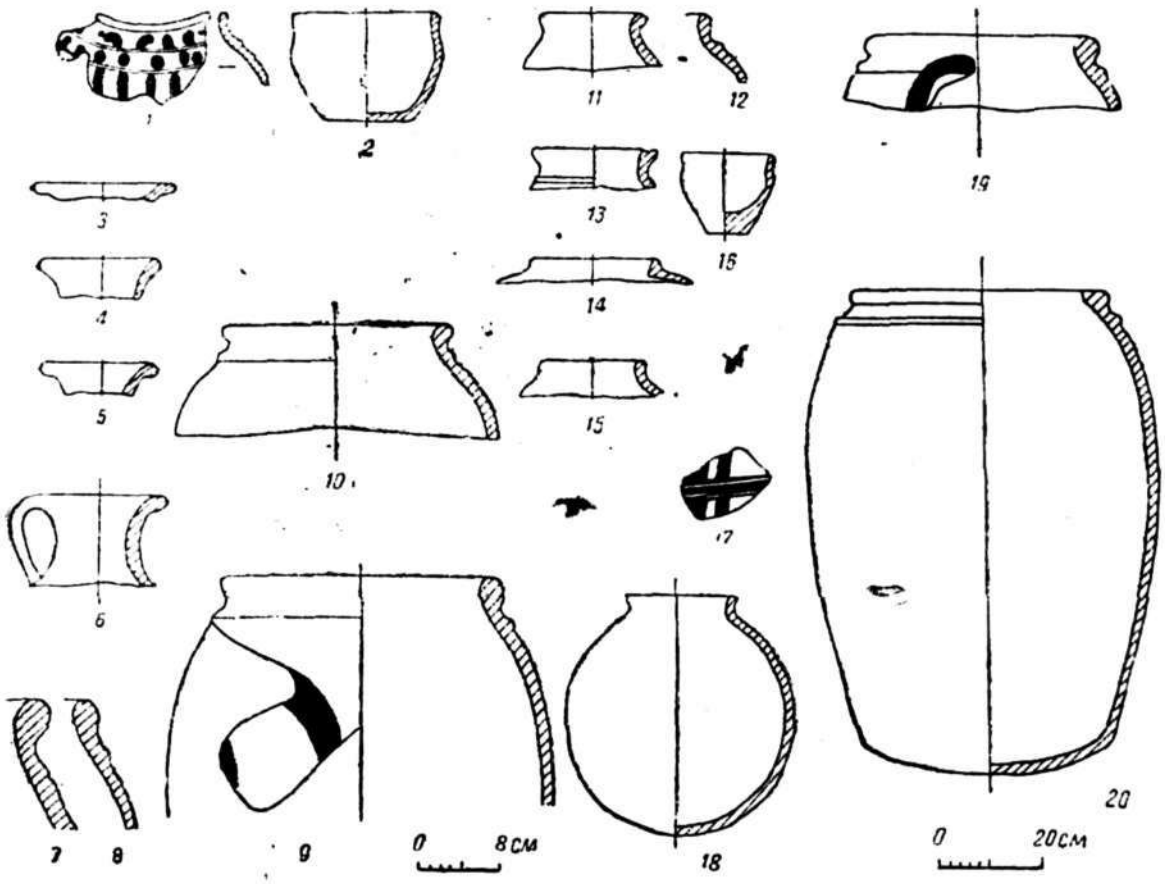

Рис. 5. Керамика кангюйского времени.
1 — 17, 19, 20 — лепка на круге, *18* — ручная лепка.

Главным датирующим материалом для первого периода жизни укрепления служит *керамика.* Количество ее не очень велико, но формы достаточно выразительны и хорошо известны по раскопкам Хорезмской экспедиции в южном Хорезме. Наиболее характерны следующие формы:

1) хумы, расписанные спиралями красного ангоба, с округлым в

[22] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг..., стр. 181, рис. 77.
[23] Там же, стр. 168.

сечении венчиком, короткой шейкой и выпуклым валиком на плечиках[24] (рис. 5, *19, 20*) и хумчи такого же вида[25] (рис. 5, *9*). Сосуды этого типа представлены на всех памятниках кангюйского времени;

2) кубки или бокалы, покрытые красным ангобом[26] (рис. 5, *16*), со стенками, вертикальными в верхней части и резко сужающимися к донышку;

3) горшки (рис. 5, *11—15*) с выпуклым валиком на плечиках, низкой шейкой и округленным или отогнутым наружу венчиком[27]. Некоторые из них покрыты светлым ангобом, по которому нанесена роспись мазками и полосами красно-коричневого ангоба. Обнаружен горшок с двумя резко выступающими валиками на плечиках и на тулове, расписанный мазками красного ангоба в виде запятых и полос[28] (рис. 5, *1*).

Из форм, бытующих в Хорезме на протяжении всего античного времени, обнаружены красноангобированные кринки (рис. 5, *2*), обломки кувшинов, покрытых красным или светлым ангобом[29] (рис. 5, *3—6*), красноангобированные миски, розоватые и желтоватые уплощенно-конические крышки, расписанные мазками красноватого и коричневатого ангоба. Вся посуда сделана на ремесленном гончарном круге из хорошего теста с тщательно измельченным отощителем и равномерно обожжена. Цвет черепков варьируется от желтоватого до красного с преобладанием розовых тонов. В целом цвет более тусклый, чем в южном Хорезме. На большинстве фрагментов имеются выпуклые валики и следы росписи красно-коричневым и черноватым ангобом. Лепная кухонная посуда домашнего производства встречается довольно часто и в основном представлена мисками и горшками (рис. 5, *18*). Горшки округлы с вертикальным или слегка отогнутым наружу горлом и простым срезанным или скругленным краем, с плоским или круглым дном. Однообразны глубокие миски с таким же простым краем и слегка суженным устьем.

В целом весь материал представляет собой устойчивый комплекс, датируемый по аналогиям южного Хорезма концом IV — II вв. до н. э.

Следует отметить наличие ряда форм и признаков, тяготеющих к более ранней части этого периода. Особенно выразительны в этом отношении горшок с двумя валиками и росписью в виде запятых (рис. 5, *1*) и, что особенно важно, баночная форма и широкое устье

---

[24] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, ТХАЭ, т. IV, М., 1959, стр. 91; 93, рис. 9, № 2, 5, 6, 15, 19. В нашей коллекции целых экземпляров с росписью не имеется. Есть обломки стенок, на которых видно до трех завитков спирали.

[25] Там же, стр. 126, рис. 23, 27.

[26] Там же, стр. 112, рис. 19, № 2.

[27] Там же, стр. 99, рис. 12, № 18; стр. 126, рис. 27, № 13, 14, 16, 17, 18.

[28] Там же, стр. 99, рис. 12, № 18; Ю. А. Рапопорт. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г., ТХАЭ, т. II, М., 1959, стр. 403, рис. 12, № 18.

[29] М. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 126, рис. 27, № 1; стр. 129, рис. 29, № 1.

хумов. Такие хумы известны в ранних слоях различных городищ Хорезма, например в Хазараспе, на Кой-Крылган-кале. По пропорциям и по общей форме они восходят к хумчам V в. до н. э., обнаруженным в Хорезме на архаическом поселении Дингильдже. Позднее их форма становится грушевидной, а устье сужается до половины наибольшего диаметра корпуса.

Сопоставляя датировки, которые вытекают, с одной стороны, из аналогий вещевому и керамическому материалу, а с другой, — фортификационным и строительным особенностям первого периода жизни Ток-калы, мы видим резкое расхождение: это или середина кангюйского периода, конец IV — II вв. до н. э., или же время кушан — II — III н. э. Датировка керамического материала в достаточной мере проверена многолетними археологическими исследованиями в Хорезме и не может вызывать сомнений. Датировка же отдельных архитектурных приемов для этого периода более расплывчата. В этой области каждый год все еще приносит новое. Кроме того, датировка кушанским временем оказывается совершенно неприемлемой уже потому, что, как увидим ниже, интересующий нас слой перекрыт сверху слоем кушанского времени, датируемым совершенно четко. Все эти соображения заставляют отнести время сооружения и жизни укрепления ко второй половине кангюйского периода, IV—II вв. до н. э.[30]

Принятие такой датировки привлекает внимание к вопросу о времени возникновения в древней архитектуре Средней Азии полуовальных башен и бытования угловой башни в виде «ласточкина хвоста» в Хорезме. Еще до сравнительно недавнего времени округлая форма башен рассматривалась в Средней Азии и Иране как явление относительно позднее. Самые ранние овальные башни в Парфии известны на городище Тахт-и-Сулейман (в Иранском Азербайджане около Тавриза), возникшем в конце II в. до н. э.[31] Некоторое распространение они получили в первые века нашей эры (Кишмантепе[32], Хатра[33], Истахр[34], Ктезифон[35], Беграм[36]). В Хорезме в афригидское время эта форма становится единственной. До сравнительно недавнего времени считалось, что подобная форма башен нехарактерна для античных крепо-

---

[30] Ниже мы еще вернемся к вопросу сужения датировки жизни кангюйского укрепления.

[31] O. U. Pope. The Institutes survey of Persian Architecture. Preliminary Report on Takh-i-Sulayman. „Bull. Amer. Inst. of Iranian art and Archeology", V, 2, 1937, p. 75.

[32] С. А. Вязигин. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 271.

[33] Г. А. Кошеленко. Парфянская фортификация, СА, 1963, № 2, стр. 68.

[34] E. Herzfeld. Iran in the ancient East, London — New York, 1941, p. 276.

[35] Г. А. Кошеленко. Указ соч., стр. 69.

[36] Там же, стр. 65.

стей Хорезма и появляется только на самых поздних из них[37] (Аяз-кала, Пиль-кала). Однако обнаружение овальных башен на архаическом городище Кюзели-гыр[38], затем круглых предвратных на Кой-Крылган-кале[39], а теперь полуовальных на Ток-кале показывает, что такой конструктивный прием был известен зодчим Хорезма еще с глубокой древности. В этой связи, если и нельзя полностью отрицать мнение о том, что в парфянской фортификации округлые башни возникли совершенно самостоятельно[40], то все же следует констатировать, что в Хорезме они появились раньше[41].

Расположение башен на углу крепости в виде «ласточкина хвоста» известно в архитектуре древнего Востока еще в глубокой древности. В Хорезме он возникает значительно позднее как результат самостоятельного развития фортификации в сходных условиях[42]. Такая конструкция угла до последнего времени была известна только на кушанских памятниках Хорезма (Аяз-кала № 1, Кургашин-кала, Калалыгыр II, цитадель Базар-калы)[43]. На основе этого возникло мнение, что данный прием появился в Хорезме только в раннекушанский период[44]. Пример Ток-калы показывает, что в действительности это произошло гораздо раньше.

В более ранней публикации результатов исследования дельты Аму-Дарьи, опираясь на материал с возвышенностей Крантау и Порлытау, мы предположили, что по правому берегу реки в дельте проходила линия государственных крепостей[45] Хорезма. В отношении Крантау и Порлытау это суждение нельзя считать полностью доказанным: слишком невелики сохранившиеся здесь археологические материалы. Совершенно сходное расположение на холмах коренных пород на правом

---

[37] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 103.

[38] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг..., стр. 144.

[39] С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., МХЭ, вып. IV, стр. 9, рис. 4.

[40] Г. А. Кошеленко. Указ. соч., стр. 71.

[41] Рассматривая вопрос о времени появления башен округлой формы, нельзя пройти мимо того факта, что полукруглая башня со стреловидными бойницами была обнаружена в древней городской стене Варахши. К сожалению, ее раннее городище исследовано в незначительной степени, а башня осталась датированной в очень широких рамках — от II в. до н. э. до II в. н. э. (С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг., История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, стр. 123—137).

[42] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 113.

[43] В 1956 г. такая конструкция угла обнаружена на памятнике начала IV в. Игды-кала (С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., МХЭ, вып. 1, стр. 30, рис. 19).

[44] Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 102.

[45] А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин. Некоторые итоги.., стр. 45.

берегу Аму-Дарьи в одинаковой мере может говорить о том, что это пограничные крепости на естественном рубеже, и о том, что это торговые фактории на главной водной магистрали. Что же касается Ток-калы и Гяур-калы, то здесь не может возникнуть сомнения в том, что это пограничные военные крепости.

В связи с этим представляется правомерным поставить вопрос о времени возникновения Гяур-калы в Султан-Уиздаге. Полученный на ней керамический материал, как отмечают сами исследователи, до крайности скуден и невыразителен[46]. Большая часть его, судя по описанию, может быть с успехом отнесена и к кангюйскому, и к кушанскому времени. Основой датировки памятника служит его близкое сходство с Аяз-калой № 1. Но теперь на примере Ток-калы мы видим, что совершенно аналогичная крепость существовала в кангюйское время. Таким образом, если опираться в основном на архитектурно-фортификационные признаки, то Гяур-калу можно продатировать и по Ток-кале. Такое предположение не ставит под сомнение то, что Гяур-кала была повторно обжита в кушанское время. Забегая вперед, скажем, что такое явление имело место и на Ток-кале[47].

Относя Ток-калу к кангюйскому времени, необходимо сравнить ее с другими, наиболее подробно исследованными, типично кангюйскими памятниками Хорезма — Джанбас-калой[48], Акча-Гелином[49] и Хазараспом[50]. При этом налицо большая разница приемов фортификации. Джанбас-кала и Акча-Гелин без башен, так как рассчитаны на участие в обороне всего населения. Это легко может быть понято, если учесть различное назначение городищ. И Джанбас-кала, и Акча-Гелин включают сплошную внутреннюю застройку. Это — укрепленные поселения или даже небольшие города, в то время как Ток-кала — пограничное

---

[46] Интересно, что при первом обследовании Гяур-калы С. П. Толстов отнес ее к кангюйскому времени (Древний Хорезм..., стр. 169), а раскапывавшие ее Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская отмечали, что «все элементы укреплений городища имеются уже в кангюйских крепостях Хорезма» (Указ. соч., стр. 366).

[47] Принятие нашего предположения позволит понять до крайности странную закладку сырцом внутри стрелковой галереи на Гяур-кале, закрывшую оба ряда бойниц. Эту закладку не удалось удовлетворительно объяснить во время раскопок городища (Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Указ. соч., стр. 354). В случае правильности нашего предположения она должна быть отнесена к кушанскому времени обживания памятника. Тогда эта закладка полностью соответствует такой же на Ток-кале (об этом см. ниже).

[48] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 88—93.

[49] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг..., стр. 26.

[50] М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг., МХЭ, вып. VI. Мы не привлекаем для этого сравнения Кой-Крылган-калу как памятник функционально совершенно отличный.

военное укрепление. Если принять эту точку зрения, то становится понятной более примитивная и архаичная, использующая в основном только стены фортификация поселений, в обороне которых принимало участие все население, и несравненно большее военное совершенство Ток-калы, основой обороны которой служили башни. Хазарасп (рубеж V—IV вв. до н. э.), расположенный на крайнем юге Хорезма, принадлежит, видимо, к несколько иной архитектурной школе, расцвет которой происходит в более позднее время в Парфии. Характерным ее образцом в парфянской архитектуре, имеющей много общего с Хазараспом, является крепость Дурнали (I—II вв. н. э.)[51].

Наличие двух пограничных крепостей (Ток-кала и Гяур-кала) по правому берегу Аму-Дарьи на севере Хорезма в кангюйское время затрагивает историю существования в Хорезме этого времени сильного консолидировавшегося государства. Уже в архаический период в Хорезме налицо мощное развитие ирригационной системы, строительство и эксплуатация которой невозможны без наличия центральной власти. Хотя Хорезм и входит[52] в течение некоторого времени в состав государства Ахеменидов, но за ним сохраняется доминирующее положение в XVI сатрапии, и хорезмийские воины не упоминаются в составе войск Дария III в его борьбе с Александром Македонским. Это говорит о его значительной самостоятельности. Именно такой самостоятельной силой и выступает в лице царя Фарасмана по отношению к Александру Македонскому Хорезм, оставшийся единственной незавоеванной греками развитой областью Средней Азии. Существование на юге Хорезма укрепления Хазарасп и крепости Калалы-гыр № 1, независимо от интерпретации этой последней или как ахеменидского форпоста, ставшего ненужным в связи с отпадением Хорезма от державы Ахеменидов, или как хорезмийской крепости для защиты от ахеменидов, угроза со стороны которых быстро исчезла, свидетельствует о немалой военной силе Хорезма[53].

Анализ даже только части перечисленных фактов дал возможность С. П. Толстову прийти к выводу о том, что уже в VIII — VI вв. до н. э. в Хорезме возникает крупное рабовладельческое государство[54]. Сведения о нем в исторических источниках чрезвычайно скудны и в основном косвенного характера. Поэтому столь ценен каждый добытый археологией факт, несущий хотя бы крупицу нового об этом государстве.

---

[51] М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Указ. соч., стр. 196.

[52] По мнению С. П. Толстова, это вхождение могло быть даже добровольным ради сохранения гегемонии над соседними районами (Древний Хорезм..., стр. 105).

[53] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 167. Интересно, что через несколько десятилетий на Калалы-гыре все же появился небольшой хорезмийский гарнизон.

[54] С. П. Толстов. По следам..., стр. 103—107.

В исторических источниках, освещающих первые века до нашей эры и происходящих целиком (за исключением китайских) из мира эллинистической культуры, на первом плане два других государства Средней Азии — Бактрия и Парфия, поскольку именно они оказались непосредственно в гуще политической жизни эллинистического мира. Однако анализ событий, связанных с народным восстанием в Парфии и возникновением Парфянского государства, показывает, что Хорезм был материальной базой этого антигреческого движения[55]. В нашей исторической науке в настоящее время в основном общепринято мнение о том, что значительную роль в этом движении сыграл массагетский мир[56], консолидировавшийся вокруг Хорезма, и на него в период отпадения от Селевкидов ориентировалась Парфия[57].

Появление военных государственных крепостей в Хорезме на несколько сот лет ранее, чем в Парфии[58], и даже ранее образования Парфянского государства, — это новый штрих в истории древнехорезмийской государственности. Неминуемо возникает вопрос, в связи с какими событиями и против каких врагов были построены эти крепости. Здесь уместно вернуться к конкретизации датировки кангюйской Ток-калы, относимой в общем к IV — II вв. до н. э. При анализе керамики было отмечено, что в ней имеется ряд важных признаков и форм, тяготеющих к началу этого периода — рубежу IV — III вв. до н. э. Принятие узкой датировки вместе с предположением о весьма недолговременном существовании укрепления заставит считать, что оно погибло не позднее первой половины III в. По логике наших рассуждений придется отнести к этому же времени и прекращение жизни на кангюйской Гяур-кале. Политическая история Хорезма данного периода подробно неизвестна, поэтому мы не можем решить вопроса о причинах возникновения и гибели этих укреплений. Возможно и другое, в настоящее время представляющееся более вероятным, решение этого вопроса. Если предположить, что на периферии Хорезма описанные керамические формы бытуют в течение более длительного времени, то мы сможем поднять верх датировки до III — середины II в. до н. э. Тогда сооружение и гибель крепости на севере Хорезма должны быть связаны с нашествием массагето-юэчжийских племен, разгромивших эллинистические государства Среднего Востока и расчистивших место для возникновения Кушанской империи. На настоящем уровне наших знаний приходится оставить окончательное решение этого вопроса будущему.

---

[55] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 234.

[56] Всемирная история, т. II, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 425.

[57] Там же, стр. 446.

[58] Интересно, что мысль о более архаичном облике античных хорезмийских крепостей уже высказывалась Г. А. Кошеленко в литературе (Указ. соч., стр. 65).

КУШАНСКИЙ ПЕРИОД

Заброшенная кангюйская крепость была через некоторое время вновь обжита. О перерыве в жизни античного городища убедительно говорит наличие стерильной песчано-глинистой прослойки между первым (кангюйским) и вторым (кушанским) строительными периодами, обнаруженной в стрелковом коридоре на раскопе I. В других местах этот слой уничтожен нивелировкой, предшествовавшей возведению кушанских строений. Новые обитатели, если и освоили, то во всяком случае не застроили все пространство внутри укрепления. Прежде всего они реконструировали крепостную стену, где нужно было, ее отремонтировали. Стрелковый коридор и башни были заложены сырцовым кирпичом. Мы не знаем, были ли переделаны ворота. Скорей всего, на месте ворот находился просто проход внутрь.

К моменту перестройки укрепления часть северо-западной стены возле западного угла городища оказалась уже смытой, и здесь была поставлена несколько наискось по отношению к старой крепостной стене (рис. 2) новая из сырцового кирпича. Обрыв с внешней стороны этой новой стены во избежание нового размыва и обвала был покрыт в самом опасном месте облицовкой из сырцового кирпича.

Юго-западная стена между западным углом и воротами тоже была отремонтирована и дополнительно укреплена (рис. 3, *Б 1*). Выбоины в пахсе (следы проломов?) подтесаны и небрежно заполнены сырцовыми кирпичами на растворе. Вновь был выложен из кирпичей и угол у подхода к воротам. Кроме того, изнутри крепости к юго-западной стене приставлена новая сплошная кирпичная стена, толщиной в 4,3 *м*. Западный реконструированный угол крепости, несмотря на специальное укрепление, пострадал от обрушения и размыва и до нашего времени не сохранился.

Основной массив новой жилой застройки находился в западном углу укрепления, где часть его и вскрыта раскопами III и VII. Кроме того, отдельные строения находились возле северо-восточной стены (раскоп I) и юго-западной (напротив раскопа I). Второе строение сохранилось сейчас настолько плохо, что оказалось непригодным для раскопок.

Раскоп III. Горизонт I. Основные сведения о жизни памятника в этот период, как и в первый, дал раскоп III. На расстоянии 100 *м* от новой юго-западной стены параллельно ей была поставлена сырцовая стена, толщиной в два с половиной кирпича (рис. 3, *Б 1*). Затем между этими стенами на снивелированную поверхность настелили пол из кир-

пича, выложенного в три ряда без раствора на песке. Нижний и верхний ряды покрыли саманной обмазкой. Такая же обмазка нанесена и на стены, в том числе и на обгоревшую поверхность западной крепостной стены. В 6,5 *м* от крепостной стены, ограничивающей раскоп III с востока, была поставлена параллельно ей еще одна стена толщиной тоже в два с половиной кирпича. Таким образом, возникло большое помещение, размером 10 × 6,5 *м*, с проходом в северном углу (рис. 3, Б 1). Размеры применявшихся на строительстве кирпичей — 37 (43 × × 37 (43) × 10 *см*. Северо-западная и северо-восточная стены впоследствии не раз ремонтировались, но продолжали существовать в течение всей последующей жизни на этом месте. В помещении стоял хум, а в пол заглублено несколько больших диких камней, между которыми был зажат столб, поддерживавший кровлю. Вероятно, таких столбов должно было быть два, но следы второго обнаружить не удалось.

К западу от помещения находилось открытое пространство, возможно, дворик, использовавшийся в хозяйственных целях. В нем много следов кострищ, видны круглые зеленые пятна там, где на полу стояли хумы. В процессе жизни здесь почти везде были сняты два верхних ряда кирпичей пола, а возле юго-западной стены сооружено кирпичное возвышение, возможно, суфа, высотой в 25—30 *см*. Оно уходит за пределы раскопа и вскрыто не полностью.

Пространство к северо-востоку от помещения использовалось, вероятно, таким же образом, но сейчас здесь почти все следы жизни смыты. Культурного слоя нет. Сохранились только небольшой участок кирпичного пола, нижняя часть двух хумов и небольшой круглый очажок диаметром 40 *см*, сделанный из черепков на растворе. Внутри он покрыт прокаленной обмазкой. Подобные очажки известны на внешнем кольце застройки Кой-Крылган-калы, датируемом первыми веками нашей эры.

Горизонт II. Через некоторое время была произведена перестройка этого жилого комплекса, соответствующая II горизонту второго (кушанского) строительного периода (рис. 3, *Б 2*). Описанное большое помещение вымощено еще одним рядом сырцового кирпича, и на новом полу поставлены стены помещений 1, 3, 4, 5[59] и, возможно, 2 (нам неизвестна в этом горизонте его северная стена). В настоящее время кирпичный пол полностью сохранился только в помещениях 1 и 4. В помещении 5 он был снят при более позднем переуглублении, а в третьем уже в период запустения поселения (слои разрушения лежат прямо на полу I горизонта, а остатки кирпичного пола II горизонта торчат из-под

---

[59] Принятая в настоящей работе нумерация помещений на раскопе III отличается от полевой нумерации, приведенной в статье А. В. Гудковой «Раскопки городища Токкала в 1960—1961 гг.» (Сообщение первое).

стен). Поэтому мы не можем судить о ходе жизни в помещениях 3 и 5. В уже, возможно, существовавшем помещении 2 или на том месте, где оно существовало позже, уровню пола соответствует плотная глинистая поверхность с обильной шелухой проса, сажистыми пятнами, несколькими плашмя лежащими кирпичами и тремя вкопанными хумами. В помещении 4 продолжали существовать камни I горизонта, в которых по-прежнему был зажат опорный столб кровли.

На пространстве к западу от этих помещений пол II горизонта был настелен не кирпичом, а плотным слоем глины в 10 *см* толщиной. На нем сооружено помещение, западная часть которого осталась за пределами раскопа. В этом помещении и между ним и юго-западной стеной поселения сохранился дворик с кострищами, очагами-ямками и следами хумов. Все стены сделаны очень небрежно (шириной в один кирпич) и покрыты слоем саманной обмазки, толщиной в 3—4 *см*. Размер кирпичей пола и стен колеблется от 45 × 43 × 12 *см* до 37 × 37 × 10 *см*. Применялись специально сделанные половинки.

Еще во время жизни во II горизонте возникла необходимость в некотором ремонте. Западная стена помещения 1 была подперта из помещения 2 новой стеной, поставленной на культурном слое, накопившемся здесь на полу. В нее в 0,7 *м* от западного угла был вмурован столб перекрытия. Под него для устойчивости положен большой фрагмент стенки хума. После сооружения стены в южном углу помещения 2 на пол положены два больших необработанных камня, назначение которых неизвестно.

Горизонт III (рис. 3, *Б 3*) является последним в жизни жилого комплекса. Всюду видны следы ремонта. Пришедшие в негодность юго-западная стена помещения 2 и северо-западные помещений 2, 4 и 5 были снесены, а в помещении 4 заменены новыми. Часть разбитых кирпичей разровняли по полу.

Продолжалась ли в помещении 4 жизнь поверх этого слоя битого кирпича, сказать с уверенностью нельзя. Над ним идет мягкий слой, возможно, мусорный с большим содержанием обломков кирпича. Выше залегают слои разрушения. Жилой поверхности не найдено. На месте старой северо-западной стены помещений 2, 4 и 5 поставлена новая, сдвинутая на 15—20 *см* к востоку по отношению к старой. На остатках прежней стены была поставлена южная стена помещения 2. Размеры кирпичей — 37(42) × 37(42) × 10 *см*. В юго-восточном углу помещения 2 в новой стене вмурован столб, поддерживающий перекрытие. Под него подложен плоский камень.

К северу от помещения 4 кладка старой северо-западной стены уцелела на высоту 0,8 *м*. Горизонтальный стык старой и новой стен был закрыт рядом кирпичей, поставленных вертикально, настелен плотный слой мокрой глины, толщиной в 10—12 *см*, который и стал в этом месте

полом III горизонта. Поверх него поставлена северная стена помещения 2. Перед настилкой пола два хума, стоявшие здесь ранее, были разбиты. Их куски разбросали тут же и засыпали мелкими обломками кирпичей. На новом полу остался только один хум. На его дне найден беловато-желтый слой растительных остатков с просяной шелухой. В северном и западном углах помещения были вкопаны столбы, диаметр ямок от которых равен 20 и 25 *см*. Вероятно, они поддерживали кровлю.

В помещении 1 произвели ремонт северо-западной стены, употребив без особого порядка целые и битые кирпичи и крупные обломки хумов. Пол помещения, ранее несколько понижавшийся к северо-западной стене, покрыт в этом месте несколькими кирпичами с обмазкой.

Видимо, в III горизонте в помещении 5 произошло переуглубление до уровня кирпичного пола I горизонта. Старая стена, ограничивавшая помещение 5 с северо-востока, была отремонтирована и надстроена. Затем помещение разгородили пополам. Так возникли два новых — седьмое и восьмое. В седьмом поставлены на полу два хума. Жизнь в обоих помещениях продолжалась довольно долго: культурный слой нарос толщиной до полуметра.

Северо-восточная стена помещения 2 в процессе жизни начала наклоняться в помещение 7, и здесь позднее прямо на культурном слое поставили кирпичную подпорку.

В III горизонте переделано и отремонтировано помещение 6. Юго-западная и северо-восточная стены облицованы снизу одним рядом кирпичей на торце. Затем поставлена новая северо-западная стена, уменьшившая прежние размеры помещения. В нем на полу, покрытом глиняной обмазкой, найдено очажное пятно и ямка от столба диаметром в 20 *см*. У северо-восточной стены стоял большой хум.

Трудно сказать, когда перестал функционировать проход между помещениями 6 и 7. В период запустения поселения все слои в этом месте нарушены каким-то перекопом.

Часть хозяйственного дворика превращена в помещение 9, в котором культурные отложения полностью смыты.

В процессе жизни помещения 6 в III горизонте поставлена снаружи подпорка под его северо-восточную стену. Она сделана из комьев глины и обломков кирпича, закрытых снаружи кирпичами на торце. Другая кирпичная подпорка была поставлена под северо-восточную стену помещения 7 на намывах.

III горизонт является последним, над его отложениями лежат только слои естественного разрушения.

Культурный слой во всех трех горизонтах весьма сходен: довольно мягкий, песчанистый, с мелкими комочками глины, без угольков и почти без костей. Только во дворике слой становится более насыщен-

ным. На всех полах, в том числе и на самом верхнем, очень мало керамики. Это свидетельствует о том, что жизнь на поселении протекала без особых потрясений и прекратилась постепенно.

При анализе планировки жилого комплекса раскопа III бросается в глаза, что помещения II и III горизонтов очень небольшие по площади и не имеют проходов (рис. 6). Естественно предположить, что с внешним миром они сообщались через люки в плоской крыше. О конструкции перекрытий известно очень мало. Пазов в стенах нигде не найдено. Обнаружены лишь следы от столбов, упоминавшиеся выше. Характерной особенностью этих помещений является почти полное отсутствие очагов или кострищ и суф. Почти во всех помещениях найдены хумы. Так как полы были мощеные, то хумы не закапывали, а ставили прямо на пол. Их было, вероятно, значительно больше, чем отмечено при раскопках. Об этом говорят круглые зеленые пятна на полу и разбросанные в помещениях обломки, принадлежащие явно одному и тому же сосуду. Жилые помещения концентрируются вокруг внутреннего дворика, бывшего средоточием хозяйственной жизни и местом приготовления пищи.

Ту же картину планировки дает и раскоп VII, где был обнаружен внутренний хозяйственный дворик, окруженный помещениями, без проходов в него. Помещения расчищены лишь частично поверху и, насколько можно судить, принципиально не отличаются от помещений на раскопе III. Все стены, окружающие дворик, носят следы многочисленных ремонтов, характерным приемом которых была облицовка разрушившихся мест кирпичами, поставленными на торец. Кроме этого, под все стены ставились подпорки. Одна из таких поздних подпорок под юго-восточную стену покрыла почти целиком три более ранних хума, стоявших возле этой стены.

Культурный слой во дворике изобилует кострищами, очагами, костями, керамикой, камнями. Здесь же стояли хумы. На одном из ранних этапов жизни в северном углу существовала такая же кирпичная суфа, как и во дворике на раскопе III. Три горизонта жизни поселения, выявленные на раскопе III, материалом друг от друга не отличаются, и их нельзя рассматривать как характерные для всего поселения.

Раскоп I. Планировка кушанского времени вскрыта и на раскопе I, возле северо-восточной стены поселения (рис. 7).

Здесь полностью сохранилось довольно большое помещение (1) размером $9 \times 2{,}7$ *м,* в восточном углу которого имеется проход наружу шириной в 1 *м* с кирпичным порогом. С юго-запада примыкало к нему одно помещение, а с северо-запада, вероятно, два, смытые почти целиком.

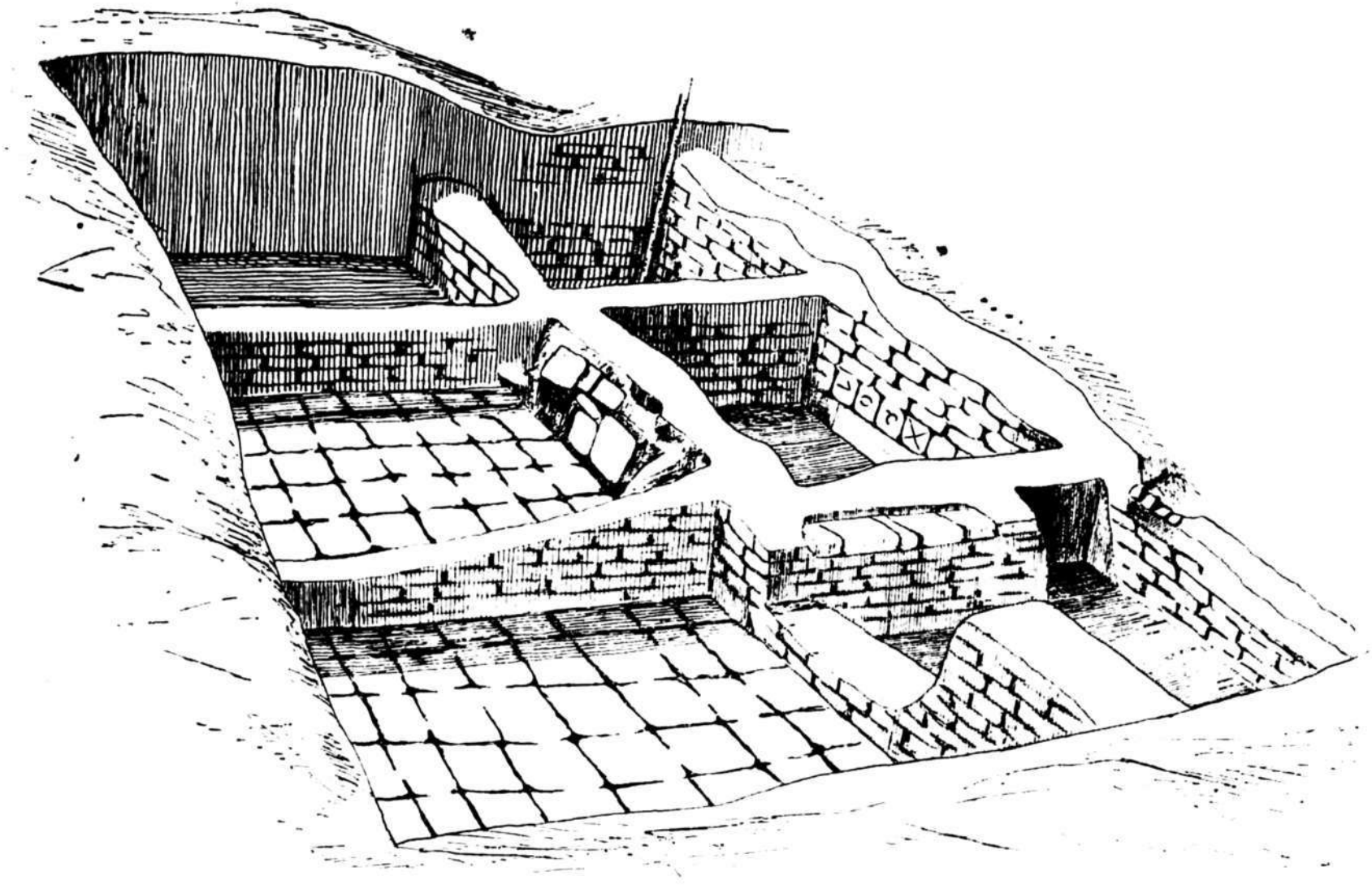

Рис. 6. Восточная часть раскопа III.

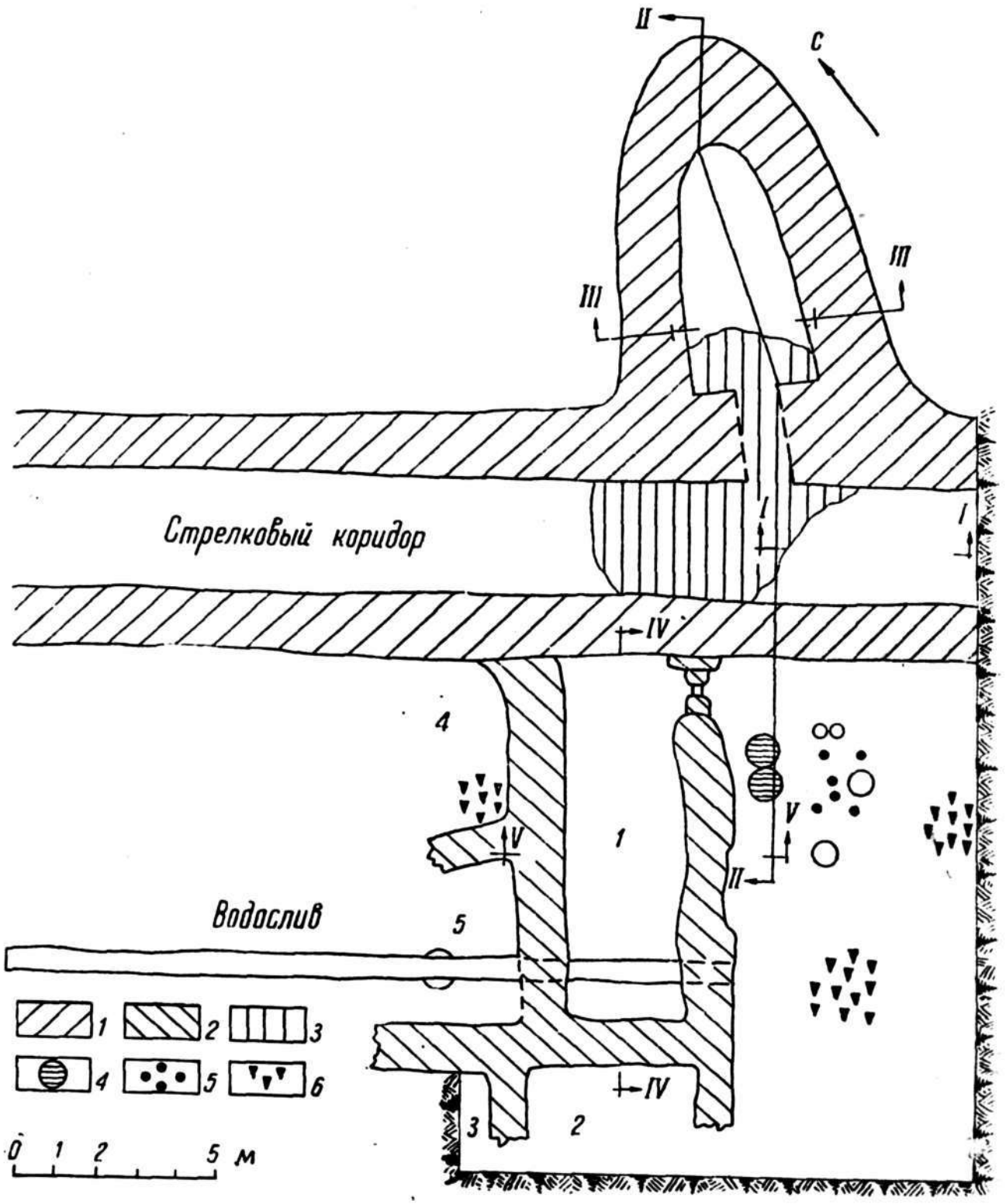

Рис. 7. Раскоп 1. План.

1 — стены стрелкового коридора; *2* — стены кушанского строения; *3* — кирпичная закладка коридора и башни в кушанское время; *4* — ямы от хумов; *5* — ямки от столбов; *6* — скопления керамики.

Расчисткой на пространстве к юго-востоку от помещения установлено, что здесь никаких строений не было. Найдено несколько почти целых хумов, много их обломков и ям, в которых они могли стоять. Попадаются разбросанные в беспорядке ямки от столбов. Возможно, в этом месте был навес, а все пространство использовалось по типу хозяйственного дворика. Как уже упоминалось ранее, культурный слой здесь почти полностью смыт.

В южной части помещения 1 в материке прокопана канава шириной в 0,5 *м*. На дне ее уложены гончарные трубы, вставленные концами друг в друга. Стыки труб обмазаны плотной зеленоватой глиной. Это какое-то водосливное сооружение. Водослив проходит под восточной и западной стенами помещения 1 и тянется с уклоном дальше, на северо-запад, в сторону русла у подножия холма. Водосливная канава на всем протяжении забита каменистым грунтом, выброшенным при ее прокладке. В этом грунте часто попадаются угольки, мелкие скопления золы, расщепленные кости и керамика. Общая длина водослива около 1 *м*. На нижнем конце его канава и проложенные в ней трубы неожиданно на одной линии обрываются. Заложенная в конце водослива траншея выявила только ненарушенные материковые слои. Общая длина его 20 *м*, падение по всей длине составляет 1 *м*. Водослив был сооружен теми же людьми, которые построили перекрывающее его помещение. Об этом говорит то обстоятельство, что в южной части помещения 1 стены стоят непосредственно на грунте, выброшенном при рытье канавы водослива. Более того, под юго-восточной стеной канава специально перекрыта двумя сырцовыми кирпичами для того, чтобы предотвратить неминуемую без этого просадку стены. Назначение водослива остается не вполне ясным. От верхней его части, находившейся к востоку от помещения 1, никаких следов не сохранилось. В конце водослива материк не имеет никакой специфической окраски или запления, которые были бы неминуемы при фильтрации в песок сточных вод. Скорей всего, водосливом почему-то не пользовались.

Находки на всех трех раскопах описываемого поселения состоят почти исключительно из керамики, небольшого количества костей животных (кости рыб отсутствуют) и обломков каменных зернотерок.

Особой категорией находок являются более 30 видов *клейм на кирпичах* (рис. 8). Почти всегда они прочерчены пальцем и лишь в редких случаях каким-то тонким острием. Все меченые кирпичи в кладках стен и вымостках пола лежали знаками вниз. Только в помещении 2 III горизонта три ремонтных кирпича, приставленных на торец к северо-западной стене, были обращены ими наружу. Клейма на кирпичах городищ рабовладельческого периода обычны в Средней Азии.

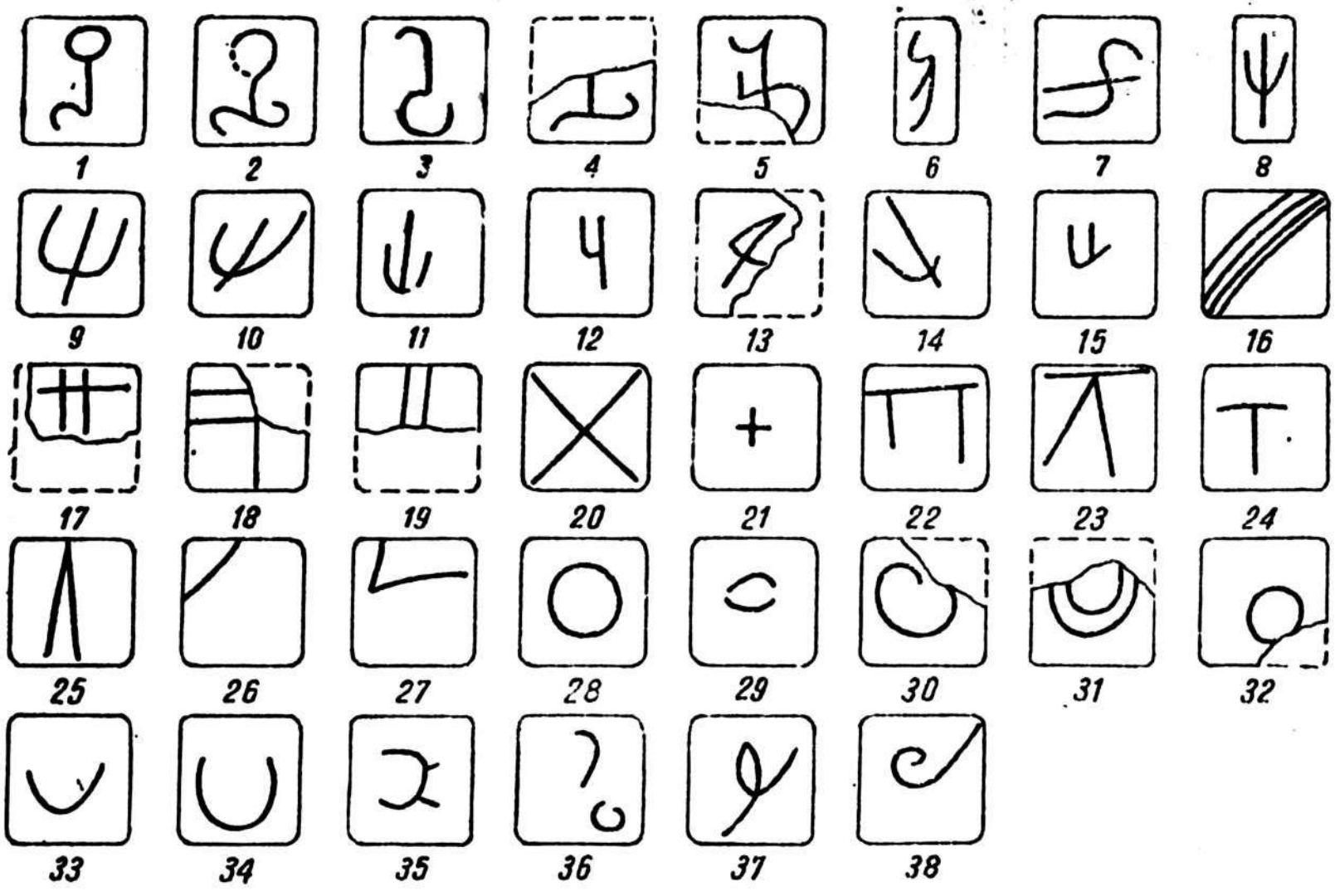

Рис. 8. Клейма на кирпичах кушанского времени.

Они широко известны и на памятниках Хорезма (Джанбас-кала[60], Аяз-кала № 3[61], Топрак-кала[62], Гяур-кала Султануиздагская[63], Гяур-кала на Черменябе[64] и др.). Вопрос о назначении клейм решается исследователями по-разному[65]. Видимо, еще не накоплен достаточный материал для того, чтобы окончательно решить этот вопрос. А может быть, единого решения нет и потому, что все эти знаки в разных случаях могли иметь свое назначение и свой смысл. Во всяком случае, обилие их на небольшом жилом комплексе Ток-калы не позволяет считать их здесь родовыми знаками обитателей. Может быть, это индивидуальные знаки лиц, изготовлявших кирпичи. А так как неклейменых кирпичей гораздо больше клейменых, то можно допустить, что каждый работник ставил свой знак после изготовления определенного количества кирпичей. Примерно такого же взгляда придерживается и Г. А. Пугаченкова, рассматривающая клеймо как индивидуальный знак раба[66]. Настаивать на этом объяснении трудно. Аналогий к клеймам Ток-калы мало, и они в основном относятся к таким простейшим фигурам, как круг, прямой крест, несколько параллельных линий, варианты трезубца и Т-образный знак. Почти все аналогии происходят с городищ Хорезма, и только пять, к тамгам 12, 16, 19, 21, 24, отмечены на кирпичах Мерва[67], две, к тамгам 8 и 9, на кирпичах Кей-кобад-шаха[68] и четыре, к клеймам 11, 20, 24 и 34, на кирпичах Халчаяна[69].

Особый интерес представляет группа тамг, которую мы выделяем особо (1—7). Очертания этих символов сложны и, возможно, имеют некоторую связь между собой. Тамга 3 очень похожа на часть хорез-

---

[60] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 94.

[61] Там же, стр. 107.

[62] В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма, ТХАЭ, т. I, 1952, стр. 89—90.

[63] Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Указ соч., стр. 354—355.

[64] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 116.

[65] По мнению С. П. Толстова на Джанбас-кале клейма являются родовыми знаками обитателей домов (Древний Хорезм.., стр. 94), а на Аяз-кале № 3 на кирпичах изображается тамга правителя (Там же, стр. 107). В. Л. Воронина видела в них знаки учета изготовленных кирпичей и технический прием, благодаря которому кирпичи легче «хватались» с раствором, и их было проще разбивать на части (В. Л. Воронина. Указ. соч., стр. 89). М. И. Филанович полагает, что это — клейма различных мастерских (М. И. Филанович. Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва, Известия АН ТуркмССР, серия общественных наук, 1961, I, стр. 43). Исследователи Кей-кобад-шаха видят в них метки отдельных групп рабочих при мысли, что выделкой кирпича занималось все население города (А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., МИА, № 66, 1958, стр. 195).

[66] Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана (по раскопкам в Халчаяне), СА, 1963, № 4, стр. 76.

[67] М. И. Филанович. Указ. соч., табл.

[68] Е. Е. Кузьмина и С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-кобад-шаха, КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 81, рис. 33.

[69] Г. А. Пугаченкова. К истории.., стр. 76, рис. 2.

мийской династической тамги [70], повернутой в противоположную сторону.

Керамика поселения на всех трех раскопах очень однородна (рис. 9).

Хумы — главная датирующая форма. Они разделяются на две группы.

1. Очень толстостенные (до 25 *мм*), крупные, грубые сосуды боченкообразной формы с широким устьем (диаметр более 40 *см*) (рис. 9, *1, 2*). У них прямая горловина, заканчивающаяся скругленным утолщением. Под венчиком проведена пальцем углубленная полоса. Днище слегка выпуклое. Формовка производилась, вероятно, поясами на круге медленного вращения (или вручную?). После изготовления хум очень грубо заглаживали снаружи и изнутри сильным нажимом щепки, реже просто руки. Часть хумов покрыта снаружи светлым зеленоватым ангобом. На многих независимо от покрытия снаружи видны пятна и брызги красно-бурого ангоба. Хумы этого типа известны на всех кушанских памятниках Хорезма[71]. Изредка попадаются фрагменты хумов, сделанных на кругу и после этого не заглаженных. Их форма не восстанавливается.

2. Хумы (или, вероятней, хумчи) несколько меньших размеров (рис. 9, *3—5, 11, 12*), сформованные на круге быстрого вращения, без последующей оправки. Округлый в сечении венчик лежит прямо на плечиках, от которых он отделен ложбинкой. Часть этих хумов покрыта зеленоватым ангобом. Поверх покрытия или без него хумчи бывают расписаны полосами, кругами и спиралями коричневатого ангоба. Днище, слегка выпуклое, формовалось отдельно и примазывалось к уже готовому тулову снаружи. Тулово иногда украшено горизонтальным рифлением. Сосуды этого типа хорошо известны по раскопкам в Хорезме[72].

Горшки представлены всеми группами форм, известными для кушанского периода по материалам памятников южного Хорезма. Широко распространены сосуды с более или менее шаровидным туловом, различающиеся только формой венчика — в сечении прямоугольного с горизонтальным плоским бережком или подтреугольного (рис. 9, *22—24, 37, 41, 43, 44*)[73]. На внешней стороне венчика у них бывает легкая ложбинка, а на горловине четыре отверстия, сделанные в сыром сосуде и расположенные на концах взаимно перпендикулярных

---

[70] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 185, рис. 110.

[71] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода..., стр. 147, рис. 32. № 24, 31; стр. 158, рис. 35, № 1, 7, 8, 29.

[72] Там же, стр. 147, рис. 32, № 23, 30; стр. 158, рис. 35, № 25—27.

[73] Там же, стр. 126, рис. 27, № 18; стр. 147, рис. 32, № 19.

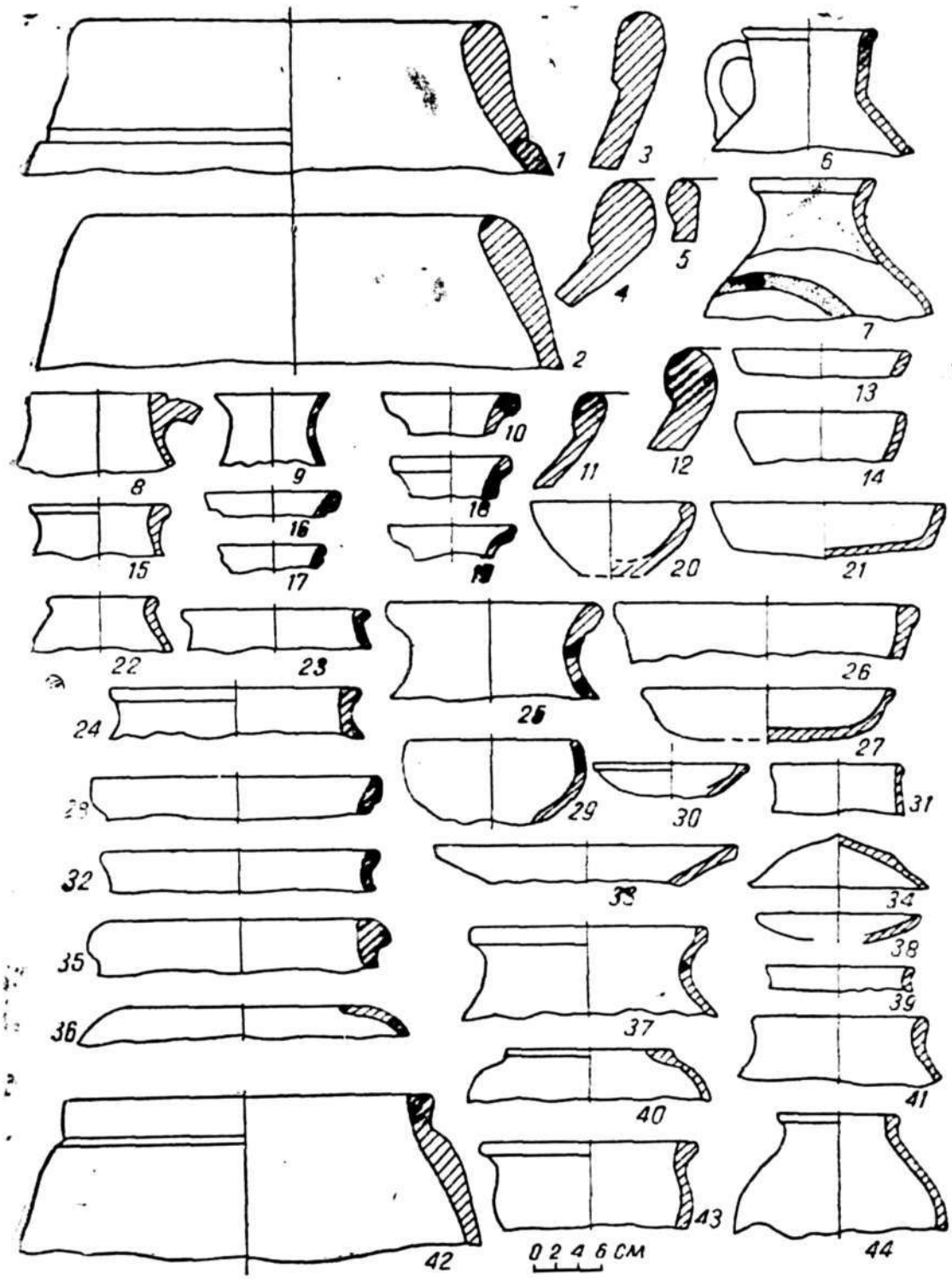

Рис. 9. Керамика кушанского времени.

диаметров. У части горшков прямая горловина заканчивается слегка отогнутым наружу краем (рис. 9, *32, 39*)[74]. У основной массы этих горшков диаметр устья около 20 *см*. В большинстве случаев сосуды покрыты ангобом, красноватым и коричневатым, реже светлым. По красноватому ангобу бывает вертикально-полосчатое лощение.

Широко распространены круглые горшки с диаметром устья около и более 30 *см* (рис. 9, *32*)[75]. У них короткая, посаженная прямо на плечики, вертикальная или наклонная внутрь горловина с округлым или уплощенным краем. На плечиках резкий угловатый перегиб, и бывает четыре отверстия, иногда оформленные снаружи дисковидными налепами. Эти сосуды, как правило, покрыты красновато-коричневым ангобом с лощением, вертикально-плосчатым или в виде ромбической сетки. Росписи кругами ангоба на тулове, характерной для таких сосудов в южном Хорезме, не встречено. Изредка попадаются горшки шаровидной формы без горловины (рис. 9, *36, 40*).

Кувшины почти все с устьем среднего диаметра — от 9 до 12 *см*. Наиболее распространенная величина его 11—12 *см*. Большой диаметр, до 18 *см*, встречается весьма редко. Высоту сосудов определить очень трудно, так как целых экземпляров не встречено. Большинство сосудов ангобировано красным или белым. Горловина, обычно покрытая красным ангобом, окрашивалась и снаружи, и изнутри. По белому часто нанесена роспись красноватым или коричневатым (рис. 9, *7*), характер ее восстановить не удается. На некоторых красноангобированных сосудах заметно вертикальнополосчатое лощение снаружи и горизонтальнополосчатое на горловине внутри.

По типу венчиков кувшины можно разделить на несколько групп: 1) венчик прямоугольный в сечении, с плоским бережком. Встречается относительно редко (рис. 9, *15*); 2) сильно развернутый венчик, часто имеющий ложбинку на внешней стороне. Бережок округлый (рис. 9, *10, 16, 17, 25*)[76]; 3) венчик слегка утолщенный, поставленный почти вертикально, на нем тоже может быть ложбинка снаружи (рис. 9, *7*)[77]; 4) изредка встречаются сосуды с удлиненной горловиной (рис. 9, *9*)[78], в остальном от прочих кувшинов не отличающиеся; 5) кувшины с ручкой, верхний конец которой прикреплен под венчиком, обычно покрыты красным или коричневатым ангобом (рис. 9, *6, 8*)[79].

---

[74] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода..., стр. 158, рис. 35, № 5, 3, 15.

[75] Там же, стр. 158, рис. 35, № 21, 28, 31.

[76] Там же, стр. 126, рис. 27, № 4, 5; стр. 147, рис. 32, № 1, 2; стр. 152, рис. 33; стр. 158, рис. 35, № 10.

[77] Там же, стр. 147, рис. 32, № 18; стр. 158, рис. 35, № 3, 11, 16, 17.

[78] Там же, стр. 160—161, рис. 36, № 3.

[79] Там же, стр. 129, рис. 29, № 3; стр. 147, рис. 32, № 12.

Миски встречаются довольно разнообразных форм (рис, 9, *13, 14, 20, 26, 29—31, 33, 38*), часть которых бытует и в кангюйском, и в кушанском материале южного Хорезма[80].

У большинства мисок край прямой, вертикальный, и только у отдельных экземпляров отогнут наружу или как-либо специально спрофилирован. Изредка попадаются мисочки со слабо выраженным дисковидным поддоном. Размер их разнообразен. Диаметр устья колеблется от 15 до 27 *см*. Средняя величина диаметра 15—16 *см*. Почти все миски покрыты красным или коричневым ангобом, по которому снаружи иногда нанесено вертикальнополосчатое лощение. Покрытие белым ангобом, распространенное в южном Хорезме, отсутствует полностью.

Особо выделяется по форме группа мисок, или тазиков, с прямыми, почти вертикальными стенками, переходящими в дно под углом (рис. 9, *21*). Все они различаются только размерами. Диаметр устья колеблется от 13 до 34 см. Ангобом эти миски не покрывались.

Крышки, как и миски, довольно однообразны для всего периода рабовладения. Они имеют форму сегмента шара (рис. 9, *34*) или же плоского диска. Размеры их различны. Часть покрыта светлым ангобом и имеет следы росписи коричневатым. Они совершенно идентичны крышкам из южного Хорезма[81].

Суммируя приемы отделки поверхности всех описанных сосудов, следует отметить следующее. Ярко-красный ангоб встречается относительно редко. Преобладают красновато-коричневые и черновато-коричневые тона. Именно в таких тонах и выполняется роспись по светлоангобированному фону. Роспись широко распространена. Ее формы — круги, спирали, полосы и изредка какие-то более сложные композиции. Прочерченный орнамент в виде пояска из концентрических линий отмечен лишь на единичных фрагментах. Широко распространено вертикальнополосчатое лощение по ангобу красноватых тонов, реже по неангобированному черепку. Зеркальное лощение почти не встречается.

К ремесленным керамическим изделиям принадлежат и гончарные трубы водослива. По форме бо́льшая часть трубы представляет собой цилиндр с внешним диаметром 20 *см*, меньшая — нижняя часть, приближается к усеченному конусу. Диаметр узкого отверстия — 12 *см*. Очертания трубы плавные, без резких перегибов. Длина труб колеблется от 50 до 70 *см*, толщина стенок в среднем — 1,5 *см*. Верхний широкий край носит следы подрезки при снятии с круга, а нижний узкий имеет скругленные закраины. Формовались трубы на ножном

[80] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма.., стр. 133, рис. 30, № 7, 11, 13, 15, 18, 21, 22, 27, 28.

[81] Там же, стр. 133, рис. 30, № 1—3.

гончарном круге отдельными поясами, которые затем составляли и примазывали друг к другу. Шов заглаживали довольно тщательно. Обжиг печной, равномерный, черепок желтоватого или бледно-розового цвета.

Итак, вся описанная гончарная керамика находит себе полные аналогии в кушанском материале (II—III вв. н. э.) южного Хорезма и не отличается от него ни методами, ни качеством выделки[82].

В связи с такой датировкой может возникнуть вопрос, почему поселение на далекой окраине Хорезма возникло не в период расцвета Кушанского государства, а уже во время ослабления его позиций в Средней Азии. Ответить на этот вопрос вполне определенно пока затруднительно, так как соотношение во времени одних и тех же керамических форм в центре и на периферии Хорезма полностью еще не изучено. Не исключено, что дальнейшие исследования в этом направлении могут привести к уточнению датировки.

Так или иначе, слои, из которых получена описанная выше керамика, должны быть отнесены к кушанскому времени. Из всех известных памятников этого периода Ток-кала самый северный. Ввиду этого особенно важно определить, какой характер носила жизнь в кушанское время на холме Токтау: было ли здесь простое поселение, обнесенное мощной стеной, или военное укрепление. В связи с этим интересно одно сопоставление. Недалеко от Ток-калы в 14 *км* к югу, на окраине г. Нукуса, находится другое городище этого же времени — Шурча[83]. Оно не может быть подвергнуто не только раскопкам, но даже и шурфовке, так как целиком занято современным городским кладбищем, однако кушанский подъемный материал, полностью аналогичный токкалинскому, делает его датировку бесспорной. Другого материала на городище нет. В обрезах пустых ям хорошо видно, что кушанский материал залегает на стерильном материке. Насколько можно судить о городище по аэрофото и в результате простого осмотра, оно представляет собой небольшое четырехугольное поселение, обнесенное сплошной широкой стеной без башен. При современной степени сохранности кушанской Ток-калы и Шурчи создается впечатление, что мы имеем дело с небольшими поселениями, обнесенными толстыми стенами, не отличающимися серьезными фортификационными качествами. Однако такой характер этих памятников пока нельзя доказать с полной несомненностью: на слишком небольшую высоту сохранились стены городища на Ток-кале, а их конструкция на Шурче практически неизвестна. В то же время не исключено, что в обоих случаях мы имеем дело с

[82] Лепная посуда очень немногочисленна. В основном это кухонные горшки, сковороды и дисковидные крышки, ничем не отличающиеся от таких же форм в античных слоях других памятников Хорезма.

[83] Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 131.

мощнейшим цоколем крепостных стен, рассчитанным на применение нападающими сильной стенобитной техники, достигшей в это время своего расцвета. В таком случае стрелковая галерея или дорожка, защищенная парапетом, могли находиться значительно выше. Трудно допустить, чтобы на окраине Кушанского государства находились простые, мало пригодные для обороны поселения. Таким образом, вопрос окончательно пока не решен.

В истории жизни античного городища есть третий период, если не обживания, то реконструкции, верней попытки приспособления его западной части для каких-то неясных нам целей. Уже после того, как кушанские жилища разрушились и их помещения заполнились завалами, а стены приобрели вид небольших округлых повышений и все сверху покрылось натеками, над этими развалинами в западном углу крепости (включая территорию раскопов III и VII) был насыпан слой песка толщиной до 2,5 *м*. Цель этой забутовки неясна, так как никаких сооружений или культурных отложений на ней не сохранилось. В этом слое песка содержится много керамики, обломков зернотерок и костей животных, попадаются обломки сырцового кирпича. Керамика явно мешаная. Здесь представлены все те формы, которые отмечены на раскопе III, и отдельные фрагменты хумов афригидского типа. Важно отметить, что такие же отдельные обломки раннесредневековых хумов найдены и под слоем песка на поверхности разрушенного кушанского комплекса. В то же время в слое песка и под ним не найдено ни одного фрагмента керамики IX—XI вв., хотя поселение этого времени есть на холме Токтау. Это заставляет сделать вывод, что слой песка был насыпан в период обживания холма — в VII—VIII вв. Песок, использованный для засыпки, был накопан здесь же на городище. Нами исследовано большое округлое понижение внутри крепости, расположенное возле III раскопа. Здесь по линии разреза VIII—VIII заложены траншеи на южном и северном краях этого понижения. Обе траншеи выявили в песчаном материке возвышенности яму, глубина которой превышает 3 *м*. Она заполнена натечно-навеянными отложениями слоистой структуры. В северной части траншеи под ними был обнаружен культурный песчанистый слой с большим содержанием угольков и белых солей. Керамика, кости и обломки античных жженых кирпичей попадаются редко и равномерно по всей яме. Материал сверху донизу смешанный. Края ямы покатые, неровные, стенки ничем не обложены и не обмазаны. Хаузом она никоим образом служить не могла. Скорее всего это и есть песчаный карьер, откуда брали песок. Наличие большого количества керамики и прочих культурных остатков в песчаной засыпке объясняется, надо полагать тем, что при добывании песка были частично снесены развалины кушанских домов. На этом жизнь на территории кангюйского укрепления заканчивается.

ГОРОДИЩЕ ТОК-КАЛА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ПОСЕЛЕНИЕ

Третий период обживания холма Токтау относится к VII — первой половине VIII вв. В это время стены античного городища стояли еще достаточно высоко. Новые обитатели холма пристроили к старому городищу с юго-восточной стороны ограду своего поселения. Сейчас оно имеет вид прямоугольного пространства, ограниченного пологим валом на месте стены (рис. 10). Внутри этого прямоугольника, густо покрытого керамикой, возле северо-восточной и юго-восточной стен идет небольшое повышение на месте существовавших здесь строений. Кроме того, внутри него находится восемь высоких (2—3 *м*) обрывистых бугров-останцов, сильно испорченных какими-то земляными работами еще до начала раскопок. Самая возвышенная часть поселения возле античного городища смыта до материка, а на юго-востоке оно прорезано глубокой промоиной.

Стена поселения была подвергнута тщательному изучению. Специально раскопан северный угол, начиная от античной башни. Северо-восточная стена прослежена целиком. Раскапывались восточный и южный углы, большая часть юго-западной стены, место ее примыкания к античной башне и ворота. На юго-восточной стене были осуществлены три зачистки, одна из них в промоине. Толщина стены колеблется на разных участках от двух до трех метров. Башен нет, специальное скругление имеет лишь восточный угол. Максимальная высота, на которую она сохранилась, в среднем 2 *м*. На этой высоте бойниц нет. Значительная толщина стены не позволяет считать ее простой

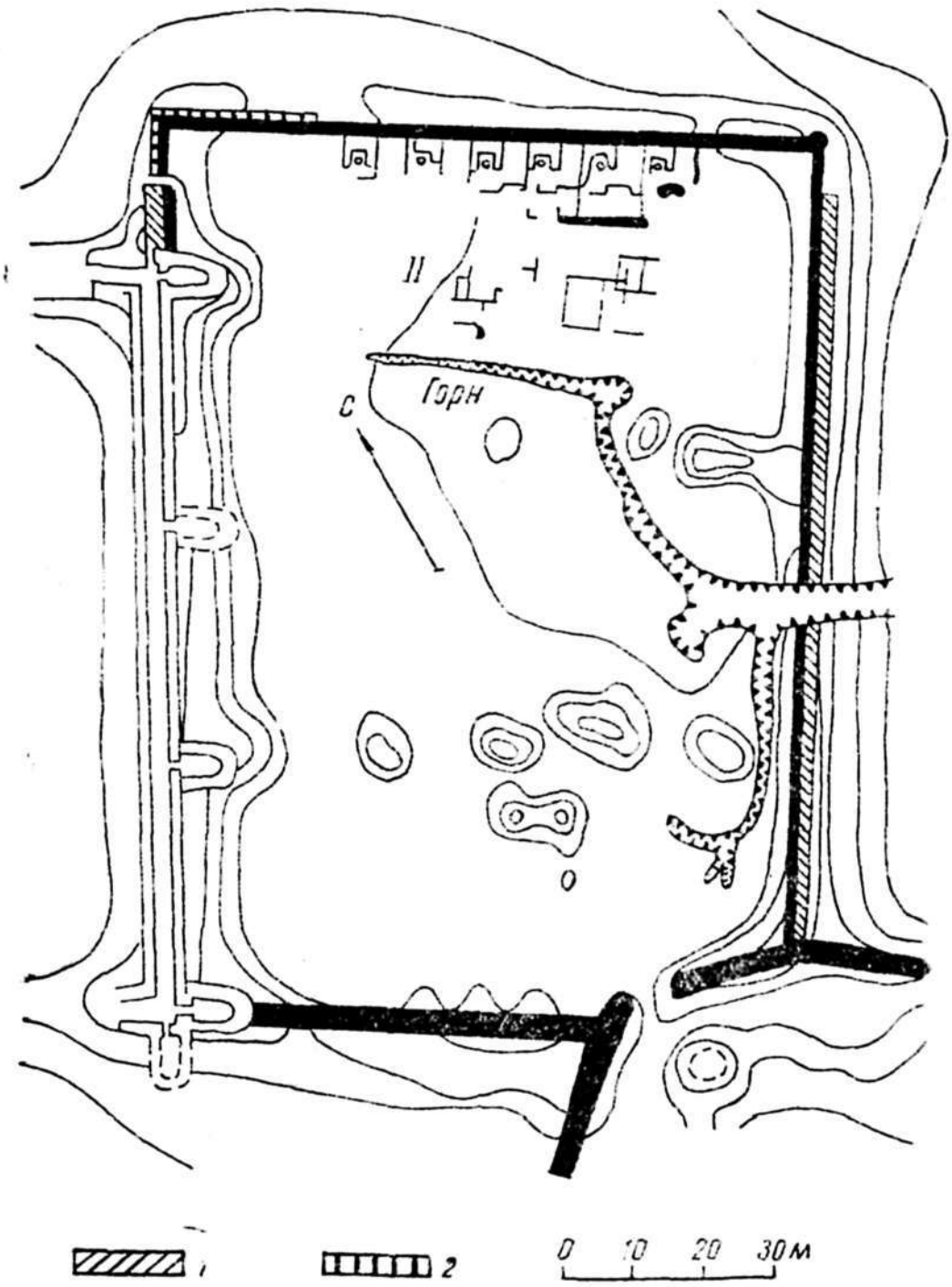

Рис. 10. Восточный двор раннесредневекового поселения. План.
1 — перестройка и ремонт IX—XI вв.; *2* – ремонт (точно не датируется).

оградой, но и восстановить ее конструкцию полностью невозможно. Северо-западной стеной поселения служила юго-восточная стена античного городища, не подвергшаяся в нижней части реконструкции. Она была только несколько продлена к северо-востоку (на 12 *м*). Этот новый участок стены приставлен к угловой восточной античной башне. Юго-западная стена поселения поставлена как продолжение юго-западной старого укрепления и тоже примыкает к его угловой южной башне. Ворота в этой стене находятся там, где она делает небольшой изгиб внутрь городища. Сохранились они плохо и выяснить их конструкцию удалось только в общих чертах. Ворота имели вид простого прохода в стене, шириной примерно в 5 *м*. С западной стороны ворот в стене, видимо, находилось полуовальное помещение, длиной 3 и шириной 2 *м*. Пол его не сохранился. Под небольшим слоем завала идет кирпичная субструкция. С другой стороны ворот подобного помещения не обнаружено.

Ворота вели не за пределы поселения, а в другую его часть[1]. От нее частично сохранились только две стены. Одна, длиной примерно в 60 *м*, отходит от юго-западной стены возле ворот, другая, длиной 150 *м*, и шириной 2,5 *м*, продолжает до самого низа холма юго-западную стену восточного двора поселения. Никаких других остатков стен южного двора обнаружить не удалось, очевидно, потому, что весь южный склон холма был сплошь застроен в более позднее время. Все стены обоих дворов сложены из одинакового кирпича, размером 35—37 × 33 × 38 *см*.

Восточный двор. В северо-восточной части восточного двора был заложен раскоп II, включивший и один из упоминавшихся высоких останцов. Здесь полностью вскрыто большое жилое здание (рис. 11), возведенное единовременно. Серьезных перестроек и ремонта не отмечено. Это может служить косвенным свидетельством его сравнительно недолгого существования. Сооружению здания предшествовала какая-то жизнь того же периода, следами ее являются пятна тонкой жилой прослойки на материке, вероятно, остатки тростника, и под помещением 2 два маленьких полностью разбитых медеплавильных горна и связанная с ними яма.

Характерная и весьма интересная особенность здания заключается в том, что почти все оно состоит из совершенно одинаковых, но изолированных друг от друга глухими стенами отдельных жилых комплексов (I—VI), вытянутых в одну линию вдоль северо-восточной стены поселения (рис. 11). Их планировка и назначение совершенно идентичны. В каждый такой комплекс входят жилое помещение, смежное

---

[1] В дальнейшем эта вторая часть поселения именуется южным двором, а ранее описанная — восточным.

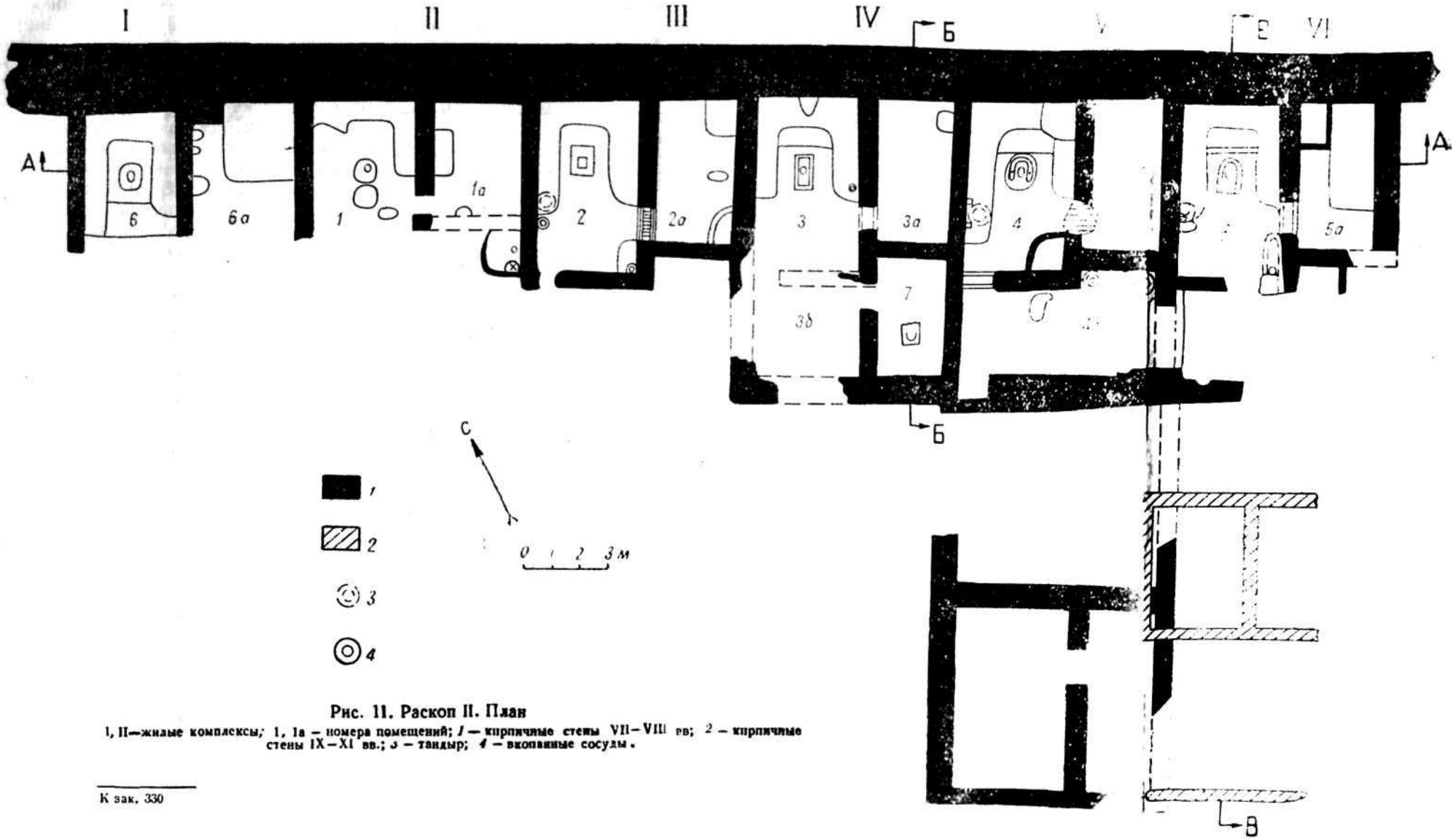

Рис. 11. Раскоп II. План

I, II—жилые комплексы; 1, 1а — номера помещений; *1* — кирпичные стены VII—VIII вв; *2* — кирпичные стены IX—XI вв.; *3* — тандыр; *4* — вкопанные сосуды.

К зак. 330

с ним и расположенное к востоку от него хозяйственное и хозяйственный дворик с юга от двух первых помещений. Стены сложены в два кирпича размером 35—37 × 33 × 9 *см*. Вход в жилое помещение находится в южной стене — в юго-западном ее углу (пом. 2 и 4) или ближе к середине (пом. 5). В каждом помещении вдоль его северной стены и северной половины западной и восточной стен расположена П-образная суфа. Стены штукатуркой не покрывались. Суфы сложены из кирпича, иногда — комьев глины (пом. 1) и обязательно обмазаны. В центре помещения расположен большой очаг, на котором готовили пищу. Он представляет собой прямоугольную глиняную площадку, слегка приподнятую над уровнем пола. С запада, севера и востока эта площадка ограничена бортиком. С юга его нет: вероятно, в эту сторону сгребали золу. В центре очага имеется круглое углубление. Все очаги сильно прокалены. За каждым из них с северной стороны находится приступка к суфе. На западной части ее, у южного края, обычно стоит тандыр[2]. Верхний край тандыра нигде не сохранился, и высота его остается неизвестной; диаметр в основании не более 50 *см*. В помещении 4 в стенке тандыра у дна имеются два отверстия для тяги[3]. Около тандыров находятся прямоугольные глиняные «столики», возвышающиеся над уровнем суфы на 10—20 *см*, и вкопанные в землю сосуды, наверное, для воды, необходимой при выпечке хлеба в тандырах. В восточной стене жилых помещений, у самого края суфы, находится проход в хозяйственное помещение. В проходах из помещений 2 и 4 сделан порог из двух бревен 15—20 *см* в диаметре. Пространство между ними забито мокрой глиной или засыпано землей. Концы бревен уходят в стену. Не исключено, что это не порог, а нижняя часть дверной рамы. Такая ее конструкция известна в замках Беркут-калы. В юго-восточном углу жилых помещений находится закром из сырцовых кирпичей на торце. Размеры жилого помещения в среднем 23 *м*^{2}, хозяйственного — 14 *м*^{2}. Длина хозяйственных помещений всегда меньше, чем жилых, в результате чего снаружи их образуется своего рода закут, обычно используемый под различные хозяйственные нуж-

---

[2] Вызывает некоторое недоумение, что тандыр находится в жилом помещении, где есть также закром или бадраб (см. ниже). Все это вместе с характером культурного слоя, состоящего из золы и кухонных отбросов, казалось бы говорит о том, что эти помещения использовались в основном как кухни. В то же время в комплексах отсутствуют чистые жилые помещения. Не исключено, что жилые помещения находились к югу от двориков и сейчас полностью смыты. Как показано ниже, остатки помещений имеются к югу от комплекса VI, но отделены от него смывом, и как они были связаны, неизвестно.

[3] Подобные тандыры известны на афригидском замке Якке-Парсан. Е. Е. Неразик. Раскопки Якке-Парсана, МХЭ, вып. 7, М., 1963, стр. 12. Отличие тандыров здесь заключается в том, что они сделаны в старых обмазанных хумах или хумчах.

ды. Очагов и суф в хозяйственных помещениях не бывает, но имеются различные ямы и закрома.

Культурный слой во всех жилых помещениях довольно однообразен, он концентрируется в их южной части за очагом и состоит в основном из золы, углей и очень большого количества рыбьих костей и чешуи. Кости животных попадаются сравнительно редко. В слое очень много керамики.

Индивидуальные особенности отдельных жилых комплексов не имеют принципиального значения и не нарушают описанной выше общей системы.

Комплекс I — крайний западный, состоявший из помещений 6 и 6А. Оба сильно размыты. Планировка их обычна. Культурный слой в них не сохранился, и дворик, если он был, смыт полностью. В помещении 6 было два пола, от нижнего сохранился только очаг. Восточная часть помещения 6А и часть стены поселения в нем попорчены более поздней ямой, заполненной песком и натеками.

Комплекс II — помещения 1 и 1А, которые очень сильно размыты. Западная часть помещения 1 снесена поздней ямой. С южной стороны очага в песчаном материке найдена яма неправильной формы, глубиной до 40 *см*. В ней обнаружен клад из различных предметов: монет, нанизанных на веревочку бус, железных наконечников стрел, костяной ложки и целой пригоршни крошечных алебастровых изделий конической формы высотой 3—4 *мм*. Сверху клад был завален золой и черепками. В помещении 1А находятся две ямы. В большой найдены железный наконечник стрелы, каменная лощеная подвеска и маленький лепной сосудик. В маленькой обнаружен клад медной (или бронзовой) посуды, состоявший из 3-х полусферических чаш. Самая большая из них была завернута в ткань. Рядом с чашами лежал маленький лепной сосудик с ручкой.

От хозяйственного дворика сохранились только следы прямоугольной загородки (закром?) у южной стены помещения 1А. В ней видны две ямки от столбов, диаметром в 40 и 20 см.

Комплекс III — помещения 2 и 2А, сохранившиеся хорошо. В помещении 2 в юго-восточном углу стены выложены с напуском внутрь или же специально подрублены так, что они нависают над углом. Первоначально здесь находилась поглотительная яма, устье которой было оформлено перевернутым горшком с выбитым дном. Через некоторое время яму перекрыли толстым слоем плотной глины и в углу сделали закром.

В помещении 2А в юго-восточном углу тоже имеется закром, размером 76 × 117 *см*. В завале помещения попадаются отдельные вертикально стоящие кирпичи по линии, продолжающей северо-западную стенку закрома, так что вполне вероятно, что здесь существовало еще

несколько закромов. В северо-восточном углу находится прямоугольная яма, размером 120 × 95 *см*. В ней найдены три медные монеты и несколько фрагментов керамики. Примерно посередине помещения в полу находилась небольшая, небрежно выкопанная ямка, перекрытая слоем глиняной обмазки. В ней найден клад из 410 медных монет чекана Хангири[4] и трех железных орудий труда. Монеты были завернуты в ткань. Кроме того, на полу помещения обнаружено еще около полутора десятков таких монет. Видимо, для сохранения этого клада проход в помещение был заложен перед тем, как жилище покинули его хозяева.

Комплекс IV, состоявший на последнем этапе своей жизни из помещений 3, 3А, 3Б и 7, имеет более сложную историю.

Помещение 3 ничем не отличается от остальных жилых помещений. В южной части оно полностью смыто. Помещение 3А также совершенно обычно. В нем найдены две медные монеты и железный нож.

К югу от помещений 3 и 3А первоначально было открытое пространство. Здесь протекала в какой-то форме жизнь, в результате чего на материке накопился культурный слой, толщиной до 20 *см*. Затем был огорожен обычный дворик, а несколько позднее восточную часть дворика засыпали слоем глины, толщиной в 25 *см* и поставили стену, превратившую эту часть дворика в небольшое (2,4 × 4,2 *м*) помещение 7, имевшее специфическое назначение. Первый пол его посыпан песком. Примерно на его середине длительное время горел костер, затем прямо поверх кострища соорудили плоский полуовальный очаг. На полу накопился толстый культурный слой с большим содержанием золы, рыбьими костями и редкими фрагментами керамики. Через некоторое время пол и очаг были засыпаны слоем глины, толщиной до 15 *см*. В нем довольно много угольков. Так образовался второй пол, и таким же образом позднее возникли третий и четвертый полы. На втором полу в северной части помещения у стены была поставлена суфа из сырцовых кирпичей, шириной около 80 см. Вдоль восточной стены соорудили узкую сырцовую полочку, шириной в один кирпич. На этом полу снова длительное время горел костер, от которого осталось большое пятно золы, толщиной в 6 *см*. На третьем полу никаких конструкций не было, но по-прежнему в помещении горел огонь. Четвертый пол оказался почти на 1 *м* выше уровня пола в помещении 3А. На нем вдоль всех стен шла суфа из кирпича, а посредине помещения был сделан очаг, обычной для жилых помещений формы. Культурный слой на втором, третьем и четвертом полах почти никаких находок не содержал и состоял из золы и углей. Проход в северном

[4] О монетах см подробно ниже.

углу удалось выявить только по уровню третьего пола. Его устройство обычное: с двумя поперечными балками в пороге.

Итак, характерные особенности этого помещения — наличие постоянно горевшего огня, суфы вдоль стен, почти полное отсутствие культурных остатков, кроме золы и углей, периодическая засыпка пола глиной, что можно объяснить нежеланием выбрасывать из помещения накапливавшиеся здесь золу и угли. Вскрытое помещение по планировке и отложениям имеет аналогии как весьма отдаленные во времени, так и относящиеся к тому же периоду. К числу отдаленных аналогий относится «дом огня» на городище Джанбас-кала[5] и «дом огня» с Тешик-калы[6]. Непосредственной аналогией является одно из помещений, раскопанных на центральном бугре городища Варахша, датируемое VI—VII вв.[7]. Вдоль стен этого помещения были устроены суфы, а в центре находилось прямоугольное, сильно обожженное возвышение. Рядом найдено смежное небольшое помещение, заполненное уплотненной, слежавшейся золой, что и говорит о его назначении. В публикации это помещение интерпретируется тоже как «дом огня»[8]. Помещение с алтарем на городище Балалыктепе (V—VII вв.) дает тот же самый тип планировки[9]. О том, что обитатели жилого комплекса на раскопе II были зороастрийцами, с несомненностью свидетельствует описываемый ниже могильник этого же времени. Вся сумма фактов заставляет также и нас предположить, что вскрытое помещение является местом, где горел неугасимый священный огонь.

Комплекс V — помещения 4, 4А и 4Б, имевшие по два пола. Планировка жилого помещения 4 на обоих полах обычная. На первом (считая снизу) на длинных сторонах очага, на их середине, находились круглые ямки от палок, поддерживавших, видимо, перекладину, на которой подвешивался над очагом сосуд. На краю очага сделано небольшое углубление, в которое могли ставить сосуд для подогревания пищи. На суфе, в западном углу, был вкопан хум афригидского типа и стоял тандыр. У южной стены возле прохода во дворик была поставлена на плотном слое глины верхняя часть корчаги афригидского типа с тремя ручками. Возле корчаги в полу расчищено несколько ямок от шестов. В юго-восточном углу, как и в помещении 2, стены подтесаны снизу. Верхняя их часть во избежание обрушения поддер-

[5] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 95—98.

[6] Там же, стр. 142.

[7] М. К. Урманова. Раскопки на центральном бугре городища Варахша, ТИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 134—135.

[8] По мнению редактора статьи М. К. Урмановой В. А. Шишкина, такая интерпретация этого помещения на Варахше может быть принята только как рабочая гипотеза (М. К. Урманова. Указ. соч., стр. 136).

[9] Л. И. Альбаум. Балалыктепе, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 85—86; стр. 116, рис. 92.

живалась столбом (диаметр его 20 *см*). В углу закопан хум, у которого, как и у корчаги, отсутствует нижняя половина.

В помещении 4А на первом полу сделана большая (3,4 × 1,1 *м*) прямоугольная яма, занявшая всю середину помещения.

К югу от помещений 4 и 4А находится помещение 4Б, которое мы считаем двориком, потому что культурный слой в нем очень беден, а его стены сложены весьма небрежно. К тому же здесь много ямок от столбов, почти отсутствующих в жилых и хозяйственных помещениях. Эти столбы могли поддерживать кровлю айвана. Нижняя часть южной стены дворика сложена из четырех рядов сырцового кирпича, размером 38 × 40 × 10 *см*. Они выдаются ступеньками из плоскости стены внутрь дворика, резко отличаются своими размерами и общим видом от кирпичей в кладках остальных стен всего здания. Вероятно, они были взяты с античной крепости. Поверх кирпичей стена сложена из пахсы. Возможно, в юго-западном углу был проход. Конструкция восточной стены дворика 4Б не ясна, так как она сохранилась на очень небольшую высоту и перекрыта более поздней стеной. Ширина ее 1,2 *м*. Вдоль северной стены дворика на первом полу были вкопаны три целых афригидских хума, находились небольшой очажок в виде прокаленной глиняной площадки и четыре ямки от шестов. Вся середина дворика занята большой прямоугольной ямой, глубиной около 60 *см*. Ее заполнение состояло из прослоек песка и культурных отложений. Видимо, в процессе жизни дно время от времени засыпали чистым песком. Еще на первой поверхности дворика яма постепенно заполнилась целиком. В юго-восточной части его у южной стены оказалось пять ямок от столбов, прорезавших выступающие кирпичи стены.

Через некоторое время первый пол помещения 4 и поверхность дворика были засыпаны слоем битого кирпича до уровня суф. В помещении 4 по старым суфам были поставлены новые, над старым очагом сооружен новый. Тандыр на суфе сохранился. На ней в северо-восточном углу вкопали хум. Поверх хума в юго-восточном углу был положен плотный слой глины и в углу сооружен обычный закром. Нависающие в закроме стены подперли еще одним столбом. В закроме найдены 3 лепных сосуда, несколько керамических прясел усеченно-конической формы и много рыбьих костей.

В помещении 4А первый пол был засыпан слоем песка, но яма продолжала функционировать. Здесь на втором полу, особенно в яме, найдено чрезвычайно большое количество керамики. Проход из помещения 4 в помещение 4А заложен. Закладка стоит на культурном слое второго пола.

Во дворике на второй поверхности пола прямо на забутовку был положен слой тростника толщиной до 8 *см* и поставлена новая восточ-

ная стена поверх широкой старой. Хумы у южной стены продолжали существовать. На полу отмечены две ямки от столбов глубиной в 40 и 20 *см*, расположенные на одной линии. Возможно, эти столбы поддерживали навес над частью дворика.

Под слоем камыша около западного хума найдено два железных орудия труда (описываются ниже), завернутые в ткань и лежавшие на деревянной дощечке. Видимо, они были преднамеренно спрятаны под камышовой постилкой. На дне среднего хума обнаружен железный кетмень. На нем оказались отпечатки зерен проса. Может быть, он тоже был спрятан, но в хуме с просом. Около юго-восточного угла помещения 4 найден серп с деревянной ручкой.

Комплекс VI — помещения 5 и 5А, сильно размытые с южной стороны. От хозяйственного дворика к югу от них почти ничего не осталось. В закроме в юго-восточном углу помещения 5, как и в помещении 2, поставлен вверх дном горшок с пробитым в дне отверстием, служившим горловиной поглотительной ямы, глубина которой 60 *см*. Обычная приступка к суфе была отгорожена от очага деревянной загородкой или же на полу лежало бревно. Сейчас здесь осталась ложбинка, заполненная древесным тленом.

Хозяйственное помещение 5А сохранилось очень плохо. В его восточной части вырублена прямоугольная яма, глубиной в 40 *см*, очень похожая на яму в помещении 4А. В северо-западном углу на возвышенной части пола сделана из кирпичей на торце прямоугольная загородка. Дно ее покрыто плотной глиной и тонким слоем тростника. Южная стена помещения сохранилась лишь в юго-западном углу. К этой части стены снаружи приставлена тонкая стенка, идущая с севера на юг. Возможно, здесь тоже была какая-то хозяйственная загородка. В ней найдено много лепной керамики.

К востоку от помещений 5 и 5А идет сплошной смыв. Во всех помещениях описываемого здания над культурным слоем лежали завалы и натечно-навеянные отложения.

К югу от исследованной постройки сохранились остатки еще нескольких помещений, возможно, связанных с ним. Здесь под большим останцом найдены два смежных помещения — 8 и 9, поставленных на стерильном материке. Они были перекрыты сверху более поздней застройкой IX—XI вв. (она описывается в следующей главе) и неоднократно повреждены ямами различного времени и происхождения. Судя по обилию керамики, помещения являлись, вероятно, жилыми. В них наблюдается очень интересная особенность кладки стен. Они выложены из обычных сырцовых кирпичей вперемежку с песчаными блоками таких же размеров, положенными, как и кирпичи, на растворе. Выражение «песчаный блок» звучит, естественно, несколько парадоксально, однако это самое подходящее определение. Эти блоки вы-

рублены из чрезвычайно плотного песка, и они не только не рассыпаются, но имеют такие же четкие грани, как и кирпичи. Однако их можно относительно легко разбить ножом[10].

К югу от раскопа II выявлены остатки гончарного горна, смытого почти полностью; сохранились лишь воздуходувные каналы в материке и плотная глинистая круглая площадка в центре. Восстановить его конструкцию не удается. Кругом горна найдено много прослоек тростника, который, видимо, служил топливом, что вполне естественно в дельте Аму-Дарьи. По керамическому браку, обнаруженному около горна, установлено, что в нем обжигалась ремесленная посуда, в основном водоносные кувшины афригидского типа. Это дает возможность связать существование горна с жизнью на жилом комплексе.

Южный двор. На южном дворе раннесредневекового поселения был заложен раскоп VI (см. рис. 1), давший в основном материал IX — XI вв., но под жилищами этого времени на материке были обнаружены остатки помещений VII—VIII вв. (см ниже рис. 34 *А*). Вскрыто жилое помещение, устроенное точно таким же образом, как и на раскопе II. Налицо обычная П-образная суфа с тандыром и прямоугольный очаг посередине помещения. Рядом с жилым помещением В находится хозяйственное помещение А. Третье помещение Б удалось выявить только частично. Его назначение осталось неизвестным. В южном углу найден бадраб из двух поставленных друг на друга горшков. К нему ведет сток в виде кирпичного лотка. Здесь отмечен интересный строительный прием. Так как жилища приходилось строить на довольно крутом склоне холма, то первоначально делали искусственную террасу из подпорной стенки и забутовки.

Описанная планировка на II и VI раскопах имеет две характерные черты, требующие специального анализа: повторяющееся устройство жилого помещения и изолированные друг от друга, но одинаковые жилые комплексы.

Жилое помещение с П-образной суфой, иногда с суфой вдоль всех четырех или только двух стен, и с открытым очагом для античной культуры Хорезма нехарактерно. Отдельно прямоугольный очаг-вымостка известен в Хорезме с глубокой древности (Кюзели-гыр[11], архаи-

---

[10] Интересной репликой этому редкому строительному материалу являются необожженные «кирпичи, вырезанные из глины, а не сделанные в специальной форме» в средневековой кладке стены XII — XIV вв. в Хазараспе (М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг., МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 160).

[11] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг..., стр. 145, рис. 54, раскоп 2.

ческое поселение Дингильдже[12], Кой-Крылган-кала, Куня-Уаз[13]), но встречается сравнительно редко. То же самое можно сказать и об отдельных суфах. Описанная конструкция жилого помещения получает широкое распространение в Хорезме с раннего средневековья. Такие помещения известны в большинстве замков афригидского времени: Тешик-кала[14], Якке-Парсан[15], замки № 19, № 32 и др.[16], а в дельте на Куюк-кале[17]. Для Джеты-асар характерно появление такой планировки в верхнем горизонте[18]. Можно предположить, что широкое распространение подобной планировки по всей Средней Азии связано с появлением новых культурно-бытовых навыков, что в конечном счете, может быть, отражает появление каких-то новых этнических элементов.

Несомненный интерес представляет членение застройки на повторяющиеся прямоугольные жилые комплексы. Сходная планировка известна в Беркуткалинском оазисе на Тешик-кале[19], в замках № 19 и № 30 и особенно четко и многократно повторяется на Якке-Парсане, где она тоже состоит из 2—3-х помещений[20] — жилого, хозяйственных и связанного с ними особого помещения с тонкими стенками, предназначавшегося, как полагает Е. Е. Неразик, для отдыха[21]. Размеры отсеков показывают, что в них могла жить лишь небольшая семья. Наличие отдельного хозяйственного складского помещения, многочисленных закромов, тандыра для выпечки хлеба и отдельного очага для приготовления пищи говорит о том, что такая семья, входившая в состав родовой общины, обладала значительной экономической самостоятельностью, во всяком случае, в сфере потребления. Если в больших феодальных замках типа Тешик-калы и Якке-Парсана наличие

---

[12] М. Г. Воробьева. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже, МХЭ, вып. 1, 1959, стр. 71, рис. 1.

[13] Е. Е. Неразик. Археологическое обследование Куня-Уаза в 1953 году, ТХАЭ, т. II, стр. 376, 378; стр. 377, рис. 6,

[14] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 141.

[15] Е. Е. Неразик. Раскопки Якке-Парсана, стр. 27.

[16] Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркуткалинском оазисе в 1953—1954 гг., МХЭ, вып. 1, 1959, стр. 116, рис. 12; стр. 120, рис. 15.

[17] Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г., МХЭ, вып. 1, 1959, стр. 131.

[18] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг..., стр. 237. Интересно отметить мнение С. П. Толстова о том, что планировка Куюк-калы занимает промежуточное положение между поздними слоями Джеты-асар и афригидскими памятниками Хорезма (С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СА, 1958, № 1, стр. 132).

[19] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 142.

[20] Е. Е. Неразик. Раскопки Якке-Парсана, стр. 23.

[21] Там же, стр. 27.

совершенно сходных жилых секций может быть отнесено за счет нивелировки или даже регламентации жизненного уровня семей рядовых кедиверов, превращавшихся в какой-то мере в домашнюю челядь крупного феодала, то подобное явление на поселении Ток-калы остается пока во многом неясным. Можно только констатировать, что имущественная дифференциация у обитателей этих домов была незначительной. Неминуемо возникает вопрос о том, в каких взаимоотношениях находились здесь эти малые семьи и в какой мере они были обособлены и в сфере производства. Вряд ли можно решать этот вопрос на материале одного памятника уже по одному тому, что пока нельзя говорить о характерности такой планировки для всей раннесредневековой культуры правобережной дельты.

С описываемого поселения был получен разнообразный вещевой материал и очень много керамики.

Интересными находками являются *изделия из железа.* На раскопе II найдены три кетменя, два топора-тесла, тесло, два серпа и четыре ножа (рис. 12, *1—12*)[22], т. е. в основном представлены орудия земледельческие и для обработки дерева. Кетмени и серпы мало чем отличаются от доживших до нашего времени. Видимо, их форма, сложившаяся в глубокой древности, очень хорошо соответствует местным природным условиям, а следовательно, и особеностям труда. Аналогичный кетмень известен в Хорезме из замка № 92 Беркуткалинского оазиса, где он датируется началом VIII в.[23] Близки по форме кетмени с городища Акбешим (IX—X вв.)[24]. Сходные серпы известны на городищах Мунчактепе (VI—VII вв.)[25], в Пенджикенте (VII—VIII вв.)[26] и на Шемаха-кале (XIII—XIV вв.)[27]. Наличие кетменей и серпов хорошо гармонирует с находками каменных ручных жерновов и со сведениями о злаках, выращивавшихся в это время. Как упоминалось выше, на керамике имеются отпечатки зерен и шелухи проса (Panicum miliaceum L.), кроме того, найдены обуглившиеся зерна пшеницы (Triticum vulgare vill.) и ячменя (Hordeum vulgare L.)[28] В лите-

---

[22] Эти орудия были специально исследованы Ю. П. Маныловым (Ю. П. Манылов. Железные орудия труда VIII в. с городища Ток-кала, Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1962, № 3).

[23] Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркуткалинском оазисе в 1954—1956 гг., стр. 112, рис. 9, № 2.

[24] Л. Р. Кызласов. Исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг., ТКАЭЭ, т. II, М., 1959, стр. 221, рис. 48, № 3.

[25] А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., МИА, № 66, стр. 317, рис. 27, № 23.

[26] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), ТТАЭ, т. III, МИА, № 66, 1958, стр. 138, рис. 37, № 9—10.

[27] Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 г. на Шемаха-кала, ТХАЭ, т. I, М., 1952, стр. 181, рис. 5, 4.

[28] Определение А. В. Кирьянова.

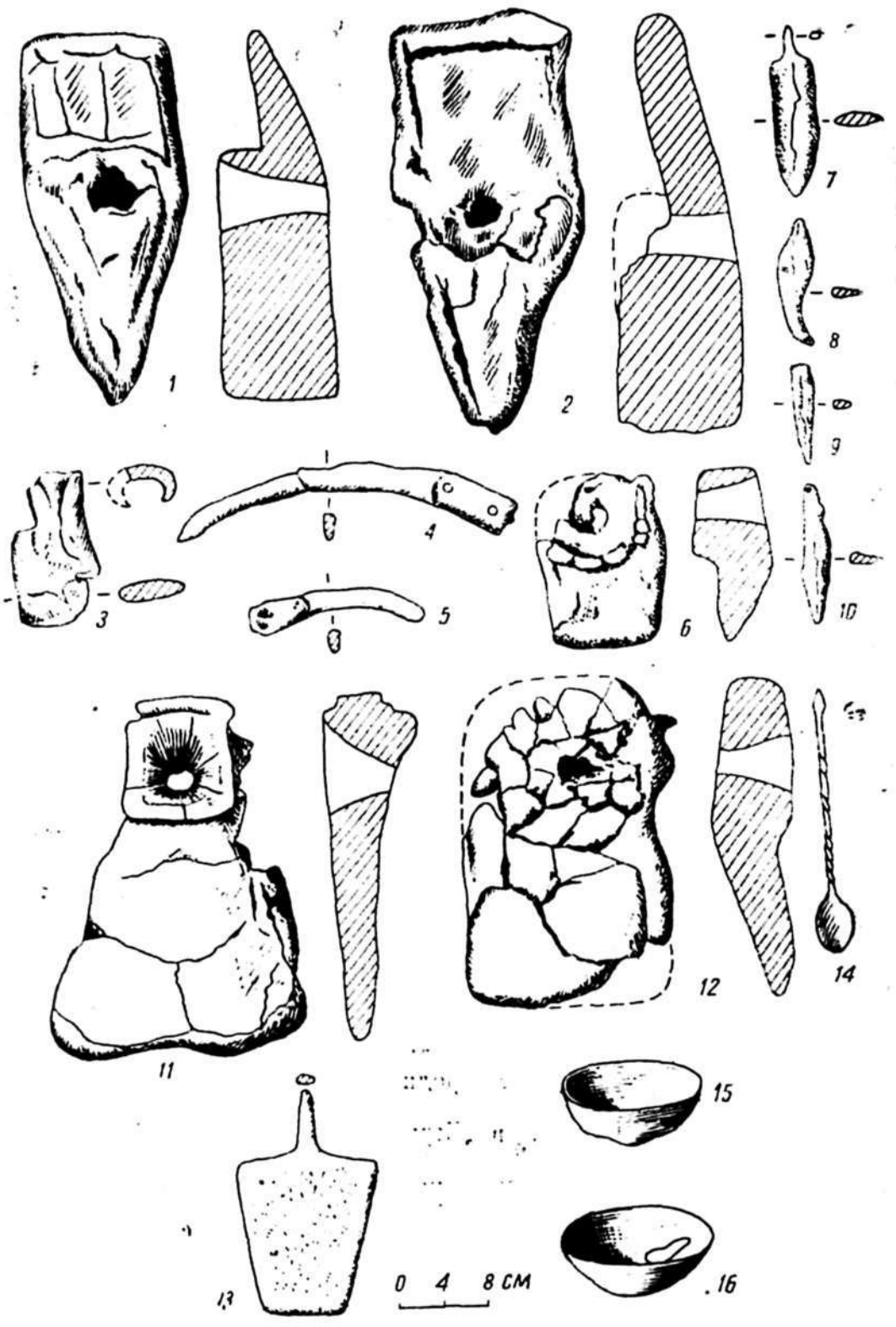

Рис. 12. Изделия VII—XI вв. из металла.

1, 2 — топор-тесло; *3* — тесло; *4,5* — серпы; *7—10* — ножи; *6, 11, 12* — кетмени; *13* — лопатка; *14* — бронзовая ложка; *15—16* — бронзовые чаши; (*1—12, 15, 16* — вещи из слоя VII—VIII вв.; *13, 14* — вещи из слоя IX—XI вв.)

ратуре уже высказывалось мнение, что земледелие в дельте Аму-Дарьи было, скорее всего, каирного типа, т. е. базировалось на высокостоящих подпочвенных водах[29]. В условиях неустойчивого гидрографического режима дельты земледелие, естественно, носило примитивный характер и не могло быть единственной или даже главной отраслью хозяйства.

Железо, видимо, не было привозным в дельте Аму-Дарьи. Об этом свидетельствуют железоплавильные печи, найденные при раскопках городища Куюк-кала[30]. В то же время железо ценилось, видимо, достаточно высоко: изделия из него были спрятаны в кладах вместе с другими ценностями.

Найдено четыре наконечника стрел. Три из них трехлопастные, черешковые (рис. 13, *10, 11, 12*). Такой тип наконечников стрел сосуществовал в раннем средневековье с наконечниками трех- и четырехгранными в сечении и распространен на огромной территории от Хорезма до Алтая. Наконечники такого типа найдены в южном Хорезме (Тешик-кала, Беркут-кала и прилежащие такыры[31]) и других частях Средней Азии (Кафыр-кала в долине Вахша[32], Пенджикент[33], замок Актепе[34], слои Каунчи II[35]), в Казахстане (Сукулукское городище[36], могильник Джан-гала[37]). А. И. Тереножкин считает их характерными для культуры Каунчи II[38].

Широко распространенным подделочным материалом была кость. Кроме *изделий из кости,* найдено много костей и рогов со срезами, спилами и подтесами. Из кости изготовлялись иглы для плетения сетей — кочедыги[39] (рис. 13, *1, 2*). Всего их найдено 7 шт. Они имеют вид слегка выгнутой костяной пластинки с одинаковыми заостренными

---

[29] А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 г..., стр. 57; Ю. П. Манылов. Указ. соч., стр. 83.

[30] Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г..., стр. 133.

[31] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 142, рис. 83; стр. 145.

[32] Т. И. Зеймаль. Работы вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 году, в кн. Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., Труды АН ТаджССР, т. 103, 1959, стр. 88,. рис. 1, № 12.

[33] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953).., стр. 137, рис. 36, № 13.

[34] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. 33, рис. 69, XXI, № 21.

[35] Там же.

[36] Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, № 14, М.—Л., 1950, табл. ХСУ, № 121.

[37] Археологическая карта Казахстана, Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1960, табл. 1, № 61, 62.

[38] А. И. Тереножкин. [Рец. на работу Г. В. Григорьева «Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.)»], Известия УзФАН, 1940, № 8, стр. 86.

[39] Определение назначения этих предметов принадлежит Ю. П. Манылову. («Костяные изделия VI—XI вв. с городищ правобережной дельты Аму-Дарьи», рукопись).

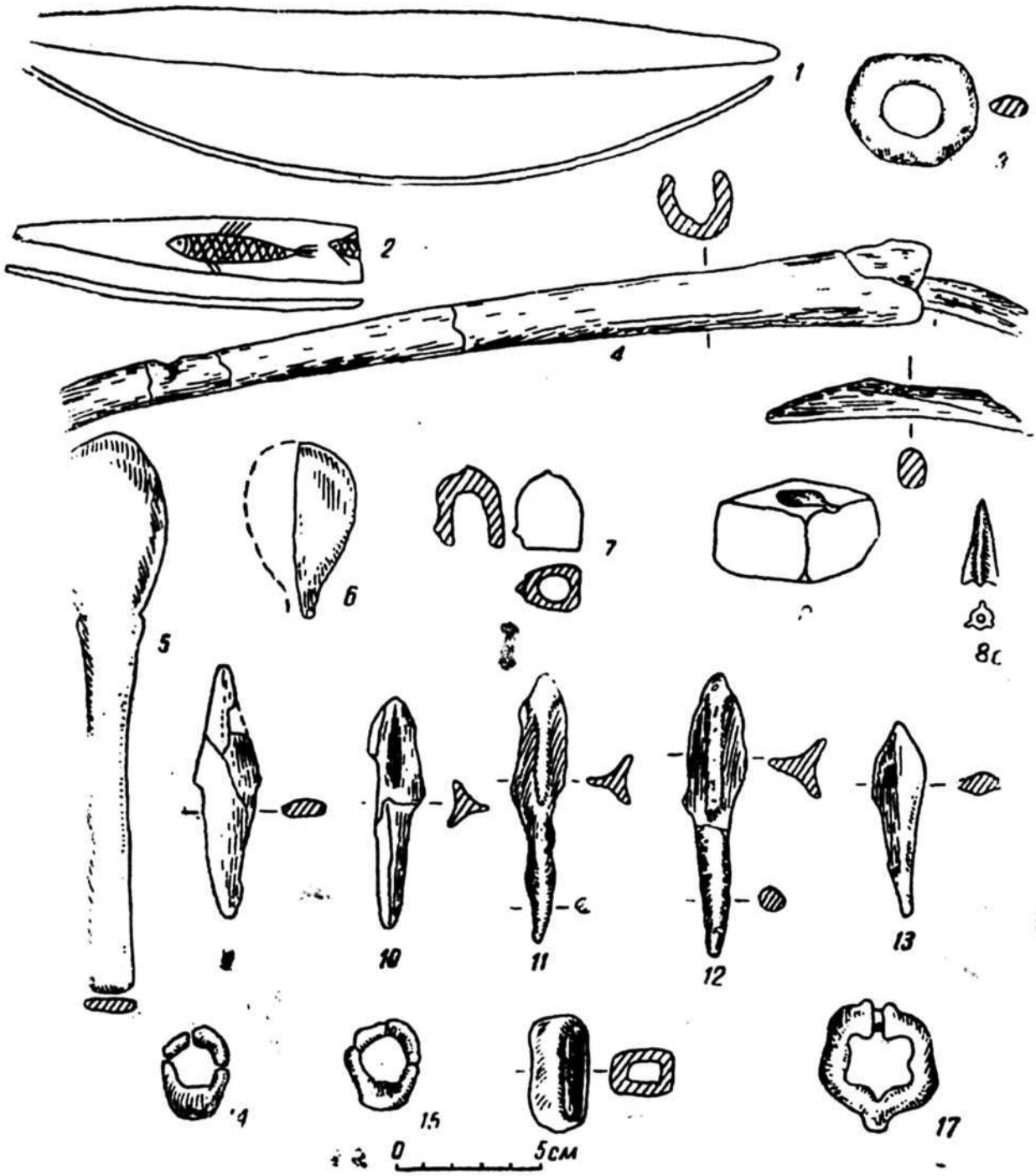

Рис. 13. Различные мелкие предметы.

1, 2 — костяной кочедыг; *3* — костяное кольцо для стрельбы из лука; *4* — изделие из рога с костяным вкладышем; *5, 6* — костяные ложки; *7* — костяной наконечник рукоятки; *8* — поделка из алебастра; *8а* — бронзовый наконечник стрелы; *9—13* — железные наконечники стрел; *14, 15* — железные перстни; *16* — железная обкладка; *17* — медная пряжка; (*8а* — вещи из кангюйского слоя, *1—8, 9—12, 14—17* — из слоя VII—VIII вв., *13* — из слоя IX—XI вв.).

концами. Длина их по хорде 22—26 *см*. Их изготовляли из распиленных вдоль ребер животных. Вся пластинка хорошо залощена, а концы заполированы от работы. Некоторые из них украшены процарапанными изображениями рыб. В Средней Азии подобные кочедыги известны только на афригидских памятниках Хорезма[40], на Куюк-кале и Хайванкале в дельте Аму-Дарьи[41]. Единичные обломки этих предметов принимали ранее за костяные ножи. Теперь же, когда собралось некоторое количество кочедыгов, в том числе и целых, удалось определить их назначение.

Из кости сделаны кольцо, применявшееся при монгольском способе стрельбы из лука (рис. 13, *3*), туалетные ложечки (рис. 13, *5, 6*), рукоятка ножа и изделие из рога со специальным костяным вкладышем, вставлявшимся в его полость (рис. 13, *4*).

Изделия из бронзы, или меди представлены перстнями с плоским овальным щитком[42], кольцами, пряжками (рис. 13, *17*) и чашами (рис. 12, *15, 16*), две целые и одна фрагментированная чаши из клада в помещении 1А, имеющие полусферическую форму, с диаметром устья 17 и 12 *см*. Край у большой чаши ровный, без утолщения, у меньших, возможно, имел маленькое утолщение. Плохая сохранность не позволила подвергнуть чаши чистке, поэтому трудно сказать, была ли на них какая-либо гравировка. Бронзовые чаши этого времени найдены в Джамбуле с погребением в хуме[43] и на городище Куюк-кала[44].

Бусы являются довольно редкой находкой. Их собрано 19 шт., 12 из них находилось в кладе. Три бусины сделаны из сердолика и имеют круглую форму; две — из белого халцедона, круглая и удлиненно-овальная; пять — из кости (?), из них одна — плоская дисковидная, другая — цилиндрическая, остальные три — мелкие круглые; одна бусина из слоистого черно-белого камня, крупная удлиненно-коническая; остальные сделаны, видимо, из стекла, сейчас сильно ирридировавшего. Среди них преобладают мелкие круглые.

Изделия из камня представлены одной овальной подвеской из гальки, оселками и ручными жерновами. Зернотерок нет.

Керамика. Раннесредневековый керамический материал четко распадается на две группы. Первую, сравнительно немногочисленную, составляют ремесленные афригидские сосуды, сделанные на гончарном

---

[40] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., табл. 56; Е. Н. Неразик. Раскопки в Беркуткалинском оазисе в 1954—1956 гг..., стр. 113, рис. 9, № 3—5.

[41] Ю. П. Манылов. Костяные изделия...

[42] Такие перстни известны и на афригидских памятниках Хорезма, и на Джетыасарах. Последнее сообщено мне Л. М. Левиной.

[43] Г. И. Пацевич. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе (г. Джамбул). Известия АН КазССР, № 48, вып. 1, серия археологическая, 1948, стр. 99.

[44] Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г.., стр. 138.

круге и уже хорошо известные по раскопкам в южном Хорезме[45]. В основном представлены хумы и водоносные кувшины. Мелкая столовая посуда попадается редко. Водоносные кувшины совершенно стандартны и различаются только размерами. Они имеют яйцевидное тулово с треугольным в сечении венчиком и одну пластинчатую ручку, прикрепленную к венчику и плечику. На ручке бывают продольные желобки. Эти сосуды полностью совпадают с такими же кувшинами VII — VIII вв. из Беркуткалинского оазиса[46]. Хумы весьма разнообразны и представлены формами, аналогии которым имеются на всех афригидских памятниках Хорезма[47]. Эта керамика является одной из основ датировки поселения.

Вторую, основную группу керамики, составляют сосуды, вылепленные исключительно вручную и в массе обожженные очень плохо. В последние годы четко выявился ареал этого типа керамики, ранее специальному исследованию не подвергавшейся. Это городища Куюк-кала[48], Курганча[49], Ток-кала[50], Кырк-жигит-кала и Багдат[51] (правобережье дельты Аму-Дарьи) и отдельные местонахождения типа стоянок на крайних восточных, ныне сухих дельтовых протоках[52]. Материалы Ток-калы дают наиболее полное представление об этом керамическом комплексе, сосуществующем на своем раннем этапе с афригидским (южный Хорезм). Керамика этого типа была в свое время определена С. П. Толстовым как тюрко-эфталитская[53]. Форма этих сосудов не очень разнообразна.

Горшки (рис. 14) в массе однотипны, с округлым, плавно сужающимся ко дну туловом. Горловина слегка сужена, а венчик отогнут наружу коротким раструбом. Как правило, он специально не отформован, а заканчивается простым, изредка подрезанным краем, иногда имеет снаружи округлое или уплощенное утолщение (рис. 14, *4*, 7). У отдельных сосудов устье не расширяется, а имеет прямую (рис. 14, *3*) или стянутую внутрь форму (рис. 14, *5*). Почти все горшки снабжены небольшой круглой ручкой, прикрепленной верхним концом

---

[45] Впервые посуда этого типа была кратко описана А. И. Тереножкиным (О древнем гончарстве в Хорезме, Известия УзФАН, 1940, № 6). Первая подробная классификация была произведена С. П. Толстовым (Древний Хорезме.., стр. 142; табл. 51—53). Новейшая сводная работа по этому вопросу принадлежит Е. Е. Неразик (Керамика Хорезма афригидского периода, ТХАЭ, 1959, т. IV).

[46] Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма.., стр. 249, рис. 6, № 2.

[47] Там же, рис. 3, № 2, 4, 6, 7, 8, 10, 11; рис. 5, № 1, 2, 4.

[48] Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г....

[49] А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин. Некоторые итоги.., стр. 46.

[50] А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин. Археологические исследования...

[51] В. Н. Ягодин. Археологические памятники Приаральской дельты Аму-Дарьи, автореферат канд. диссертации, М., 1963, стр. 8.

[52] Там же, стр. 10.

[53] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СА, 1958, № 1, стр. 130.

к краю венчика, а нижним — к плечику. Значительно реже на горшках бывают две или три вертикальные или две горизонтальные ручки. Столь же редки горшки без ручек. Единичны горшки с ручкой на горловине. Размеры горшков очень разнообразны. В массе их высота — 12—16 *см,* диаметр устья — 14—15 *см,* диаметр дна всегда несколько меньше диаметра устья.

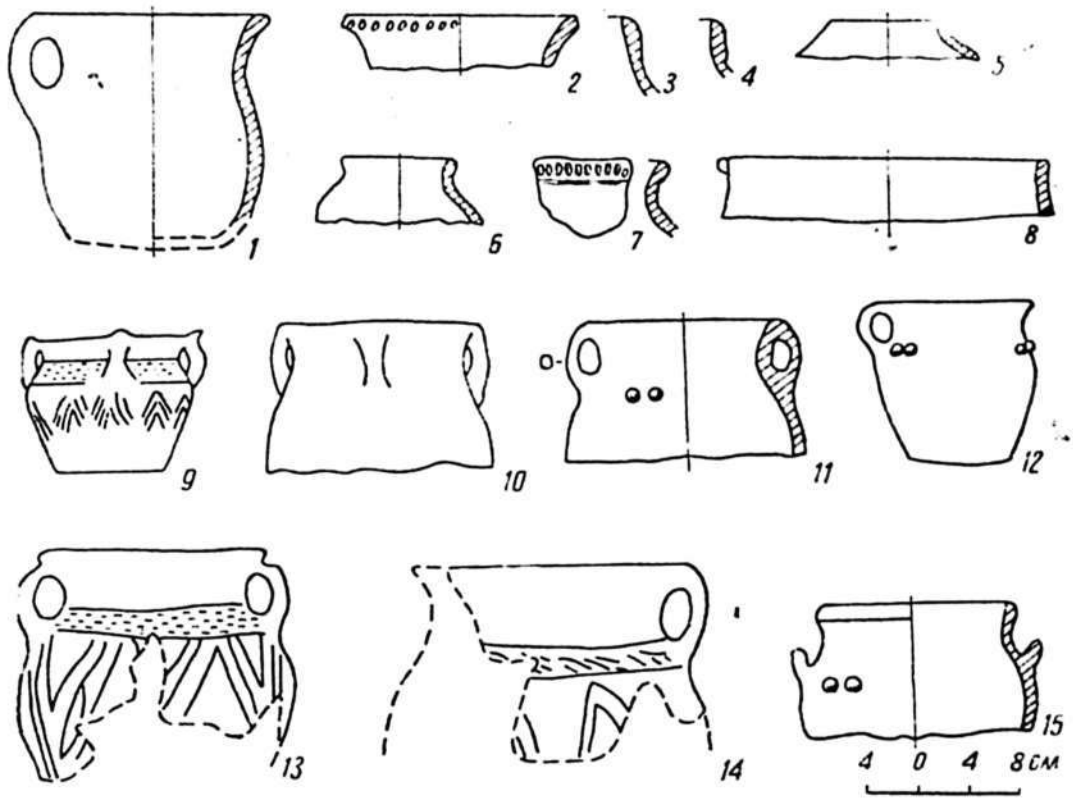

Рис. 14. Кердерская керамика VII—VIII вв. Горшки.

У части горшков наблюдается специфическая разделка поверхности. Начиная с плечиков, их тулово сплошь покрыто специальной обмазкой (см. ниже рис. 20, *4, 5*), которая часто оказывается и на дне. Для обмазки употребляли ту же глину, из которой лепили сосуды, разбавив ее до густоты сметаны. В результате крупные кусочки шамота, в изобилии примешанные в глину, становились сильно заметными и делали поверхность сосуда чрезвычайно неровной и грубой. После нанесения обмазки по ней часто проводили пальцами от плечика к днищу, и все тулово оказывалось покрытым небрежным вертикальным рифлением.

Орнаментация сосудов однотипна и скудна. Примерно у половины венчик по внешнему краю украшен рядом простых насечек или вдавлений. В их ряду или под ними бывают налепные выступы, сплюсну-

тые с боков (рис. 14, *7*; рис. 20, *5*). Нам не удалось установить, сколько таких налепов могло быть на одном сосуде. Налепной орнамент бывает также на плечиках, у обмазанных сосудов — на самом краю обмазки. Это или конические шишечки, или волнистые расплющенные полоски — «змейки». Они могут сочетаться на одном сосуде. Описанные элементы орнамента не находятся в какой-либо твердой взаимосвязи друг с другом.

Бóльшая часть горшков употреблялась для приготовления пищи, о чем говорят нагар и копоть снаружи сосудов и полоса темной накипи на устье внутри. Наиболее крупные сосуды этого типа с диаметром устья более 20 *см* следов употребления на огне не имеют, очевидно, в них хранили какие-то продукты[54].

Несколько особняком стоит небольшая группа сосудов, отличающихся прочерченным орнаментом на тулове и тем, что она вовсе не применялась для варки пищи. Эти сосуды имеют более индивидуальную форму (рис. 14, *9, 13, 14*) и отделаны тщательнее, размеры их весьма разнообразны.

Ближайшие аналогии описанным кухонным горшкам мы находим в афригидских замках южного Хорезма, в частности на Тешик-кале и Адамли-кале[55] в Беркуткалинском оазисе; в замках 32 и 92 в верхних слоях найдены в большом количестве горшки с насечками и обмазкой тулова[56], но без рифления. Сосуды этого типа, ничем не отличающиеся от описанных, являются массовой находкой на раннесредневековых городищах Куюк-кале[57] и Курганче, находящихся в правобережной дельте.

Весьма сходная посуда широко распространена на памятниках нижней и средней Сыр-Дарьи. У горшков из верхнего слоя городищ Джеты-асар наблюдается такая же форма с аналогичными насечками, вдавлениями и налепами на выступающем наружу венчике[58]. На Токкале венчики отличаются только тем, что утолщения на них встречаются редко. Ручки на горшках с Джеты-асар также прикреплены к краю венчика, а на плечиках сосудов имеются налепы. Почти на всех сосудах этого типа с Джеты-асар видны следы употребления их на

---

[54] Такие же горшки применялись и для детских захоронений, найденных на могильнике (см. ниже).

[55] Е. Е. Неразик. Керамика.., стр. 245, рис. 7, № 7, 8; стр. 249, рис. 6, № 9; стр. 237, рис. 7, № 1; С. П. Толстов. Древний Хорезм.., табл. 53, несколько сосудов.

[56] Е. Е. Неразик. Керамика.., стр. 244, рис. 7, № 6.

[57] Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 134; стр. 135, рис. 6, № 1—5, 7; стр. 136, рис. 7, № 1; стр. 137, рис. 8, № 9, 10, 13.

[58] Фонды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; Т. Н. Сенигова. К изучению технологических особенностей керамики низовья Сыр-Дарьи, ТИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, табл. 1, рис. 1.

огне. На «болотных городищах» в низовьях Сыр-Дарьи широко представлены очень сходные венчики. Отличие их в том, что они имеют более сложный профиль. Однако орнаментация, хотя и более богата, состоит из тех же насечек и вдавлений[59]. Здесь существование этой керамики известно вплоть до VII в.[60] Попадаются экземпляры, совершенно аналогичные токкалинским. Венчики горшков этого типа широко распространены на средней Сыр-Дарье, в частности в Отрарском оазисе[61]. По мнению Е. И. Агеевой, такая керамика появляется здесь в гунно-эфталитский период[62]. Мы пока не располагаем достаточным материалом для того, чтобы судить, насколько древней является посуда такого типа в этих районах. Самые нижние слои не вскрыты еще ни на одном памятнике.

Сходная лепная посуда найдена Г. В. Григорьевым на памятниках Келесской степи и в Ташкентском оазисе в слое Каунчи II. Здесь широко распространены лепные горшки, очень близких форм, с одной и двумя вертикальными ручками, прикрепленными верхним концом к венчику, а иногда с горизонтальными ручками[63], прикрепленными к тулову. Горшки с горизонтальными ручками известны в Пенджикенте[64]. Набор лепных горшков, в частности с горизонтальными ручками, очень близких к описанным, дает ташкентское городище Минг-Урюк[65], где керамика этого типа датируется III — IV вв.[66] Исследователи городища отмечают связь этой керамики с керамикой Каунчитепе. Кухонные горшки с насечками на венчике известны и на Актепе[67].

Все эти аналогии не относятся к рифленым по обмазке горшкам. На Джеты-асарах встречается вертикальное рифление на некоторых чернолощеных сосудах. Обмазка при этом, естественно, не применя-

---

[59] С. П. Толстов. Города гузов, СЭ, 1947, № 3, рис. 12, № 8, 9, 13; рис. 13, № 4—15; рис. 14, № 5, 7.

[60] Там же, стр. 70.

[61] Е. И. Агеева, Керамика Отрара, Известия АН КазССР, № 10, серия археологическая, вып. 3, 1961, стр. 102—103, табл. V.

[62] Е. И. Агеева. Керамика Отрара .., стр. 107—108.

[63] Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935, стр. 17, рис. 19, г.; Он же. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940, стр. 4; рис. 9, рис. 50. Он же. Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940, стр. 22, рис. 1 и 9.

[64] И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента, МИА, № 37, 1953, табл. VIII.

[65] Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды ТашГУ, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, табл. 3.

[66] Там же, стр. 139.

[67] А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), ТИИА АН УзССР, т. 1, 1948, стр. 118.

лась. Сосуды с подобной разделкой поверхности в других областях Средней Азии нам неизвестны[68].

Кувшины различных размеров (рис. 15, *1—3, 7, 8, 11—17*) являются второй массовой формой сосудов. Они делятся на две группы.

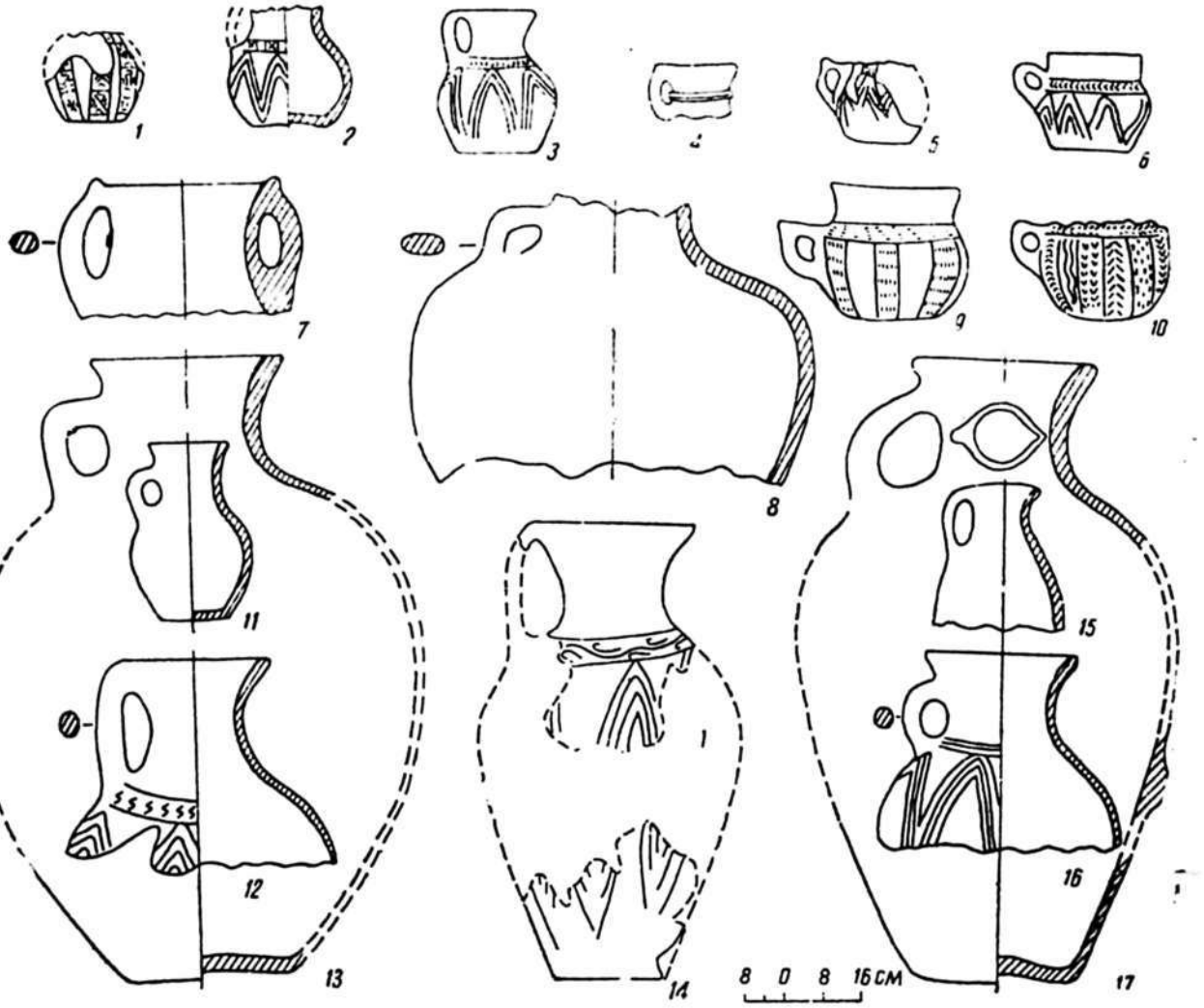

Рис. 15. Кердерская керамика VII—VIII вв.
1—4, 7—8, 11—17 — кувшины; *5, 6, 9, 10* — кружки.

---

[68] Точно такой же прием обмазки и вертикального рифления поверх нее на тулове сосудов был широко распространен в хорочоевской культуре (II—I тыс. до н. э.) на северо-восточном Кавказе (А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э., МИА, № 68, 1958, стр. 60; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки, МИА, № 23, 1951, рис. 10, № 2, 4; 5, 6; рис. 14, № 5). Тот же самый прием отмечен и на некоторых сосудах из Восточного Закавказья, в частности из урочища Лагодехи в северо-восточной Грузии. (Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник Древней Албании, Труды ГИМ, XI, 1940, стр. 20, табл. II, рис. 4). Эти факты не могут рассматриваться в качестве прямых аналогий, генетических или указывающих на явные связи.

Наиболее массовы кувшины любых размеров с диаметром устья от 8 до 20 *см* и высотой от 15 до 48 *см* с округлым, иногда слегка раздутым туловом (рис. 15, *2, 3, 11, 12, 14—16*). Диаметр днища у них обычно немного меньше диаметра устья. Форма ручки, всегда круглой в сечении и прикрепленной нижним концом к плечику, может быть двоякой: она или вытянута по вертикали, и ее верхний конец сливается с венчиком, или же имеет вид круглого ушка с верхним концом на горловине. Горловина расширяется кверху раструбом, венчик имеет слегка скругленную закраину. Сливы очень редки (рис. 15, *15*). Тулово кувшинов покрыто прочерченным орнаментом, обычно глубоко врезанным и заполненным белым веществом[69] (рис. 15, *1, 12, 14, 16*). Для большей части кувшинов характерны тщательность отделки, относительно равномерный обжиг и черно-серый цвет черепка. Тесто не очень грубое, а внешняя поверхность хорошо залощена. Сосуды, покрытые белым матовым узором по блестящему черному фону, имеют нарядный вид. Многие из них хорошо заглажены и внутри. К этой группе кувшинов следует отнести небольшой чернолощеный кувшинчик с выпуклым валиком на шейке (рис. 15, *4*). Его тулово не сохранилось.

Меньшая часть сосудов этого типа сделана значительно грубее. В результате неравномерного обжига она имеет пятнистую красноватую окраску. Орнамент такой же, но белой инкрустации и лощения нет (рис. 15, *2, 3*).

Круг аналогий для этих кувшинов довольно узок. Они известны в верхних слоях замков 32 и 92 Беркут-калы[70] и на Куюк-кале[71]. Чернолощеные кувшины разных форм, в том числе и близкой к описанным, с таким же, а чаще более богатым линейно-геометрическим орнаментом, иногда инкрустированным белым веществом, распространены в верхних слоях городищ Джеты-асар[72]. Больше нигде в Средней Азии подобные кувшины неизвестны.

Вторую группу кувшинов составляют крупные сосуды с диаметром устья около 20 *см* и высотой в среднем 64 *см* (рис. 15, *13, 17*) с одной ручкой, посаженной на горловине. По форме они почти не отличаются от описанных кувшинов. Только иногда ручка имеет в верхней части угловатый изгиб. Эти сосуды не орнаментированы и не залощены, но

---

[69] Спектральный анализ этого белого вещества дал следующий состав: кремний (более 5%), алюминий (более 5%), кальций (более 5%), магний (около 2%), железо (около 3%), следы марганца, меди, сурьмы и свинца. Анализ выполнен М. Зерновой.

[70] Сообщено мне Е. Е. Неразик.

[71] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг..., стр. 132, рис. 29; Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 134; стр. 136, рис. 7, № 2.

[72] Т. Н. Сенигова. Керамика городища Алтын-асар, канд. диссертация, хранится в библиотеке им. В. И. Ленина, М., 1954, стр. 45, 57.

часто покрыты грубой коричневой или черной краской, нанесенной толстым слоем. На тулове имеются одиночные конические выступы, располагавшиеся, видимо, в нижней части сосуда. Одним экземпляром представлена верхняя часть большого массивного кувшина с овальной в сечении ручкой, прикрепленной на шейке, очень крутыми плечами и широким туловом (рис. 15, *8*).

Редкой формой являются небольшие кувшины с двумя ручками, на верхушках которых находятся налепы-шишечки (рис. 15, *7*). Эти сосуды известны только по их верхним частям.

Кувшины, сходные по форме с сосудами первой и второй групп, существуют на городищах Джеты-асар[73] в верхнем слое. Часть их имеет на горловине одну ручку. Для многих из этих кувшинов характерны рифленые горизонтально горловины, не встречающиеся на Ток-кале[74]. Черный ангоб широко применялся на Джеты-асарах, но обычно сочетался с лощением[75]. Круг аналогий кувшинам с Ток-калы исчерпывается городищами Джеты-асар и замками Беркут-калы.

Кружки (рис. 15, *5, 6, 9, 10*) являются относительно малораспространенным сосудом. Их высота 10—14 *см*, диаметр устья 9—13 *см*. Тулово округлое, горловина всегда суженная. Ручка прикреплена верхним концом к плечику, нижним — к середине тулова. Ее форма бывает двоякая: горизонтальная в верхней части с резким изгибом книзу или петлеобразная. Иногда на ручке имеется небольшой выступ, возможно, рудимент зооморфной фигурки. Все кружки покрыты таким же прочерченным орнаментом, как и на кувшинах. Изготовление сосудов грубое, без лощения.

Относительно сходные формы с родственным прочерченным орнаментом есть среди кружек Джеты-асар, которые в целом гораздо более многообразны, отличаются тонкостью выделки и всегда залощены по черному ангобу. Отдаленное сходство можно найти в керамике Каунчи II. Здесь известна кружка с суженной горловиной и ручкой в виде крайне стилизованной фигурки животного[76], очень сходной с ручкой одной из кружек Ток-калы. Среди ремесленной гончарной посуды отдаленно сходную форму с прямой или суженной верхней частью имеют кружки Согда[77] и Ташкентского оазиса (замок Актепе)[78].

---

[73] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., ИВЛ, 1962, стр. 190, рис. 111.

[74] Как мне любезно сообщил В. Н. Ягодин, небольшой кувшин, сходной формы, с рифленой горловиной был найден на Куюк-кале.

[75] Т. Н. Сенигова. Керамика .., стр. 45.

[76] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа .., стр. 32, рис. 52.

[77] И. Б. Бентович. Указ. соч., табл. X.

[78] А. И. Тереножкин. Согд и Чач .., рис. 69, XXI, № I.

Миски (рис. 16, *1, 2, 8, 9, 12—14*) просты по форме. Их стенки расходятся кверху без всяких перегибов и имеют скругленный или уплощенный край, в редких случаях слегка выступающий внутрь (рис. 16, *14*). На крае могут быть три налепных выступа (рис. 16, *8*). Орнаментации и лощения не бывает, заглажена только внутренняя их поверхность.

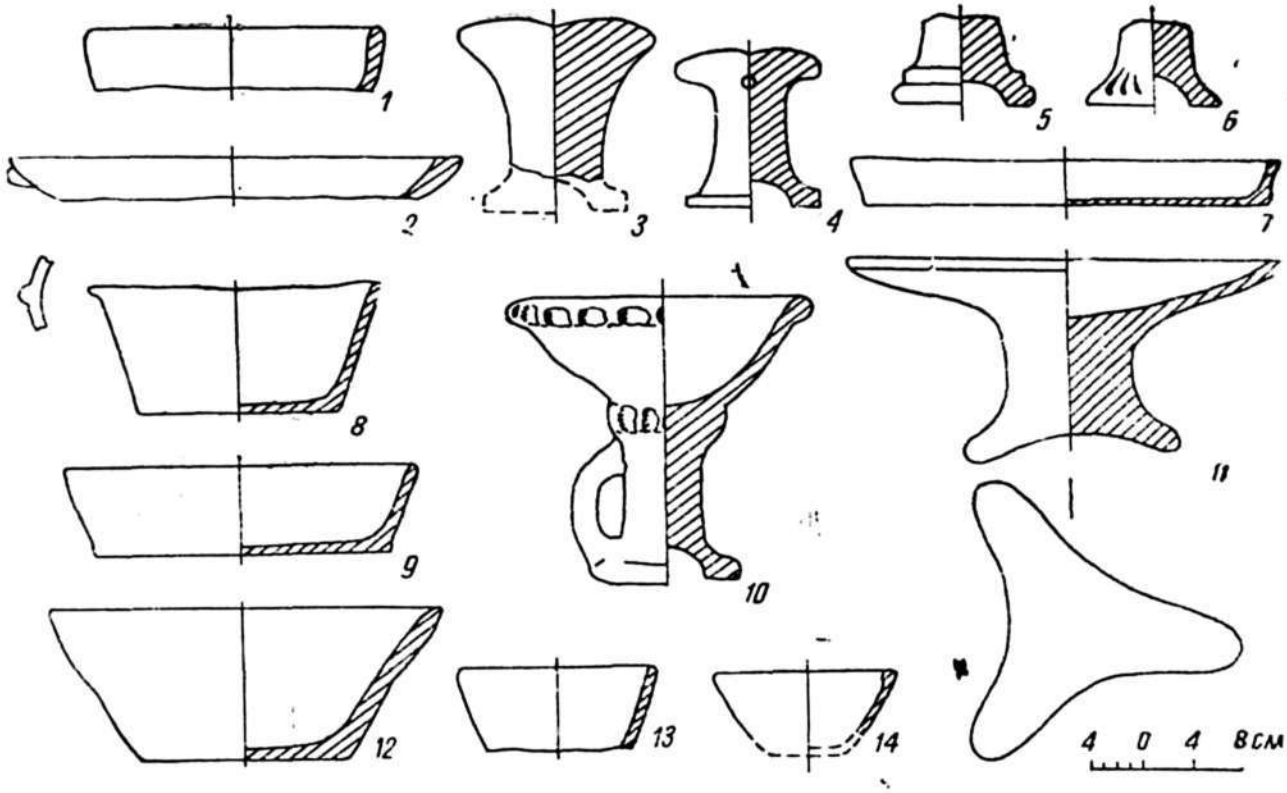

Рис. 16. Кердерская керамика VII—VIII вв.
1, 2, 8, 9, 12—14 — миски; *3—6* — подставки под вертел; *7*—сковородка; *10*—курильница; *11*—ваза.

В целом форма настолько проста и распространена, что трудно говорить о четких аналогиях. Миски, очень сходные с описанными, имеются в материале с Джеты-асар.

Хумы (рис. 17) достигают высоты около 80 *см* при диаметре устья от 30 до 37 *см*. Дно у них несколько уже устья, шейка короткая, на корпусе орнамента не бывает. Сосуд всегда снабжен двумя ручками. Верхний конец ручки может быть прикреплен к самому венчику или к шейке, а нижний — всегда к плечику. В сечении ручки круглые или овальные с одним или двумя продольными желобками в том случае, если ручка прикреплена к венчику (рис. 17, *8*). Иногда нижний конец ручки обведен налепной полосой с защипами (рис. 17, *9*). В ред-

ких случаях на венчике имеются вдавления и одиночные налепы, как на горшках (рис. 17, *4*).

Сходные сосуды с таким же широким устьем, несколько более отогнутым наружу венчиком и двумя ручками или без ручек известны только в верхнем слое Джеты-асар[79].

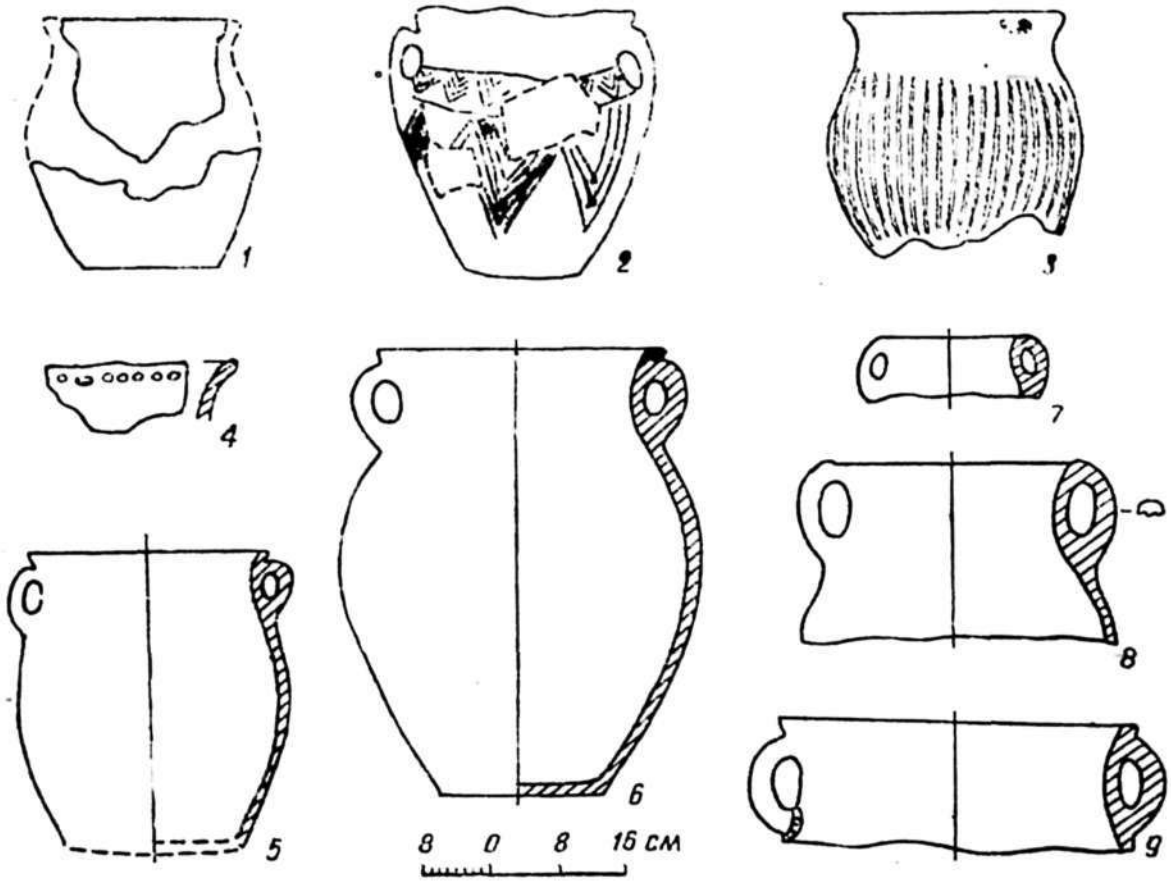

Рис. 17. Кердерская керамика VII—VIII вв. Крупные сосуды для хранения запасов.

Сковороды (рис. 16, 7) диаметром около 30 *см* с прямыми вертикальными или слегка расходящимися кверху стенками, высотой от 2 до 5—6 *см,* вылеплены очень грубо и небрежно, слегка затерты внутри и не оправлены снаружи. Лепили их в большинстве случаев на подсыпке из шелухи проса. Дно обычно очень тонкое, но следы огня бывают только снаружи. Следовательно, в качестве жаровен их не употребляли.

---

[79] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1945—1948 гг., ТХАЭ, т. I, стр. 22, рис. 11, а; Л. М. Левина. Указ. соч., сводная таблица.

Лепные сковороды такого типа бытовали на очень большой территории в различное время, так что определение аналогий им не имеет значения.

К сковородам несколько условно можно отнести сосуды неизвестного назначения. Они во всем похожи на сковороды. Однако в стенке у них почти до самого дна сделан специальный выем или вырез. Напротив него, на краю противоположной стенки, помещен странный налеп, больше всего похожий на голову зверя с большими стоячими ушами, который как бы закусил край сосуда и опустил морду вниз. Вероятно, это только кажущееся сходство. Следов употребления на огне ни внутри, ни снаружи у этих сосудов нет. Кроме Ток-калы, подобные сковороды с выемкой в стенке известны только на Джеты-асарах и в культуре Каунчи II[80], где на них отмечены следы огня.

Крышки (рис. 18, *1, 4, 8, 11, 15*) в форме сегмента шара или фигурные с отогнутыми кверху краями. Обычно они увенчаны цилиндрической ручкой со сквозным отверстием. Размеры крышек разнообразны — от 6 до 30 *см* в поперечнике. Внешняя поверхность грубо заглажена и иногда орнаментирована круглыми вдавлениями, мазками пальцев, прочерченными линиями. У большинства крышек края, выдававшиеся за венчик сосуда, закопчены, а на внутренней поверхности видна такая же темная накипь, как и на кухонных горшках. На крышках крупного диаметра следов огня нет.

Крышки такого типа известны на афригидских памятниках Хорезма[81]. Крышка, полностью совпадающая с изображенной на рис. 18 *(1)*, есть в подъемном материале с Минг-Урюка[82]. Сегментовидные крышки (но без отогнутого края и орнаментации пунсонными вдавлениями) известны в верхнем горизонте Джеты-асар. Сходные по форме, но не по орнаментации крышки без отогнутого кверху края распространены и в Чуйской долине в слоях V — VIII вв.[83] Гораздо более массовы, в частности, в Хорезме, на Джеты-асарах, на средней Сыр-Дарье и в культуре Каунчи II дисковидные крышки с ручками-ушками.

Вазы (рис. 16, *11*) встречаются не очень часто. Они имеют округлый резервуар и сплошную цилиндрическую ножку, опора которой сделана в виде трех лапок. Высота их различна.

Курильницы встречаются часто. По форме они похожи на вазы (рис. 16, *10*), но более крупные. Опора ножки круглая. В ее нижней части иногда расположена вертикальная ручка. Резервуар хорошо

---

[80] Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., стр. 22, рис. 26; стр. 25.

[81] Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма.., стр. 251, рис. 10, № 5 (изображена ручка от такой крышки).

[82] Фонды Музея истории народов Узбекистана в Ташкенте, коллекция керамики с Минг-Урюка, инв. № 236/131.

[83] Труды Семиреченской археологической экспедиции.., табл. LIX, № 1—8.

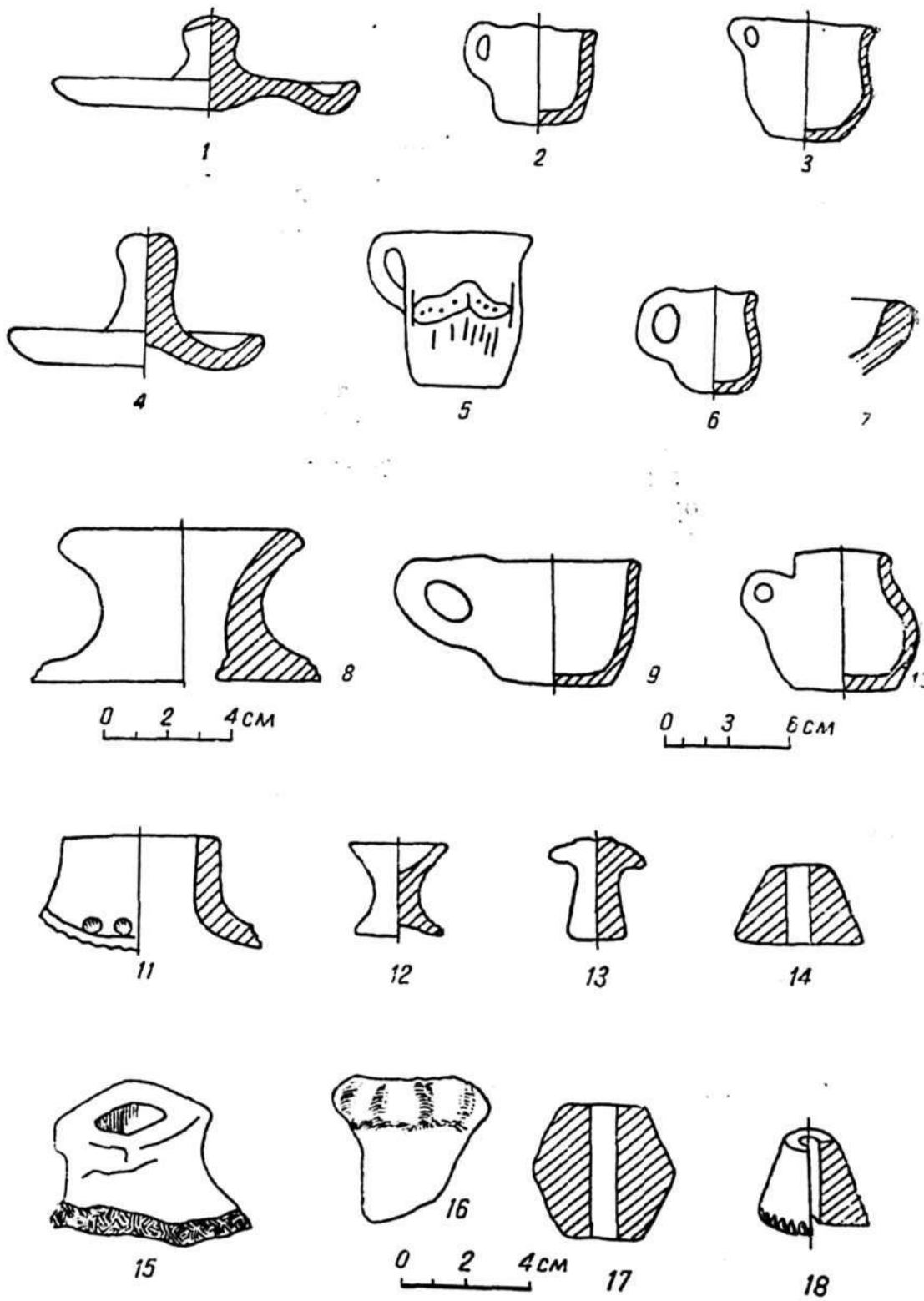

Рис. 18. Кердерская керамика VII—VIII вв.

1, 4 — крышки; *2, 3, 5—7, 9, 10, 12* — миниатюрные сосуды; *8, 11, 15, 16* — ручки крышек; *13* — игрушечная подставка под вертел; *14, 17, 18* — пряслица.

заглажен, а снаружи украшен налепными жгутами с защипами. Внутри резервуар курильницы сильно закопчен. Курильницы (по мнению части исследователей, светильники) сходного вида имеют широкое распространение в Средней Азии. Они известны на ряде городищ южного Узбекистана — на Мудинтепе в слое III — IV вв.[84], в Пенджикенте[85], в Чуйской долине, где они датируются V — VIII вв.[86], в верхнем слое Джеты-асар[87]. Подобные предметы известны в Бухаре[88], в раннесредневековом Согде[89] и Самарканде IX—XII вв.[90]. Такое широкое распространение этих предметов и бытование их в различных керамических комплексах заставляют предположить, что они имели какое-то специфическое назначение.

Подставки под вертел (рис. 16, *3—6*) встречаются очень часто. Они имеют цилиндрическую ножку, похожую на ножку курильницы, только опора ее в большинстве случаев снизу полая. Наверху находятся две лопасти или выступы, направленные в противоположные стороны и разделенные желобком. Это очень похоже на рудимент протомы животных, однако головок животных на подставках ни разу не найдено. У части подставок в верхней трети бывает сквозное отверстие.

Такие подставки известны только на афригидских памятниках Хорезма[91].

Пряслица (рис. 18, *14, 17, 18*) в основном вылеплены специально и хорошо залощены. Форма их усеченно-коническая или биконическая. Пряслица такого типа распространены в Средней Азии очень широко и известны, например, на Джеты-асарах[92], в культуре Каунчи[93], в слое VIII — X вв. Тараза[94].

Миниатюрные сосудики (рис. 18, *2, 3,5—7, 9, 10, 12*) встречаются часто. Среди них представлены все обычные формы кера-

---

[84] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. ТИИА АН УзССР, 1950, т. II, стр. 88; стр. 89, рис. 2.

[85] И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента.., стр. 142, рис. 10.

[86] МИА, вып. 14, стр. 118; табл. XI.

[87] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1945—1948 гг.., стр. 22, рис. 11, в.

[88] С. К. Кабанов. Нахшеб в III—VIII веках в свете археологических данных, рукопись канд. диссертации, Ташкент, 1953, стр. 63—64.

[89] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. История материальной культуры Узбекистана, вып. II, Ташкент, 1961, стр. 207, рис. 8; стр. 212.

[90] Л. И. Ремпель. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба, доклады АН ТаджССР, вып. 9, 1953, стр. 25, рис. 1.

[91] Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма.., стр. 252; стр. 253, рис. 11, № 13.

[92] Т. Н. Сенигова. Керамика.., стр. 85.

[93] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа.., рис. 33; стр. 40.

[94] Г. И. Пацевич. Раскопки на территории древнего Тараза в 1940 г., ТИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 84.

мических изделий, исключая только кувшины и сковороды. По форме и качеству выделки миниатюрные сосуды ничем не отличаются от обычных. Часть их применялась в быту, о чем свидетельствуют следы копоти на некоторых кружечках. Другие сосуды, как вазочка (рис. 18, *12*), подставочка под вертел (рис. 18, *13*) скорее всего были игрушками. Возможно, некоторые изделия имели и специальное назначение.

Отдельным сосудикам есть интересные параллели. Кружечка, изображенная на рис. 18 (*9*), полностью совпадает по форме и размерам с такой же кружечкой из слоя Шаунчи[95]. Та же форма повторяется в дереве в Кенкольском могильнике[96]. Сосудики, сходные с описываемыми, известны на афригидских памятниках Хорезма[97]; в частности, кружечка, совершенно аналогичная, изображенной на рис. 18 (*5*), обнаружена на Тешик-кале[98]. На ней отсутствует налеп, но на тулово нанесены точно такие же хаотические вертикальные линии.

Орнамент. Орнаментация в целом распространена довольно широко. Кухонные горшки всегда украшены хотя бы одним из вышеописанных способов, а часто и всеми сразу. Большинство кувшинов и крышек, почти все кружки и курильницы также покрыты орнаментом. На остальных сосудах орнаментация встречается реже и более скудна. Орнамент может быть разделен на три группы: налепной, прочерченный и вдавленный (рис. 19).

Налепной в большинстве случаев имеет вид конических шишечек, расположенных по одной, парами или по три на плечиках кухонных горшков (рис. 14, *11, 12, 15;* рис. 20, *5*), по одной на венчиках горшков и мисок (рис. 14, *8*; рис. 17, *2, 8*) и на нижней части тулова некоторых кувшинов (рис. 15, *17*). Такие же налепы бывают и на верхней части ручек у двуручных кувшинов (рис. 15, *7*). На горшках конические налепы часто сочетаются с налепом в виде волнистого расплющенного жгутика. Возможно, это стилизованное изображение рогов или змей. Такие конические налепные шишечки и волнистые полоски широко распространены на керамике большинства городищ Джеты-асар[99] и «болотных городищ» возле Казалинска[100]. Вообще же этот тип орнамента бытует на керамике самых различных культур. Изредка на горшках вместо пары шишечек встречаются налепы в виде парных колец, сделанных путем продавливания посередине налепных плоских кружков (рис. 19, *10*). Сравнительно редко применялись налепные жгуты с по-

---

[95] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа.., рис. 7.

[96] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. 2, Л., 1940, табл. XVI, в правом верхнем углу.

[97] Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма.., стр. 251, рис. 10, № 2.

[98] Там же, рис. 10, № 1.

[99] С. П. Толстов. По следам.., стр. 134, рис. 34, № 37—39; Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 23, рис. 12.

[100] С. П. Толстов. Города грузов.., стр. 65, рис. 12, № 27.

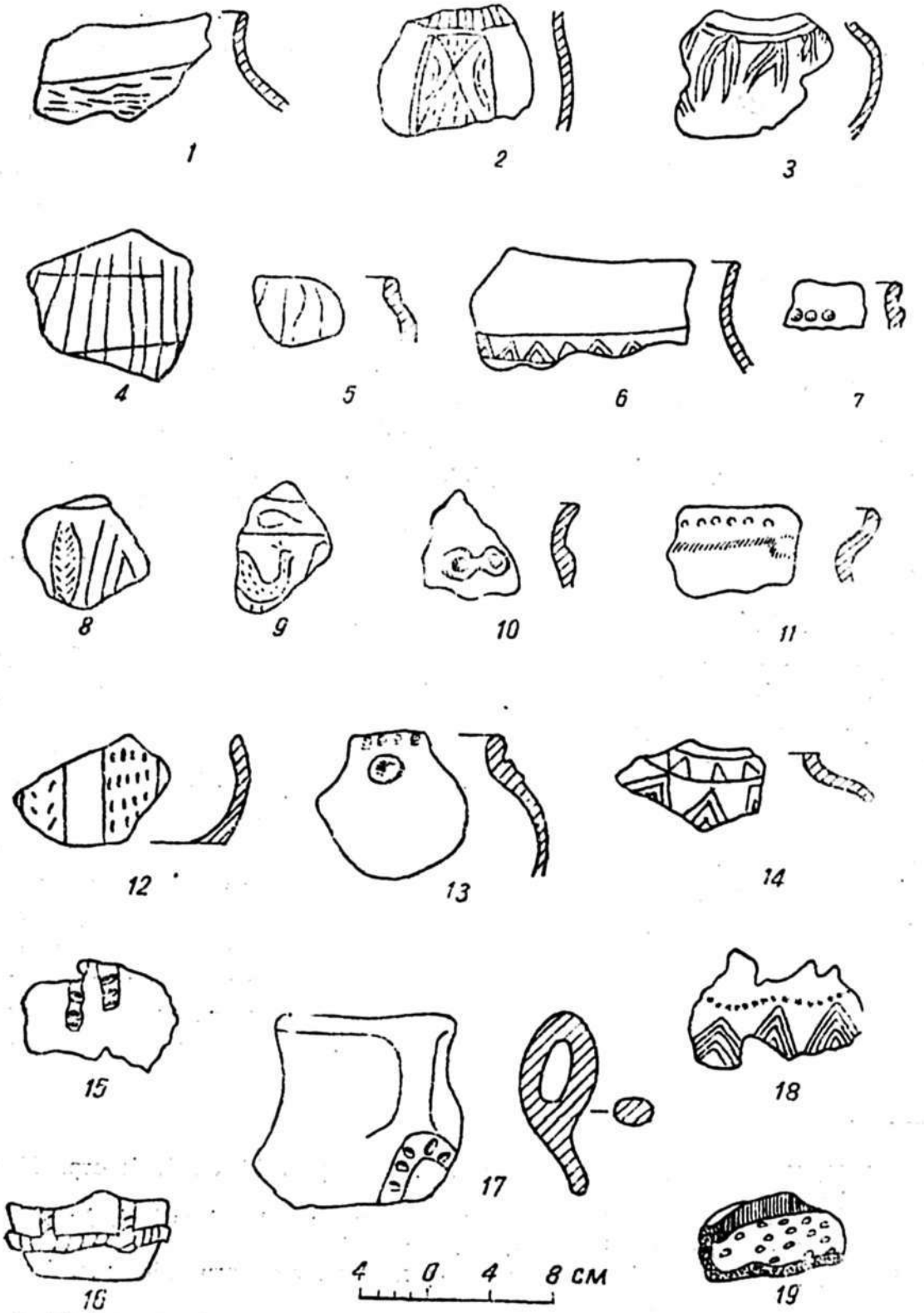

Рис. 19. Образцы орнамента керамики Кердера VII—VIII вв.

перечными защипами или насечками. Они отмечены на курильницах (рис. 16, *10*), на небольшом количестве горшков в виде свисающих ленточек под ручкой и, возможно, в виде «арочек» на плечиках (рис. 19, *15, 17*). Сохранилась нижняя часть небольшого сосудика, оплетенного такими налепными жгутами (рис. 19, *16*). Этот орнамент очень широко распространен на нижней и средней Сыр-Дарье: на «болотных городищах»[101], в Отрарском оазисе, где он известен довольно рано[102]. Присутствует он и в культуре Каунчи II[103]. Для Джеты-асар такая орнаментация нехарактерна.

Прочерченный орнамент применялся только на столовой посуде: кувшинах, кружках и части горшков, не употреблявшихся на огне. Обычно он состоит из орнаментального пояска на плечиках и спускающихся от него по тулову вписанных друг в друга углов. Иногда углы заменены вертикальными орнаментальными полями с различным заполнением (рис. 15, *1, 9, 10,* рис. 19, *2, 12*). Изредка встречается небрежная прямоугольная сетка (рис. 19, *4*). Этот орнамент имеет линейно-геометрический характер. Выполнялся он заостренной палочкой, каждая линия — отдельно. На части кувшинов линии орнамента заполнены белой массой.

Орнамент такого вида известен в Средней Азии только в Приаралье: на Курганче и Куюк-кале[104], в разных горизонтах Джеты-асар и на более раннем могильнике Тагискен[105]. Здесь тоже применяется заполнение этого орнамента белой массой. Корни его уходят, видимо, еще в бронзовый век[106] и связаны с культурами андроновского круга. Сходство настолько разительно, что отдельные черепки трудно бывает отличить от первобытного материала.

Вдавленный орнамент очень однообразен. Это или насечки, или наколы, или пунсонные вдавления. Насечки располагаются на боковой части венчиков горшков, гораздо реже — по их бережку. Их форма зависит от палочки, которой их делали. Такая орнаментация на горшках, как уже указывалось выше, — массовое явление в верхнем слое Джеты-асар и в Ташкентском оазисе. Наколы и вдавления камышинкой или полой костью встречаются изредка, в основном на крышках.

---

[101] С. П. Толстов. Города гузов.., стр. 65, рис. 12, № 1, 3; стр. 66, рис. 13, № 12—15, 19.

[102] А. Н. Бернштам. Древний Отрар, Известия АН КазССР, № 108, стр. 85.

[103] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа.., стр. 4.

[104] Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 135, рис. 6, № 6, 8, 9, 11, 12, 13; стр. 136, рис. 7, № 2.

[105] С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи, СА, 1962, № 4, стр. 136, рис. 11.

[106] С. П. Толстов. Города гузов.., стр. 69.

Представляется интересным сравнить орнаментацию керамики с Ток-калы с орнаментацией синхронной ей афригидской ремесленной посуды, выполненной на гончарном круге. При этом бросается в глаза явное сходство между ними. Орнамент на афригидской керамике также делится на нарезной, налепной и вдавленный[107]. Все три приема орнаметации не имеют корней в хорезмийской керамике античного времени. Прочерченный орнамент, выполнявшийся зубчатым штампом, имеет вид плетенки из ломаных и округлых полос, рядов, волнистых линий или широкой полосы зигзагов, обрамленной полосами мелких. Орнамент этого типа чаще всего располагается на тулове сосудов[108]. Все это имеет очень большое сходство с линейно-геометрическим орнаментом на кувшинах с Ток-калы[109]. Налепной орнамент имеет вид или накладной полосы, продавленной или защипленной пальцами, или медальонов и сосковидных налепов. Налепные защипленные жгуты на керамике Ток-калы уже описывались. И, наконец, столь широко принятое украшение венчиков афригидских хумов, реже горшков рядами вдавлений очень похоже на насечки и вдавления на венчиках описанных выше кухонных горшков. Анализ афригидской керамики и, прежде всего, ее орнамента позволил Е. Е. Неразик прийти к очень важному выводу. Она пишет: «Старательно и грубо украшенные сосуды афригидской эпохи резко отличаются от сосудов античного Хорезма. Манера орнаментации керамики афригидского Хорезма, глубоко архаичная, сближает ее с керамикой кочевых и полукочевых племен Средней Азии, в частности с керамикой северных, обитавших на Сыр-Дарье, соседей Хорезма, происходящей из тюрко-огузских слоев «болотных городищ» и верхних построек памятников Джетыасарского комплекса в Казахстане»[110]. Еще при первом знакомстве с казалинскими городищами в 1946 г. С. П. Толстов отмечал, что на них часто встречаются раннеафригидские формы[111]. Дальнейшее изучение варварской периферии Хорезма привело его к выводу об очень большом удельном весе ее традиций в афригидской архитектуре и керамике[112].

Из всего вышеизложенного видно, что между керамикой низовий Сыр-Дарьи (верхний горизонт Джеты-асар и «болотные городища»), афригидской керамикой Хорезма и синхронной ей керамикой в дельте

---

[107] Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма.., стр. 255—256.

[108] Там же, стр. 255.

[109] Это сходство очень хорошо видно из рис. 12 в указанной работе Е. Е. Неразик. Фрагменты № 2, 9, 10 совпадают с керамикой Ток-калы почти полностью.

[110] Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма.., стр. 258.

[111] С. П. Толстов. По следам.., стр. 135.

[112] С. П. Толстов. Варварские племена периферии античного Хорезма, Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 149.

Аму-Дарьи существует большое сходство[113]. Отсюда можно сделать вывод о том, что между описываемой керамикой и афригидской есть большие родственные связи. Таким образом, еще раз подтверждается мнение С. П. Толстова и Е. Е. Неразик о глубоких связях афригидского Хорезма с культурой варварской периферии, своеобразным осколком или ответвлением которой являлась и культура населения правобережной дельты Аму-Дарьи в раннем средневековье.

Лепка и обжиг. Вся описанная посуда приготовлялась из очень грубого теста. Единственным отощителем, добавлявшимся в огромном количестве, служил шамот из черепков таких же сосудов. Он делал поверхность изделий очень неровной и грубой. Основная масса сосудов сформована из отдельных кольцевых лент или поясов. Днище формовалось отдельно. Его делали в виде округлой лепешки из одного куска глины и помещали на какую-либо ровную поверхность. На днище прилеплями кольцом нижнюю ленту, за нею — следующую и так далее. Число их зависело от размера сосуда. Края лент обычно ровные, лишь иногда отформованы уступом и заходят друг за друга. Края днища загибали и примазывали к стенкам сосуда снаружи, реже — изнутри. В этом случае нижнюю ленту ставили не на днище, а обводили вокруг него[114]. У многих сосудов днища имеют легкую асимметричную вогнутость. Можно предположить, что в ряде случаев их прикрепляли к уже готовому сосуду, перевернув его устьем вниз. При этом мягкое дно слегка проседало внутрь[115]. Сосуды лепили на неподвижной основе, некоторые же — на дисковидной плоской подставке. Ее отпечатки хорошо видны на днищах, слегка превосходивших ее по размеру. Такая подставка давала возможность время от времени поворачивать сосуд, что облегчало лепку[116]. Однако

---

[113] Вывод о большой близости с Джеты-асарами и «болотными городищами» был сделан еще по материалам Куюк-калы (С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955 — 1956 гг..., стр. 130; Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 134).

[114] По этнографическим данным, при лепке поясами известно выминание днища и нижней части сосуда из одного куска глины (Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, М., 1959, стр. 23). Формовка днища отдельно от тулова распространена в лепной посуде Средней Азии не очень широко и для керамики Ток-калы является, вероятно, локальной особенностью. Такой прием формовки известен на Джеты-асарах (Т. Н. Сенигова. Керамика.., стр. 8—9) и на средней Сыр-Дарье V — VIII вв. (Е. А. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений Казахстана, ТИИАЭ АН КазССР, т. V, 1958, стр. 17), но в этих районах он не был единственным.(Т. Н. Сенигова. К изучению технологических особенностей керамики низовья Сыр-Дарьи, ТИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 217—220).

[115] Вогнутость дна внутрь известна на лепных сосудах из нижнего слоя Пенджикента (Б. И. Маршак.. Керамика нижнего слоя Пенджикента, ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 91).

[116] Е. М. Пещерева. Указ. соч., стр. 31.

даже у лучших сосудов толщина стенок очень неравномерная. Сосуды часто асимметричны, края венчиков неровные.

При лепке сосудов применялась различная подсыпка: зола, саман, сухая земля, растительный мусор, изредка шамот. Отдельные сосуды и сковороды изготовлялись на просяной шелухе[117]. В большинстве случаев следов подсыпки вообще не наблюдается.

Изредка встречаются выпуклые округлые днища сосудов. Вероятно, их выминали в ямке или каком-либо шаблоне[118]. На одном из таких днищ видны отпечатки грубой плетенки, в которой оно было оттиснуто. Предварительно плетенку обсыпали просяной шелухой. Своеобразный метод лепки отмечен на одном из кувшинов (рис. 15, *8*). Он был сформован путем обмазывания матерчатого шаблона слоем глины толщиной до 5 *мм*. Затем стенки сосуда обмазали изнутри еще раз таким же слоем глины. При обжиге ткань выгорела, и в середине черепка оказался замурованным ее отпечаток[119].

На шаблоне в форме сегмента шара лепили крышки[120]. Из чего был сделан шаблон установить по его отпечаткам не удается. На внутренней стороне крышки, прилегающей к шаблону, отпечатки пальцев полностью отсутствуют. Края же крышек имеют многочисленные следы оттягивания и отгибания их кверху.

Мелкие сосуды выминали из одного куска глины. Венчики в большинстве случаев специально не отформовывались. Обычно это просто скругленный край. Изредка он плоско подрезан или отогнут наружу и примазан к стенке.

На сформованных сосудах тщательно заглаживали швы между лентами снаружи. Изнутри их иногда уплотняли, проводя по месту стыка округлой палочкой, но не стремясь его полностью замаскировать. Готовый сосуд грубо обтирали рукой, тряпкой или пучком травы

---

[117] Употребление шелухи проса при лепке сковород было вызвано, вероятно, их неудобной формой и очень тонким дном. Так же лепились сковороды в античный период в Хорезме. Этот прием для сковород известен и в других местах: на Джеты-ассарах, в нижних слоях Кыр-Бурана II—IV вв. (М. И. Филанович. Археологическое обследование городища Кыр-Буран, Ташкентская область, в кн. «Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР», кн. 4, 1961, стр. 314), в Таласской долине на тепе возле ст. Луговая — II в. до н. э. — III в. н. э. (А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941, стр. 14) и в других местах.

[118] У первобытных народов Америки и Африки известен прием изготовления круглодонной лепной посуды в углублении в почве (Д. К. Зеленин. Примитивная техника гончарства «налепом» в Восточной Европе, журн. «Этнография», 1923, № 1, стр. 104).

[119] Сходный случай отпечатка ткани внутри черепка известен на Алтын-асаре (Т. Н. Сенигова. Керамика.., стр. 220).

[120] Лепка сходных по форме крышек на шаблоне известна на средней Сыр-Дарье (Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. соч..., стр. 174).

снаружи, изредка — внутри. Более тщательно заглаживали горловину снаружи и изнутри. Часть сосудов заглаживали снаружи металлическим лезвием или костью и только некоторые кувшины залащивали до блеска. Но и в этом случае оправка внутри была грубой.

Основная масса керамики обжигалась на открытых кострах или, может быть, в ямах[121]. Режим обжига был очень неравномерным: на поверхности сосудов чередуются красные и черные пятна. Часть сосудов закопчена при обжиге. Излом черепка отличается по цвету от поверхности и обычно имеет в середине темную полосу, что свидетельствует о низкой температуре обжига. У многих сосудов внешняя поверхность темная, а внутренняя красная. Более или менее равномерно обожжена небольшая часть сосудов. В основном это лощеные кувшины, имеющие черепок ровного темно-серого цвета. Возможно, их специально подкапчивали при обжиге. Хорошего печного обжига лепной посуды не отмечено. В горне на раскопе II обжигались только афригидские водоносные кувшины. При раскопках Куюк-калы в 1956 г. была найдена большая керамическая печь[122], но, какие сосуды обжигались в ней, неизвестно.

Благодаря недостаточному, низкотемпературному обжигу и большому содержанию шамота в тесте керамика очень непрочна. Сосуды легко крошатся, под действием влаги целиком рассыпаются и не могут долго сохраняться на поверхности земли.

Несмотря на то, что вся посуда формовалась вручную, это было ремесленное производство, за исключением, может быть, кухонных горшков. Об этом говорит единообразие и четкость форм сосудов. Правда, рынок, на который работали ремесленники, был очень узким.

Итак, основными чертами местного керамического производства на Ток-кале являются отсутствие гончарного круга, лепка лентами, иногда с применением дисковидной подставки, изредка использование шаблона и напольный обжиг. Все это говорит о том, что в целом гончарство стояло на весьма низком уровне[123].

Для всей Средней Азии периода раннего средневековья основным методом изготовления глиняной посуды была формовка на гончарном

---

[121] Е. М. Пещерова. Указ. соч., стр. 40—41.

[122] Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г..., стр. 133. На Джеты-асарах, дающих так много аналогий, известен напольный обжиг для кухонной посуды и горновой — для столовой. Размеры горнов не превышали 1,5 *м* в поперечнике. (Т. Н. Сенигова. Керамика.., стр. 168, 170).

[123] Производство на гончарном круге афригидской посуды находилось, видимо, в руках гончаров-хорезмийцев. Ни одного сосуда местной формы, сделанного на круге, неизвестно. На Куюк-кале, расположенной к северу от Ток-калы, наблюдается то же самое явление.

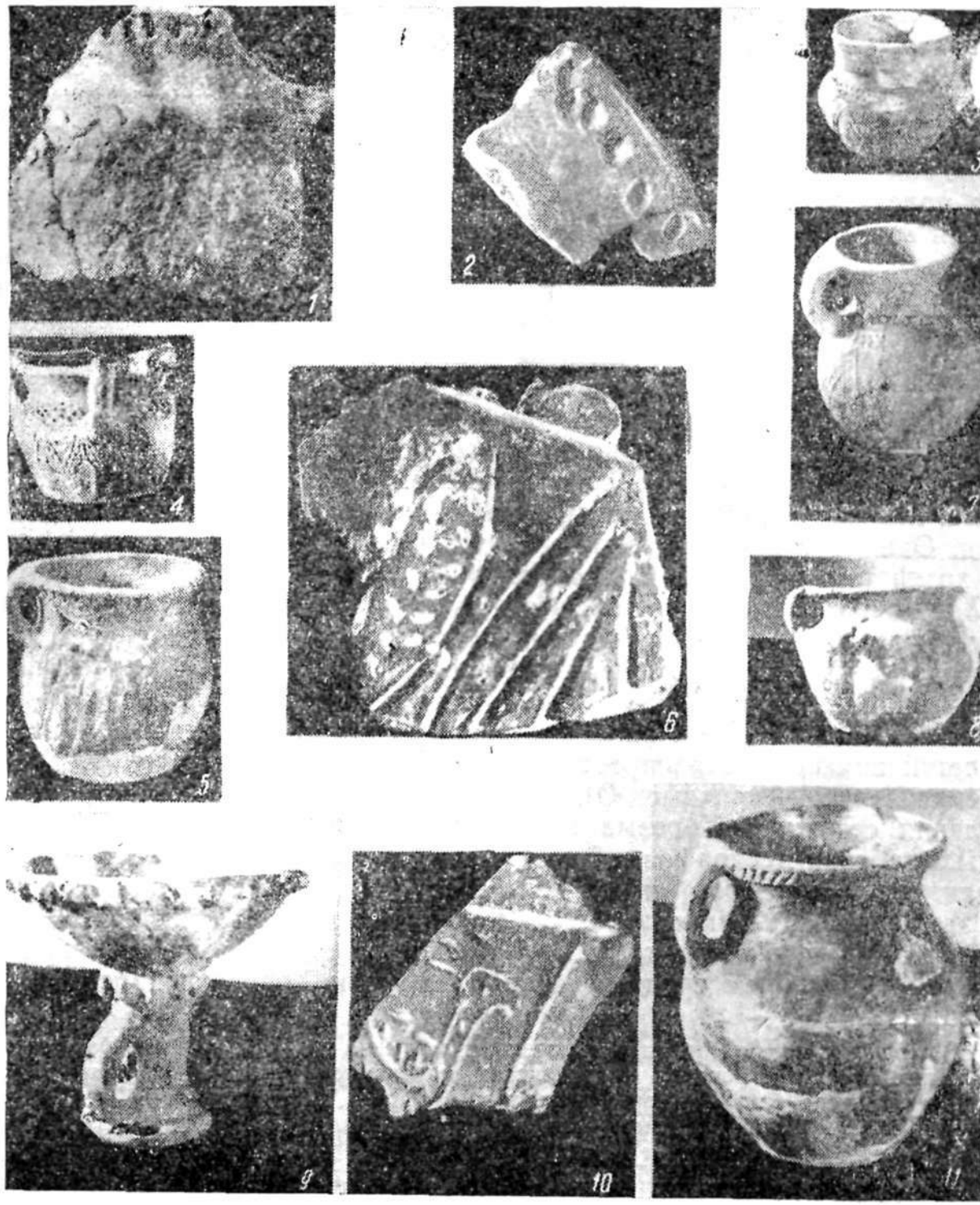

Рис. 20. Лепная керамика Кердера VII—VIII вв.

круге. Это не исключало большого распространения лепной посуды и в ряде случаев даже ее ремесленного производства[124], однако культур, в которых бы не применялся гончарный круг, нет. Интересный сравнительный материал по вопросу о методе формовки дает район нижней и средней Сыр-Дарьи, где широкое распространение гончарного круга сильно запаздывает. На Джеты-асарах в верхнем горизонте круговой керамики очень мало. На городищах средней Сыр-Дарьи лепка на подставке появляется в I — IV вв.[125] Гончарный круг начинает применяться в VI в., но широкое распространение получает только в VIII в.[126] Лепка лентами массовой керамики известна в этих районах вплоть до VII—VIII вв. Неминуемо возникает вопрос, почему в дельте Аму-Дарьи в столь позднее время не применялся гончарный круг (а это явление общее для всей культуры, которой принадлежит и поселение на Токтау), хотя местное население не только употребляло сделанную на нем посуду, но и, без сомнения, было знакомо с методом ее изготовления. Ответ на этот вопрос прежде всего надо искать в уровне и в особенностях социально-экономического развития всего района. Мы располагаем в этом отношении далеко не полными сведениями. Однако археологические материалы позволяют судить о характере хозяйства населения Ток-калы.

Хозяйство. Выше уже упоминалось о наличии земледелия у обитателей поселения и высказывалась мысль, что в условиях дельты оно не могло быть единственным и основным средством существования.

Очень большую роль в их хозяйстве, очевидно, играло рыболовство, так как культурные слои в жилищах состоят буквально из рыбьих костей и чешуи, а распространенной находкой является игла для плетения сетей — кочедыг. О большой роли рыболовства в жизни населения северного Хорезма просочились некоторые сведения и в труды арабских географов. Ибн-Русте пишет о местности Халиджан, локализуемой в северной части дельты[127]: «Там ловится рыба, которую вывозят в окрестные места»[128]; ал-Истахри сообщает о низовьях Аму-Дарьи: «Джейхун доходит до Хорезмского озера в месте, где живут рыбаки»[129]. В раннем средневековье в Иране и Хоросане хорезмийцев

---

[124] Например, на Актепе, где ремесленная керамика делится на круговую и лепную, лепные сосуды домашнего производства встречаются редко. А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), ТИИ АН УзССР, т. I, 1948, стр. 112. Такое же явление имеет место и в Самарканде на стадии Афрасиаб III (А. И. Тереножкин. Согд и Чач.., стр. 167).

[125] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ соч., стр. 158.

[126] Там же, стр. 201.

[127] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, Отдельный оттиск, СПб., 1914, стр. 83—84.

[128] МИТТ, т. I, стр. 150.

[129] Там же, стр. 179.

называли рыбоедами[130]. Определенную, но не ведущую роль в хозяйстве населения дельты играло и животноводство. При анализе остеологических материалов из раскопок установлен следующий состав стада[131]: крупный рогатый скот — 30%, мелкий рогатый скот — 40, свиньи — 15, лошади — 10, ослы — 5%.

Обнаружено значительное количество костей диких животных, составляющих 32% от общего числа животных, что, видимо, свидетельствует о довольно большом значении охоты в хозяйстве. Главным объектом ее был бухарский олень. Эти данные позволяют считать, что хозяйство имело комплексный характер и состояло из земледелия, рыболовства и скотоводства. Точно такое же хозяйство установлено и для обитателей Куюк-калы[132]. Этот тип хозяйства С. П. Толстов считает характерным для племен Приаралья еще с бронзового века[133].

Главной, пожалуй, даже единственной для этого района причиной возникновения и чрезвычайно длительного существования такого типа хозяйства являются природные условия заболоченной, густо заросшей дельты с постоянной сменой затопляемых и высыхающих участков. Этот тип хозяйства является чрезвычайно консервативным, так как способствует сохранению натурального хозяйства: распыляет силы общества, препятствует углублению разделения труда.

Ремёсла у населения дельты, безусловно, существовали. Об этом свидетельствуют находки железоплавильных печей на Куюк-кале, медеплавильных горнов на Ток-кале, наличие собственной монетной чеканки (об этом см. ниже), стандартизация большей части, хотя и лепной, керамики. Однако, как можно предполагать, внутренний обмен не был интенсивным и ремесло, в частности, гончарное, еще далеко не ушло от домашнего производства. Одного знания гончарного круга

---

[130] Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 65.

[131] Определение произведено в остеологической лаборатории Института археологии АН СССР под руководством В. И. Цалкина.

[132] Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 142.

[133] С. П. Толстов. Города гузов.., стр. 71. Такой комплексный тип хозяйства был характерен для живущих в дельте Аму-Дарьи аральских узбеков и каракалпаков до самого недавнего времени, что нашло широкое отражение в фольклоре. В преданиях каракалпаков неоднократно говорится о том, что в течение года в пищу употребляется три месяца дыня, три месяца молоко, три месяца тыква, три месяца рыба (см., напр., Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 64). Такой комплексный тип хозяйства сопровождался по этнографическим данным небольшими сезонными перекочевками: в летнее время часть молодежи уходила со скотом в места, где хороший выпас и животных не преследуют слепни. О том, что такие перекочевки имели место у населения дельты и в рассматриваемое время, говорит упоминавшаяся выше находка на крайних восточных ныне сухих дельтовых протоках стоянок этого времени.

оказалось мало для его распространения, так как у общества не было в этом внутренней экономической потребности[134].

При выявлении круга аналогий к находкам с раннесредневекового поселения Ток-калы сразу бросается в глаза очень тесная связь, в некоторых случаях вплоть до прямого совпадения, с материалом верхнего слоя Джеты-асар, дающая возможность говорить о близости, а возможно, и родстве этих культур. Если брать за основу для сравнения керамику (иного материала для веских выводов слишком мало), то из форм, имеющихся на Ток-кале, только совсем незначительное число (подставки под вертел, крышки с отогнутыми вверх краями) не находит себе близких аналогий на Джеты-асарах. Однако обратного сказать нельзя, так как джетыасарская культура несравненно более богата и многообразна.

Керамика Ток-калы оказывается очень близкой к части керамического материала с «болотных городищ» в дельте Сыр-Дарьи. Глубина и полнота этих аналогий не может быть сейчас выяснена в полной мере, так как раскопок на «болотных городищах» еще не производилось[135] и вся керамическая коллекция с них состоит из подъемного материала без полных форм сосудов. Прослеживаемые аналогии с наибольшей убедительностью проявляются в близости орнаментации на керамике[136].

Пожалуй, в такой же мере и таким же образом прослеживается и аналогия с керамикой средней Сыр-Дарьи.

И, наконец, ряд аналогий, может быть, их наименьшее число, четко устанавливается в материале Ташкентского оазиса, в частности в культуре Каунчи II.

---

[134] Интересно отметить, что на поселениях средней Сыр-Дарьи запаздывание широкого распространения гончарного круга (VIII—IX вв.) связывают именно с комплексным типом существовавшего здесь хозяйства. Усиление обмена с кочевой степью явилось своеобразным толчком к повсеместному появлению гончарного круга (Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ соч., стр. 201—202). Территориально далекое, но сходное явление имело место в X—XIV вв. в Прикамье, где хозяйство носило комплексный характер и состояло из скотоводства, земледелия, охоты, рыболовства и бортничества. Гончарство оставалось здесь на уровне примитивного домашнего производства, в то время как деревня и город на Руси и у болгар в X—XI вв. выделили гончаров-ремесленников, работавших на широкий рынок. И это при наличии железоделательного и медеплавильного ремесел и относительно интенсивного обмена с болгарами (М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв., МИА, № 22, М.—Л., 1951, стр. 55).

[135] Осенью 1963 г. Хорезмская экспедиция предприняла первые стационарные раскопки в этом районе.

[136] Керамика этого типа существует на «болотных городищах» по предварительным данным вплоть до середины I тысячелетия н. э. (С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 199, рис. 116, № 2).

Таким образом, четко очерчивается компактный район, к которому тяготеет материал с Ток-калы. При этом важно отметить, что Джеты-асары, «болотные городища», поселения средней Сыр-Дарьи и памятники культуры Каунчи II, не представляющие этнического единства, в то же время имеют много родственных черт. Это позволяет предполагать наличие некоторого, требующего еще большего изучения и выяснения культурного родства населения этого района. Чрезвычайно симптоматично то, что раннесредневековый материал Ток-калы, а следовательно, и всей правобережной дельты, очень тесно связанный с культурой афригидского Хорезма, к его античной культуре возведен быть не может. В то же время на всей территории по Сыр-Дарье, дающей интересующие нас аналогии, те черты, которые роднят материалы Ток-калы с этим районом, существуют несколько раньше, чем раннесредневековое поселение на Ток-кале.

Из этой суммы фактов, естественно, вытекает вывод о том, что на заре средневековья часть населения нижней Сыр-Дарьи, близко родственная племенам, жившим в то время на Джеты-асарах, и имевшая какие-то связи с носителями культуры «болотных городищ», переселилась в правобережную часть дельты Аму-Дарьи. Это переселение было, вероятно, облегчено в значительной мере тем, что в самом Хорезме уже сложились его прочные связи с районом Сыр-Дарьи[137]. Вопрос о времени и причинах этого переселения на материале одного памятника не может быть решен точно и окончательно и, прежде всего, потому, что начало жизни поселения на Ток-кале, видимо, относится к периоду несколько более позднему, чем само переселение. В дальнейшем изложении будет подробно показано, что прекращение жизни на Ток-кале ни в коем случае не может быть датировано позднее середины VIII в. Стратиграфия поселения на раскопе II, где нет серьезных перестроек и ремонтов, указывает на сравнительную недолговременность существования вскрытых на нем жилищ. Учитывая, что в условиях увлажненной дельты сырцовые строения живут относительно недолго, следует считать, что без серьезных перестроек они могли существовать не более ста лет. Допуская мысль, что раскопом II вскрыты не самые ранние строения поселения, что в общем маловероятно, так как они примыкают к его стене, можно предположить, что поселение просуществовало максимум полтора столетия. Таким образом, его возникновение должно быть отнесено самое раннее к началу VII в. Комплекс афригидской керамики с поселения характерен для VII—VIII вв., что подтверждает эту датировку. Ранее Ток-калы возникла Куюк-кала. Начало жизни на ней датируют

---

[137] С. П. Толстов. По древним дельтам.., стр. 200.

концом VI в.[138] или даже V в.[139] Для окончательного суждения ее нижний слой вскрыт еще недостаточно.

Видимо, только дальнейшее накопление материала по памятникам дельты позволит решить этот вопрос более определенно. До тех же пор, пока появление описываемой культуры в дельте Аму-Дарьи, датируется в пределе двух веков, чрезвычайно затруднительно определить, с какими конкретными событиями политической истории могло быть связано переселение в дельту Аму-Дарьи части населения района нижней Сыр-Дарьи. Если принять датировку Куюк-калы с конца VI в., то можно предположить, что это переселение было связано с какими-то крупными перемещениями племен в Приаралье под давлением тюрок во второй половине VI в. в связи с распадом государства эфталитов.

При сравнительном анализе керамики Ток-калы с керамикой Джеты-асар и «болотных городищ» ясно видно, что не весь материал с этих памятников, а только его определенная группа дает интересующие нас аналогии. На раскапывавшихся городищах группы Джеты-асар такой материал известен в основном в верхних слоях и часто не связан с более ранним материалом этих памятников[140].

С. П. Толстов и Н. А. Бернштам, уделившие большое внимание изучению нижней и средней Сыр-Дарьи, разными путями пришли к сходному выводу о том, что население этих мест, восходящее своими корнями к древним массагетам и сармато-аланским племенам, испытало в половине 1 тысячелетия нашей эры очень большое влияние со стороны племен тюрко-монгольского круга, прежде всего гуннов[141]. Наиболее ярко это отразилось в керамике, в которой С. П. Толстову по материалам «болотных городищ» удалось выделить не очень многочисленную, но чрезвычайно специфическую группу, отличающуюся растительным криволинейным орнаментом. Он считает, что в «целом орнаментальный стиль этой группы ведет нас в древний и, особенно, раннесредневековый этнографический мир тюркских кочевников Монголии, Южной Сибири, среднеазиатских и восточно-европейских степей

---

[138] Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г..., стр. 142.

[139] С. П. Толстов. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., МХЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 34. В керамике Куюк-калы имеется ряд форм (чернолощеный кувшин с рифленым горлом, подставки под вертел в виде низкой стенки), стоящих еще ближе к материалу Джеты-асар и отсутствующих на Ток-кале (Приношу мою благодарность В. Н. Ягодину, разрешившему мне ознакомиться с материалами его раскопок Куюк-калы).

[140] Безусловно, возникает вопрос о том, в каком взаимоотношении находится верхний горизонт Джеты-асар с более нижними и какова его узкая датировка. Вероятно, только специальное исследование керамики этих памятников позволит решить эту проблему, выходящую за рамки настоящего исследования.

[141] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 248; Он же. По следам.., стр. 213; Н. А. Бернштам. Очерк истории гуннов, Л., 1951, стр. 113, 114.

в область орнамента, складывающегося во взаимодействии с китайской художественной культурой ханьской эпохи»[142].

Сходную группу керамики при анализе материала поселений средней Сыр-Дарьи выделила и Е. И. Агеева[143]. Всех этих черт на керамике Ток-калы почти нет. Исключение представляют два-три черепка на всю весьма значительную массу материала. В керамике из верхних слоев Куюк-калы есть незначительное количество сосудов такого типа[144]. Это заставляет предположить, что население правобережной дельты Аму-Дарьи не имело тесных связей с той частью племен Восточного Приаралья, происхождение которой непосредственно связано с Центральной Азией[145].

Установление этого факта позволяет затронуть вопрос об этнической принадлежности племен, переселившихся в дельту Аму-Дарьи. На настоящем уровне знаний об этнической истории Восточного Приаралья приходится исходить из существующего определения носителей джетыасарской культуры в целом, так как вряд ли можно дать более конкретное этническое определение. С. П. Толстов считает, что население Джеты-асар в V—VI вв. в результате сложных этнических процессов вошло в качестве одного из компонентов в состав эфталитов[146]. Той же точки зрения придерживался и А. Н. Бернштам, связывавший с эфталитами и «болотные городища»[147] и считавший, что средняя и нижняя Сыр-Дарья были одним из центров эфталитского государства[148]. Относя перемещение населения в дельту Аму-Дарьи к V—VI вв., следует считать, что переселившиеся племена имели связь с эфталитской этнокультурной средой на Сыр-Дарье[149].

Установление тесной связи населения правобережной части дельты Аму-Дарьи с племенами низовий Сыр-Дарьи, в частности с носителями джетыасарской культуры, позволяет затронуть на керамическом материале Ток-калы вопрос о его западных связях и аналогиях, установленных для Джеты-асар С. П. Толстовым. Имеется в виду чернолощеная посуда с прочерченным линейно-геометрическим орнаментом,

---

[142] С. П. Толстов. Города гузов.., стр. 69.

[143] Е. И. Агеева. Керамика Отрара.., стр. 108.

[144] Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 134; стр. 135, рис. 6, № 15.

[145] Интересно, что упоминавшегося выше криволинейного растительного орнамента, ведущего свое происхождение с Востока, на раскапывавшихся городищах Джеты-асар не найдено. Переселенцев же в дельту Аму-Дарьи мы связываем в первую очередь с населением, родственным джетыасарскому.

[146] С. П. Толстов. По древним дельтам.., стр. 196.

[147] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов.., стр. 114.

[148] Там же, стр. 19.

[149] Вопрос о дальнейших этнических процессах в дельте Аму-Дарьи будет изложен ниже.

заполненным белой пастой, с вертикальным рифлением и налепными шишечками в кобанской культуре Северного Кавказа[150]; лепная керамика с орнаментацией части горшков по венчику налепами в виде конических шишечек и волнистых полосок Неаполя Скифского и других скифских городищ Крыма[151]; лепная керамика Боспора[152], связанная с местными предскифскими племенами; керамика тавров горного Крыма[153]. Особая специфика этого вопроса заключается в том, что данные аналогии столь различны по времени и месту и уходят в такую глубокую древность, что не позволяют говорить по отношению к керамике Ток-калы об аналогиях в обычном смысле. Возможно, что здесь налицо отражение лишь сходного этапа в развитии приемов украшения керамики. С другой стороны, не исключено, что в этом отражены какие-то связи, пока еще очень смутные и не изученные специально. Мысль эта уже была высказана в литературе[154]. Анализ керамики и архитектуры Джеты-асар позволил С. П. Толстову поставить вопрос о фрако-киммерийских связях этой культуры[155]. Им была составлена интересная сравнительная таблица керамики Джеты-асар и тавро-киммерийцев горного Крыма[156]. Мы не можем на материале Ток-калы решать вопрос о характере этих связей или даже добавить что-либо важное к фактическому материалу по этой чрезвычайно сложной проблеме. Для анализа керамики Ток-калы интерес представляет совсем другой момент, а именно то, что все типы джетыасарской керамики, представленной в названной сравнительной таблице, находят себе полные аналогии в материале с Ток-калы. Точно такое же полное повторение в керамике Ток-калы имеют и те черты, которые указывают на связи джетыасарской культуры с сарматами Поволжья. Это, прежде всего, налепной орнамент в виде волнистых полосок, изображающих, возможно, бараньи рога, и

---

[150] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М., Изд-во АН СССР, 1960, табл. XVI, XVII, XVIII.

[151] О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма, МИА, № 64, М., 1958.

[152] Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки, МИА, № 25, 1952.

[153] О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения Кизил-Кобинской культуры, КСИИМК XXXIX, 1951, стр. 113, рис. 33, № 2, 4е; стр. 116, рис. 34, № 1а, б, в, г.

[154] Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 288; Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии, СЭ, сб. 6—7, 1947, стр. 143; На культурную общность юго-востока европейской части СССР в киммерийское время (начало I тысячелетия до н. э.) указывал Е. И. Крупнов (Киммерийцы на Северном Кавказе, МИА, № 68, М.—Л., 1958, стр. 186).

[155] С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1945—1948 гг..., стр. 22, 23, 28.

[156] Там же, стр. 24, рис. 13.

налепных конических шишечек-выступов[157]. По отношению к раннесредневековой Ток-кале приведенные факты представляют интерес с точки зрения очень большой устойчивости этой традиции, истинные корни которой пока еще неясны.

НЕКРОПОЛЬ

За стенами раннесредневекового поселения на северо-восточном и восточном склонах холма Токтау находится большой оссуарный могильник, синхронный описанному поселению. Его возможная максимальная площадь 4 га (рис. 1). Он состоит из наусов, в которые ставили оссуарии с очищенными по зороастрийскому обряду костями. Расположение кладбища с наусами за стенами поселения полностью совпадает с таким же расположением могильников в Пайкенде, Пенджикенте и на Кафыр-кале. На большей части некрополя наличие наусов на поверхности не прослеживается, так как могильник двухслойный и все сооружения первого периода перекрыты более поздними захоронениями в грунтовых ямах[158]. Оссуарии и кладки наусов на поверхности были обнаружены только в местах сильного смыва, на крутом склоне холма, где был заложен раскоп IV (площадь 178 $м^2$), и на восточном склоне, где заложили раскоп V (площадь его около 60 $м^2$). Основные данные о могильнике получены на раскопе IV, а раскоп V имел вспомогательное, контрольное назначение.

Раскопом V вскрыт один наус (рис. 21). Это небольшое наземное сооружение, размером примерно 4×5 *м*, имеющее вид прямоугольной камеры с глухими сырцовыми стенами. Снаружи стены имеют небольшой откос, внутри их плоскости вертикальны. Размер камеры 2,5×2,5 *м*. Толщина южной стены 2,3 *м*, а остальных стен —1,1 *м*. Размер кирпича в кладке науса —30×30×7(8) *см*. Поверхность, на которой поставлен наус, представляет собой тонкую прослойку на материке, содержащую золу, древесные угли, черноватый перегной и обломки керамики. Она же является и полом науса. Керамика такая же, как на синхронном поселении: фрагменты афригидских водоносных кувшинов и обломки лепной посуды описанного выше типа. Возле юго-восточного угла науса на жилой поверхности обнаружена сливная яма, сделанная из поставленных друг на друга двух водоносных кувшинов. Все это свидетельствует о том, что здесь первоначально находилось жилище, позднее заброшенное и перекрытое некрополем. Культурный слой и перекрывающий его наус относятся к одному периоду жизни памятника. В южной части науса находился кирпично-глинистый за-

---

[157] С. П. Толстов. По древним дельтам.., стр. 192.

[158] Описываются в разделе, посвященном памятникам IX—XI вв.

вал, а остальная его часть была заполнена навеянным песком с натеками. Никаких следов перекрытия не обнаружено. В камере оссуариев найдено не было, но их обломки в изобилии валялись вокруг. В углах камеры, юго-западном и юго-восточном, находились примитивные загородки из комьев глины и обломков кирпича, положенных без раствора. Одна загородка в юго-западном углу была пуста, в другой находились три человеческих черепа и длинные кости конечностей[159]. Возле этой загородки в ямке на стене науса лежала часть керамического оссуария прямоугольной формы, со скругленными углами, без ножек, обмазанного алебастром. В нем находились кости собаки[160]. Возле науса, с северной его стороны, в материк были вкопаны два лепных бытовых горшка с детскими захоронениями. Наус перекрыт захоронениями верхнего горизонта.

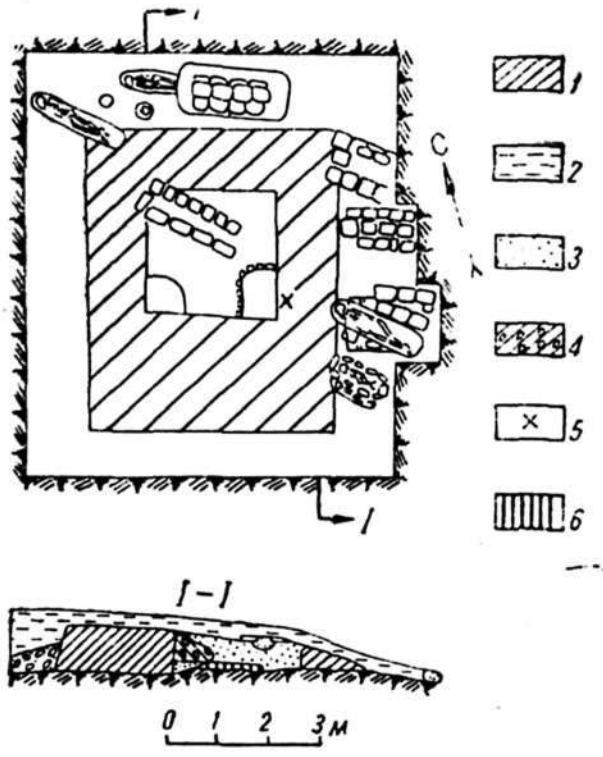

Рис.21. Раскоп V. План и разрез.

1 — кирпичные стены науса; *2* — песчано-глинистый натечно-навеянный слой; *3* — песок; *4* — комки глины и обломки кирпичей; *5* — место находки оссуария с костями собаки; *6* — культурный слой.

На *раскопе IV* были полностью вскрыты два науса — № 1 и № 2 (рис. 22). Кроме того, на крутом склоне к руслу, ниже раскопа IV, при благоприятном освещении прослеживаются контуры еще трех почти полностью смытых наусов.

Наус № 1, построенный из сырцового кирпича, размером 30 × 30 × 8 (7) *см*, сохранился сейчас максимально на высоту 1 *м*[161]. Его размеры 4 × 4 *м*, внутри находится небольшая камера, кирпичный

---

[159] Известны захоронения очищенных костей не в оссуариях, а в виде аккуратной кучки, прикрытой кирпичом или стенкой хума — на некрополе. Сарыга (Чуйская долина, МИА, № 14, стр. 30) или в небольших сырцовых склепиках (Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза, КСИИМК, вып. 69, стр. 109—110). В обоих случаях эти захоронения датированы IX—X вв.

[160] Анализ костей животных с оссуарного могильника дает почти исключительно кости собаки. Определение выполнено в остеологической лаборатории Института археологии АН СССР под руководством Б. И. Цалкина.

[161] Сильное разрушение науса захоронениями верхнего слоя и смывом не позволило сразу дать точную реконструкцию этого науса (А. В. Гудкова. Раскопки городища Ток-калы в 1960—1961 гг.). Окончательно его устройство как полуподземного сооружения было выяснено только после полного вскрытия науса № 2 в 1962 г.

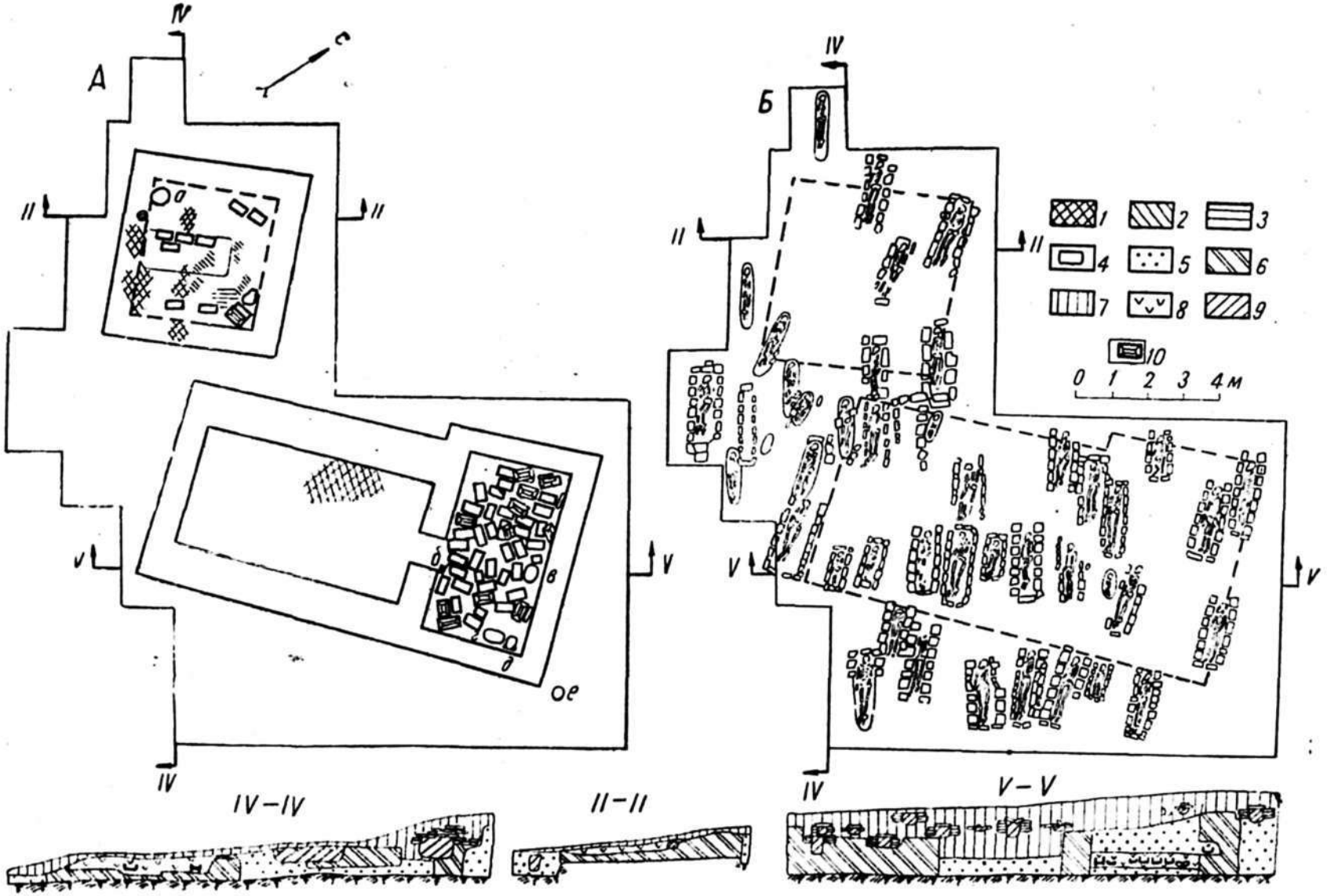

Рис. 22. Раскоп IV. Планы и разрезы.

А — план по уровню наусов; Б — план по уровню цист. а — хум; б — крышка керамического оссуария; в — керамический оссуарий; г — каменный оссуарий; д — детское захоронение в горшке;
1 **— скопление фрагментов алебастровых оссуариев;** *2* **— скопление фрагментов черепов;** *3* **— разбитые хумы;** *4* **— алебастровые оссуарии;** *5* **— песок;** *6* **— кирпичная кладка наусов;** *7* **— глинистый перекопанный слой, уровня цист;** *8* **— песчано-глинистый слой, насыщенный обломками оссуариев и костей;** *9* **— натечное глинистое заполнение цист;** *10* **— крышки алебастровых оссуариев.**

пол которой составляет единое целое со всей постройкой. Вдоль трех стен камеры идет суфа высотой в 20 *см*. На ней в специальных ячейках стояли три алебастровых оссуария и был врублен обычный афригидский хум, в котором находились череп и несколько длинных костей. Обломки более чем десяти алебастровых оссуариев были разбросаны по всей камере. О заполнении камеры говорить не приходится, так как она смыта до поверхности суф. Сверху наус был перекрыт тонким слоем натеков с большим содержанием алебастровой крошки и мелких обломков костей. Все оссуарии, за исключением двух, очень сильно разрушены и перемыты. Сохранились в основном их ножки и днища.

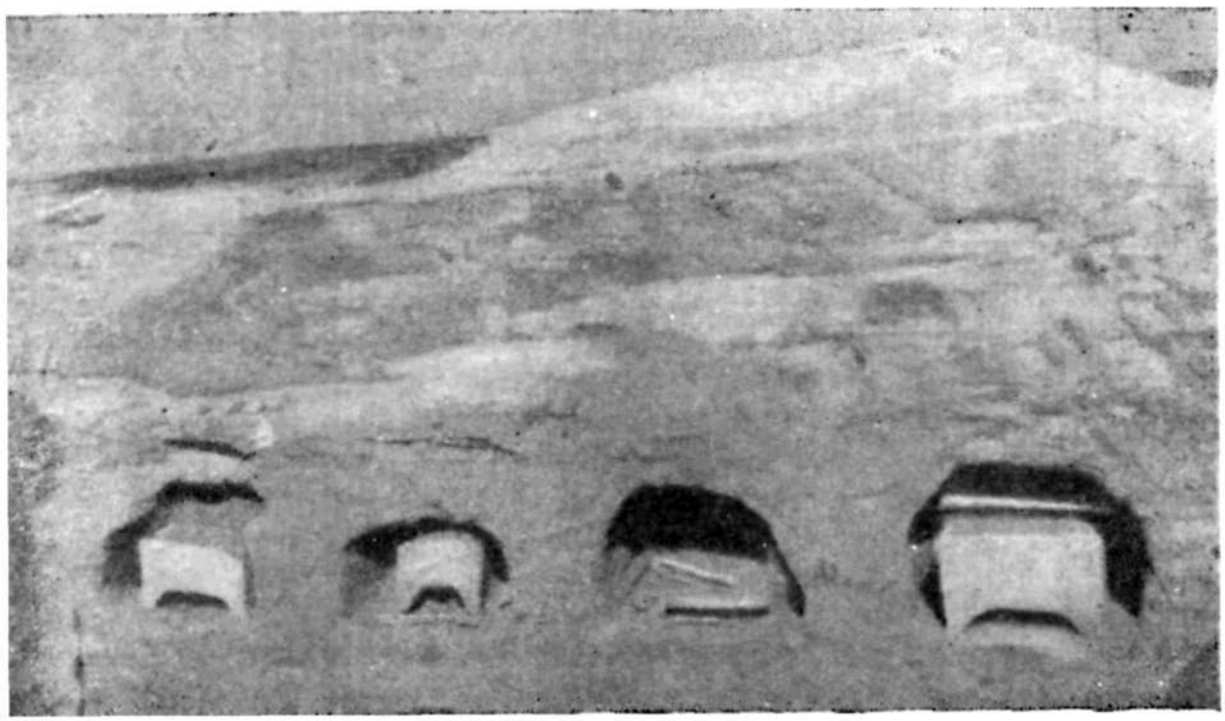

Рис. 23. Оссуарии в стенных нишах малой камеры науса № 2.

Наус № 2 сохранился значительно лучше. Он представляет собой полуподземное двухкамерное строение, размером 11×6 *м*. Для его сооружения в грунте холма был выкопан котлован глубиной около двух метров. Стены науса были выложены из сырца (40 × 40 × 10 *см*) вплотную к обрезам котлована. Никаких следов проходов в стенах нет; вероятно, он находился в верхней части науса, конструкция которой неизвестна. Наус состоит из двух смежных камер, большой (3 × 6 *м*) и малой (2,7×4,8 *м*), соединенных проходом. В стенах малой камеры для оссуариев специально устроено десясь ниш (рис. 23). Трудно определить, были ли ниши в большой камере, так как ее стены сохранились на слишком малую высоту. Полом служил слой песка, насыпанный в

помещение на материке. Выше уровня песка стены были покрыты саманной штукатуркой. Вызывает интерес полуподземная конструкция наусов, связанная, возможно, с какими-то местными специфическими чертами зороастрийских представлений. Не исключено, что поздним отголоском этой местной традиции является уникальная по своей конструкции полуподземная усыпальница Мазлумхан-сулу[162].

В большой камере на полу найдены разбитый алебастровый оссуарий и разбросанные кости. Возле юго-восточной стены имелось сильно прокаленное пятно — след длительного горения огня. В малой камере найдено более полусотни таких же оссуариев, кроме того, два керамических и один каменный и детское захоронение в горшке. Камера была сплошь завалена битыми оссуариями, их крышками, черепами, отдельными человеческими костями. После того как верхний слой обломков был снят, стало видно, что весь пол камеры тоже заставлен целыми оссуариями. Часть крышек на них разбита и сдвинута, многие перевернуты, и в них находились черепа и кости так, как они обычно лежат в оссуариях. Крышка с костями и черепом заменяла в одной из ниш оссуарий (рис. 23). Верхние части некоторых оссуариев и их крышки были разбиты большими, вдавившимися в них камнями. От некоторых оссуариев найдены только небольшие обломки, а остальные их части отсутствовали. Крышки керамических оссуариев находились не на своих местах, и одна была разбита, а крышка каменного, весящая не менее 15 *кг*, была брошена поверх оссуариев. Расположение оссуариев в камере имеет весьма хаотичный вид (рис. 24). Создается впечатление, что первоначально в северной части камеры оссуарии ставили более или менее по порядку, а потом уже наспех, как попало. Очевидно, оссуарии здесь прятали, а прекращение использования науса произошло внезапно и сопровождалось его осквернением. Но вскоре следы учиненного разгрома были ликвидированы, может быть, теми, кто хоронил своих умерших на этом кладбище: разбитые оссуарии засыпаны слоем чистого песка. Внезапная гибель могильника совпадает с данными о поспешном бегстве жителей поселения. Собранный в наусах керамический материал идентичен керамике поселения. Часть кирпича для строительства была, судя по размерам, взята с античного городища.

Два керамических оссуария имеют вид прямоугольных ящиков со скругленными углами, один с четырьмя ножками (рис. 25, *3*), другой без ножек (рис. 25, *6*). Крышки у них в форме конуса с грибовидной или шаровидной ручкой. В крышке оссуария без ножек на двух противоположных углах сделаны углубления. Обычно таких углублений бы-

[162] Подземная погребальная камера IV—V вв. н. э., связанная с оссуарными захоронениями, известна в Ташкентской области. Т. Агзамходжаев. Погребения IV—V вв. н. э. в Катартале, Научные работы и сообщения АН УзССР, отделение общественных наук, кн. 3, Ташкент, 1961.

вает четыре — по одному на каждом углу. В них вставляли палочки, поддерживающие небольшой балдахин[163]. Два углубления встречаются впервые. Примечателен оссуарий с ножками, на лицевой стороне ящика и крышки которого по покрывающему его зеленоватому ангобу нанесена роспись темной краской в виде П-образной фигуры[164] (рис. 25, *3*).

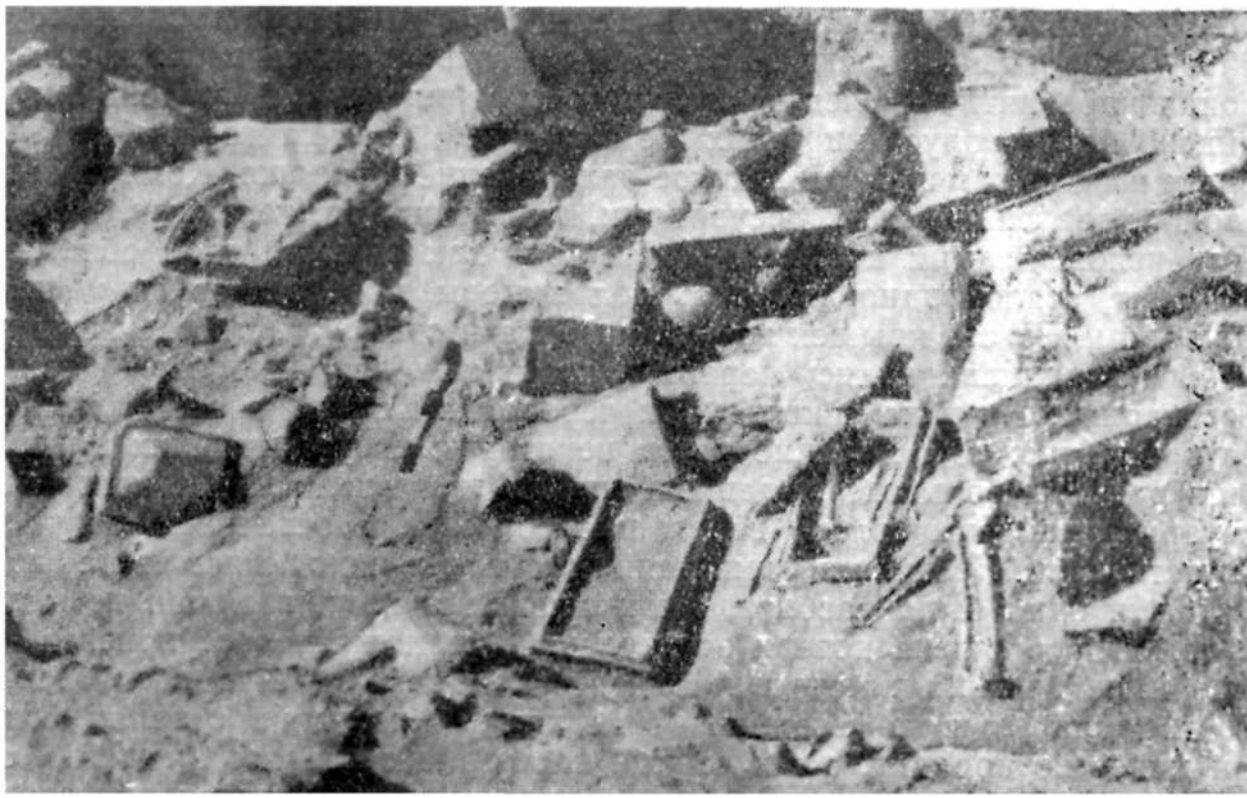

Рис. 24. Западная часть малой камеры науса № 2. Первый этап расчистки, вид с северо-востока.

Посредине этого изображения на ящике и на крышке прочерчено по кольцу. Кольца соединены прямой линией. Невольно возникает мысль, что это условное изображение запора[165]. Оба оссуария сделаны из такого же грубого теста, какое применялось для изготовления афригидских хумов. Керамические оссуарии этого типа известны на Топракале, где они датируются VI—VII вв.[166]. Каменный оссуарий и его

---

[163] Ю. А. Рапопорт. Об изображении на бартымском блюде, найденном в 1951 г., СА, 1962, № 2, стр. 55, рис. 4.

[164] Возможно, эта роспись очень условно передает мотив входа или портала. Как увидим ниже, такие изображения на оссуариях встречаются.

[165] Как будто такой же знак изображен черной краской на одной плохо сохранившейся крышке алебастрового оссуария (табл. XV, № 2, вторая часть).

[166] С. П. Толстов. Древний Хорезм., стр. 149, рис. 87.

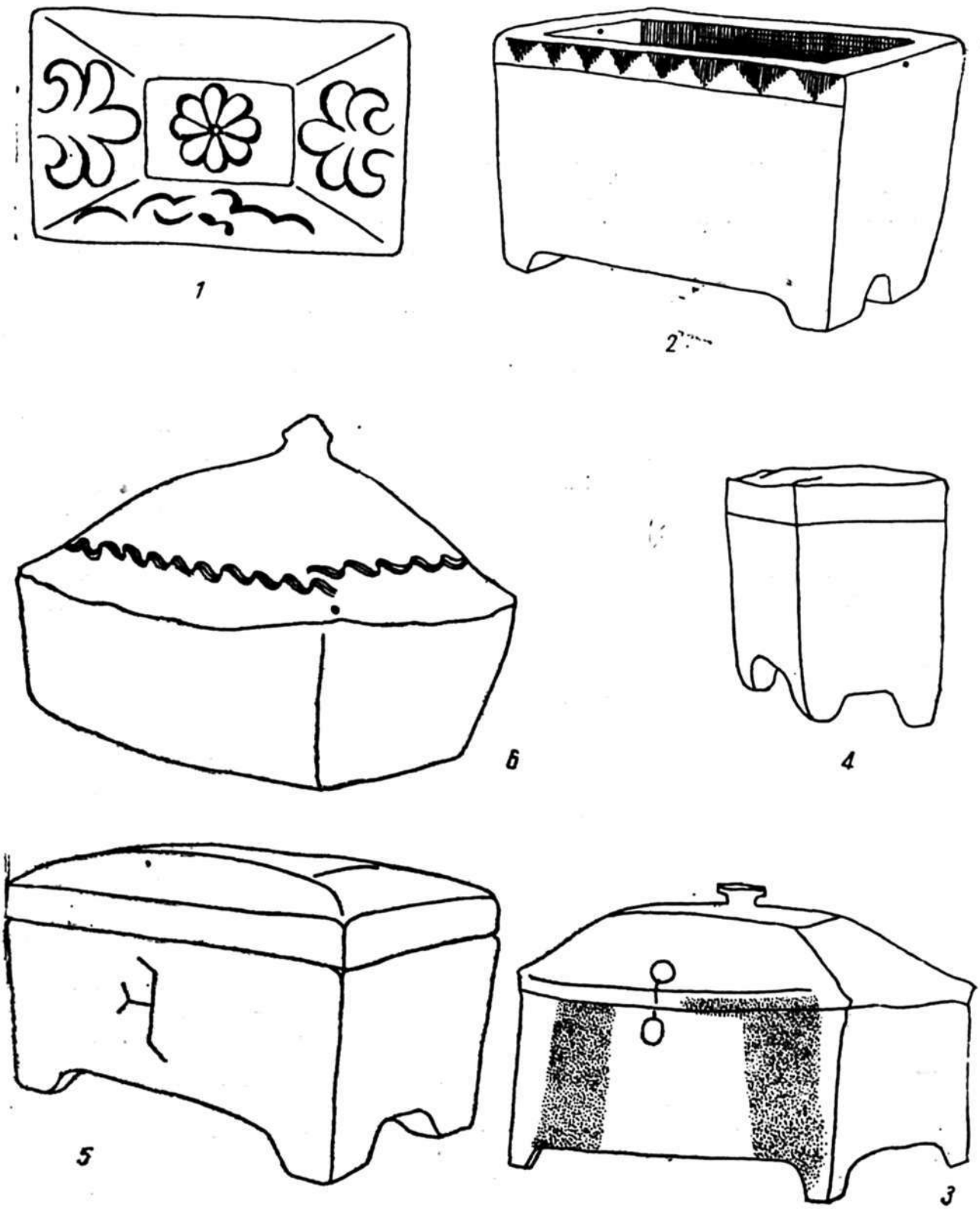

Рис. 25. Оссуарии с раскопа IV.

1 — крышка каменного оссуария; *2* — каменный оссуарий; *3, 6* — керамические оссуарии; *4* — детский алебастровый оссуарий; *5* — алебастровый оссуарий с прочерченным знаком.

крышка высечены из целых глыб песчаника[167] (рис. 25, *1,2*). По форме он близок к обычным алебастровым оссуариям афригидского времени. На боковых стенках оссуария и крышки с каждой стороны сделаны круглые сквозные отверстия. Вероятно, через них пропускались какие-то скрепки, препятствовавшие смещению крышки[168]. На крышке в центре вырезана восьмилепестковая розетка, а на трех скатах — пальметты из округлых листьев. Оба изображения тождественны фигурам на лепном фризе из Тешик-калы[169]. На лицевой стороне оссуария по верхнему краю идет бордюр из треугольников.

В каменном оссуарии похоронен мужчина лет тридцати. Анализ костей позволил установить, что у него был перелом в локтевом суставе, приведший к срастанию последнего и полному окостению локтевой мышцы, и перелом бедренной кости, осложненный остеомиэлитом[170]. Необычный вид оссуария наводит на мысль, что человек, погребенный в нем, чем-то выделялся по своему положению среди соплеменников.

Алебастровые оссуарии имеют форму прямоугольного ящичка на ножках с четырехскатной, уплощенной сверху крышкой (рис. 25, *5*). Их средние размеры: высота и ширина по 28 *см*, длина 45 *см*, высота с крышкой 42 *см*. Размеры точно не выдерживаются. Найдены четыре крошечных детских оссуария (рис. 25, *4*). Находившиеся в них кости действительно принадлежали маленьким детям[171]. Алебастровые оссуарии существовали в Хорезме только в афригидский период. Кроме того, они известны в дельте Аму-Дарьи на большом могильнике Куюк-калы[172].

Отпечатки, сохранившиеся на оссуариях, позволяют частично восстановить процесс их изготовления. Они отличаются друг от друга качеством алебастра и выделки. Основным способом изготовления оссуариев была отливка их целиком или по частям в форме. При отливке целиком употреблялась двойная форма, поставленная во время изготов-

---

[167] До сих пор каменные оссуарии в Хорезме были известны только на городище Калалы-гыр 1, где они найдены дважды — С. А. Вязигиным и Хорезмской экспедицией. Они имели вид прямоугольных ящиков, некоторые на четырех ножках (С. А. Вязигин. Оссуарии с городища Калалы-гыр 1 Ташаузской области ТуркмССР, ВДИ, 1948, № 3, стр. 150—155; С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949—1953 гг..., стр. 154).

[168] Подобные отверстия для закрепления крышек известны на керамических и алебастровых оссуариях (Ю. А. Рапопорт. Об изображении на бартымском блюде, найденном в 1951 г., СА, 1962, № 2, стр. 54, рис. 3, а; стр. 55, рис. 4).

[169] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., табл. 41.

[170] Определение выполнено проф. Д. Г. Рохланом.

[171] Находка детского керамического оссуария известна в долине Ангрена (М. Е. Массон. Ахангеран, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953, стр. 29). В большинстве же случаев детей хоронили в крупных горшках, что имеет место и на Ток-кале.

[172] Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г...

ления таким образом, что оссуарий оказывался ножками кверху. Форма могла быть деревянной, но чаще из досок делали только внешние углы, в результате чего получались четкие грани. Отпечатки досок хорошо видны на стенках снаружи. Остальная часть формы была, вероятно, глиняной. При таком изготовлении дно и ножки снизу неминуемо получались очень неровными; иногда их заглаживали рукой и подправляли ножом. В других случаях в форме отливали отдельные части, которые соединяли друг с другом. Стенки крупных оссуариев иногда делали в несколько приемов, накладывая алебастр слоями, что хорошо видно при расслаивании стенки вдоль. Готовые оссуарии, особенно те, которые плохо удались, обмазывали снаружи дополнительным слоем алебастра. Ясно видны места с дефектами, подправленные уже после изготовления оссуария. Те части формы, к которым прилегали внутренние поверхности оссуария, часто осыпали песком. Крышки всегда отливали целиком в земляной форме с деревянной рамой по краю. При отливке крышка была обращена своей внешней выпуклой поверхностью вниз, а внутри ее заглаживали рукой. Четкость граней на крышке снаружи зависела от качества формы. Иногда уже после изготовления крышку снаружи немного подправляли и подрезали. Изготовлялись оссуарии всегда индивидуально. Нет двух экземпляров, похожих друг на друга. Это уже известно для керамических оссуариев Согда[173] и наводит на мысль, что их массового производства и продажи на базарах, как других ремесленных изделий, не существовало.

Во всех оссуариях, где кости не были потревожены, лежало по одному черепу. Только два представляли в этом отношении исключение: в одном было два черепа взрослых людей, а в другом — два взрослых и один детский. Специальный осмотр костей никаких сведений о способе их очистки от мягких покровов не дал.

На одной из длинных стенок и на крышках большинства найденных в малой камере оссуариев имеются *надписи,* выполненные черной краской[174]. Всего их 54. В приложении к настоящей работе публикуются 49 надписей. Остальные 5 сохранились плохо и воспроизвести их не удалось. Одни надписи довольно пространные, в несколько строк, другие состоят из одного слова. На дном из оссуариев одно и то же слово повторено трижды. Надписи сделаны различными почерками. На всех крышках и оссуариях, за исключением четырех, строки идут по вертикали с сохранением при этом обычного направления письма — справа налево. Писали, видимо, поставив оссуарий на торец. В некоторых случаях надпись наносили сразу и на крышку, и на оссуарий. Так как в

[173] Г. А. Пуганченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, ТИИА АН УзССР, т. 2, 1950, стр. 47.

[174] Один фрагмент с надписью найден в перекопанном грунте между наусами № 1 и № 2.

большинстве случаев крышки и корпусы оссуариев разрознены, то одна часть надписей представляет собой начала строк (на крышках), а другая — концы строк (на корпусах). Только в одном тексте нам удалось подобрать крышку к оссуарию (табл. XII). Этот оссуарий примечателен также тем, что на нем имеются две надписи, (правая приведена на табл. XIII, № 2), расположенные вертикально по краям лицевой стенки. Начало левой (от зрителя) надписи находилось на крышке. Правая часть крышки отбита. Большинство надписей сохранилось хорошо. С. П. Толстов, взявший на себя их прочтение, установил присутствие дат, самая ранняя из которых дает 605 г. По его мнению, даты даны в эре Шака, тогда в пересчете на наше летоисчисление получается 683 г.[175]. Это полностью соответствует датировке по археологическому материалу и монетам. Алфавит надписей является развитием древнехорезмийского алфавита документов из Топрак-калы (III—IV вв. н. э.) и очень близок к алфавиту надписей ряда серебряных чаш, происходящих из Хорезма[176] и найденных в Приуралье[177]. Этим же алфавитом выполнены и документы из Якке-Парсана[178].

Обнаружены *оссуарии с росписями*[179]. Более простые выполнены черной краской и могут сочетаться с надписями. Они состоят из двух изображений: одно — полумесяц концами вверх, другое — простой кружок с точкой в середине, вероятно солнце; иногда оба имеют пояс точек (лучи?) снаружи (рис. 26). Они расположены по верхнему краю лицевой стенки оссуария или на лицевой стороне крышки. Изредка попадаются и другие изображения: прямой крест, крест с загнутыми концами, очень условные фигурки животных (верблюд?). Были и какие-то более сложные композиции, но они слишком фрагментарны.

Вторая группа рисунков выполнена цветной или черной краской и представляет собой сюжетные или орнаментальные композиции, занимающие сплошь лицевую сторону оссуария и крышки, а иногда и их боковые поверхности. На задней стенке росписей не обнаружено. Это свидетельствует о том, что оссуарии ставили в ниши и вдоль стен. Из

---

[175] Советская Каракалпакия, 20 октября 1962 г.

[176] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 192—194.

[177] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи, СПб., 1904, табл. XVIII—XX и СХИУ, № 42—47, 286.

[178] С. П. Толстов. По древним дельтам.., стр. 257—258.

[179] Роспись на оссуариях — явление пока мало известное. В Хорезме найдено только два оссуария с росписью: на Куня-Уазе, сделанный из сырой глины и расписанный узором в красных и черных тонах (С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 218), и на некрополе Миздахкана (Гяур-кала) с погребальной процессией (В. Н. Ягодин. Новые материалы по истории религии Хорезма, СЭ, 1963, № 4, стр. 102).

найденных росписей надписями сопровождаются только изображения луны и солнца.

Оссуарий № 1 с крышкой (рис. 27). Роспись на крышке и корпусе представляет собой единую сцену, верхняя часть которой находится на крышке, а нижняя — на стенке оссуария. Сюжет росписи —

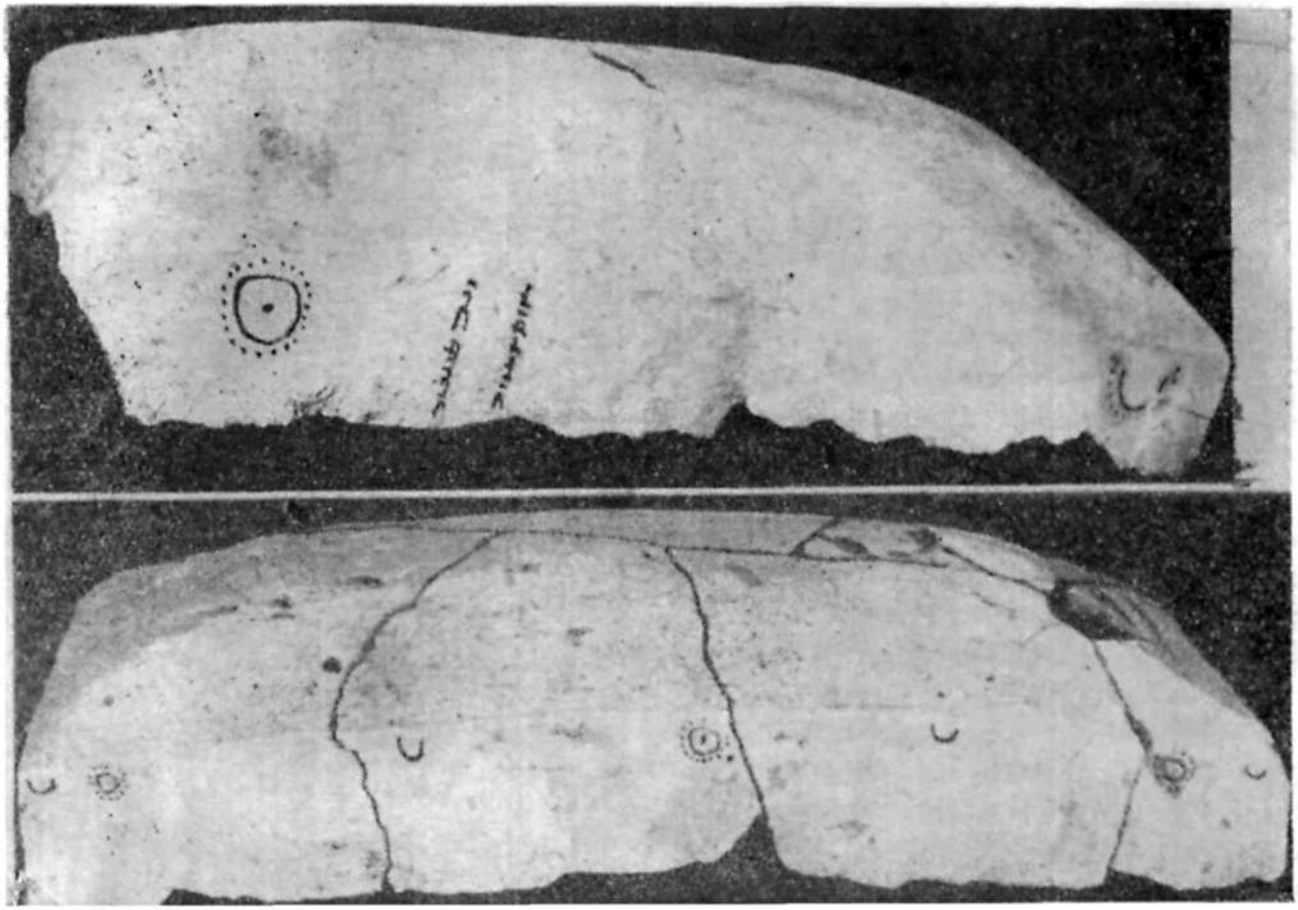

Рис. 26. Крышки оссуариев с изображениями символов луны и солнца.

оплакивание умершего. Покойник лежит в центре на ложе с изголовьем. Действие происходит на фоне архитектурного сооружения, переданного крайне схематично. Только одна его деталь специально и резко подчеркнута — это четырехугольный дверной проем позади умершего. От верхней части дверного проема в стороны отходят горизонтальные красные полосы, обозначающие, вероятно, верх здания. Над входом изображен символ — полумесяц с диском. На переднем плане находится очень стилизованный жертвенник или курильница. Возможно, с этим предметом связана коленопреклоненная поза персонажа, находящегося справа от него и протянувшего вперед руку. Снизу на ножках оссуария

вся сцена завершена орнаментальной полосой в виде треугольников. Оплакивающие с руками поднятыми к груди или голове для ритуального самоистязания стоят двумя группами в два ряда: женщины —

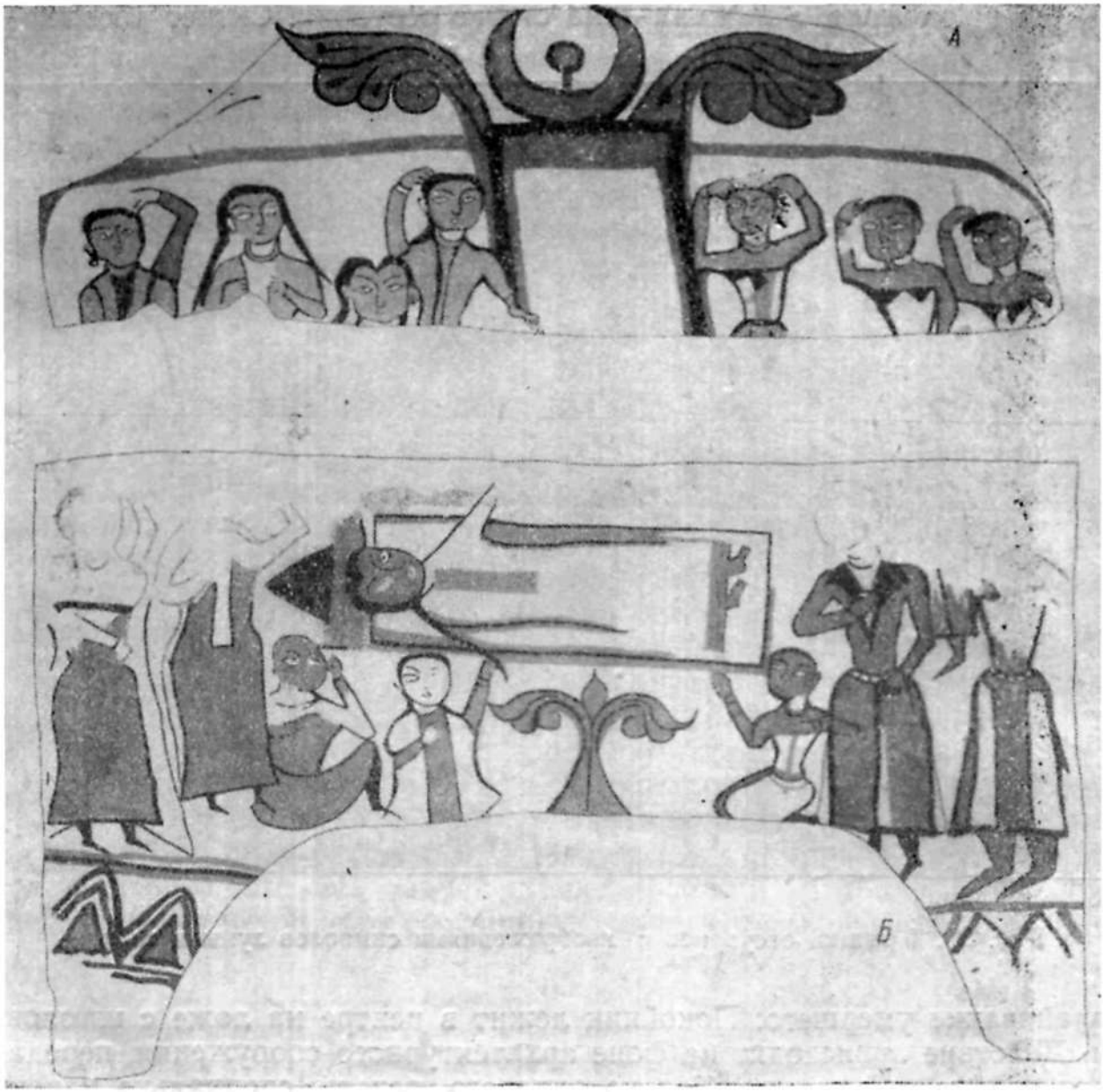

Рис. 27. Роспись на оссуарии:
А — крышка, Б — корпус.

слева, мужчины — справа от умершего, перед ним три фигуры сидят на земле. Женщины в первом ряду одеты в почти прямые красные платья с широким прямоугольным вырезом или вставкой на груди. Возможно, у них на плечах длинные накидки, но они плохо различимы. Оплаки-

ваемый, судя по такой же одежде (но белого цвета) и длинным косам,— женщина. Три женщины во втором ряду и поддерживающая косу умершей одеты в безрукавки. Их полы на груди не сходятся и видна нижняя рубаха с рукавами. Мужчины в первом ряду одеты в кафтаны с двусторонними отворотами. У них резко подчеркнута талия, перетянутая поясом, вероятно, наборным. Нижняя часть кафтана скомбинирована из ткани двух цветов. У мужчин во втором ряду и, возможно, у женщины, крайней слева, обнажены плечи и верхняя часть груди, надо полагать, специально для нанесения ритуальных ударов и ранений. Верхняя часть их костюма на груди обведена неровным черным контуром: это, вероятно, клочья разорванной одежды. Все действующие лица обуты в мягкие сапожки типа ичигов с острыми удлиненными носками. Из украшений видны браслеты, серьги и гривны.

На оссуарии № 2 тоже изображена сцена оплакивания (рис. 28). Очевидно, композиция переходила и на крышку, которая не сохранилась. Рисунок монохромный, исполненный черной краской. В деталях сцены на этом оссуарии есть некоторые отличия. Покойник, судя по одежде (кафтан),— мужчина, лежащий на таком же ложе, но без изголовья и обращенный головой в противоположную сторону. В верхней части оссуария позади умершего плохо различается какое-то изображение. Вряд ли это фигуры людей. Большая часть оплакивающих сидит, только четверо стоят. Все они наносят себе удары и, вероятно, рвут волосы в знак горя. В правом верхнем углу стоит на коленях человек, наклонившись вперед, в сторону умершего. Особое внимание обращает на себя персонаж, сидящий у изголовья покойника и одетый во все черное, поджав под себя одну ногу, а другую, согнутую в колене, поставив перед собой. Это типично женская поза, широко известная по статуэткам из Хорезма[180]. И по сей день в Средней Азии так обычно сидят женщины на полу или на земле. Обе руки описываемой фигуры подняты на уровень головы, длинные волосы распущены по плечам. Вероятно, это вдова умершего или профессиональная плакальщица. Типы одежды здесь те же, что и на первой росписи. В нижней части оссуария, на ножках и у дна, рисунок обведен по краю черной полосой.

Оссуарий № 3 расписан с трех сторон (рис. 29). Роспись монохромная, выполненная черной краской. На лицевой стороне изображена сцена оплакивания, сходная в общих чертах с описанными. Умершая лежит на спине, голова ее повернута влево. Видны длинные черные распущенные волосы, контур одежды похож на женское платье или рубаху. В ногах и у изголовья умершей изображены сидящими два персонажа, одетые в черное. Левое изображение сохранилось лучше. Ясно

[180] С. П. Толстов. Древний Хорезм., табл. 76, верхний ряд.

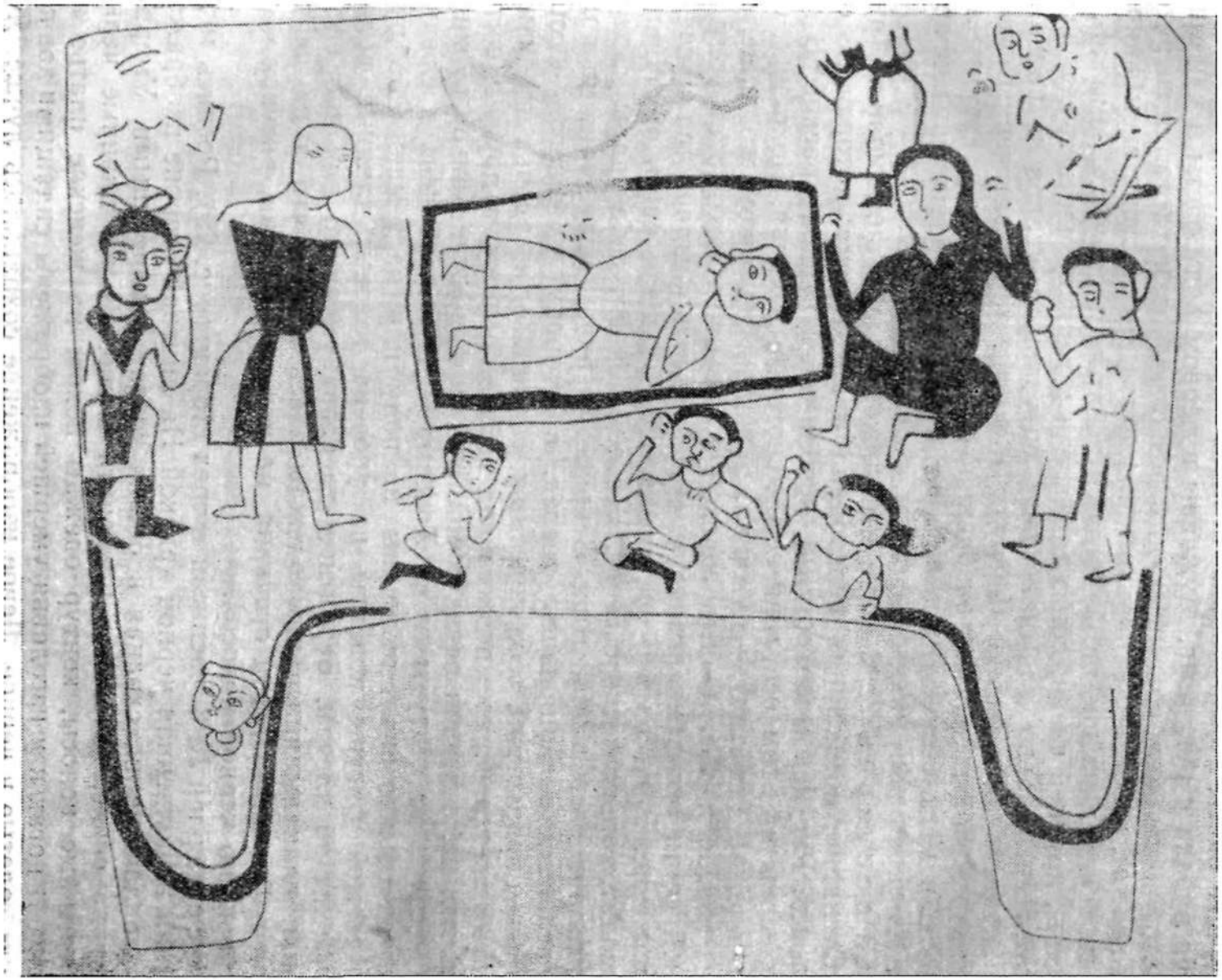

Рис. 28. Роспись на лицевой стороне оссуария.

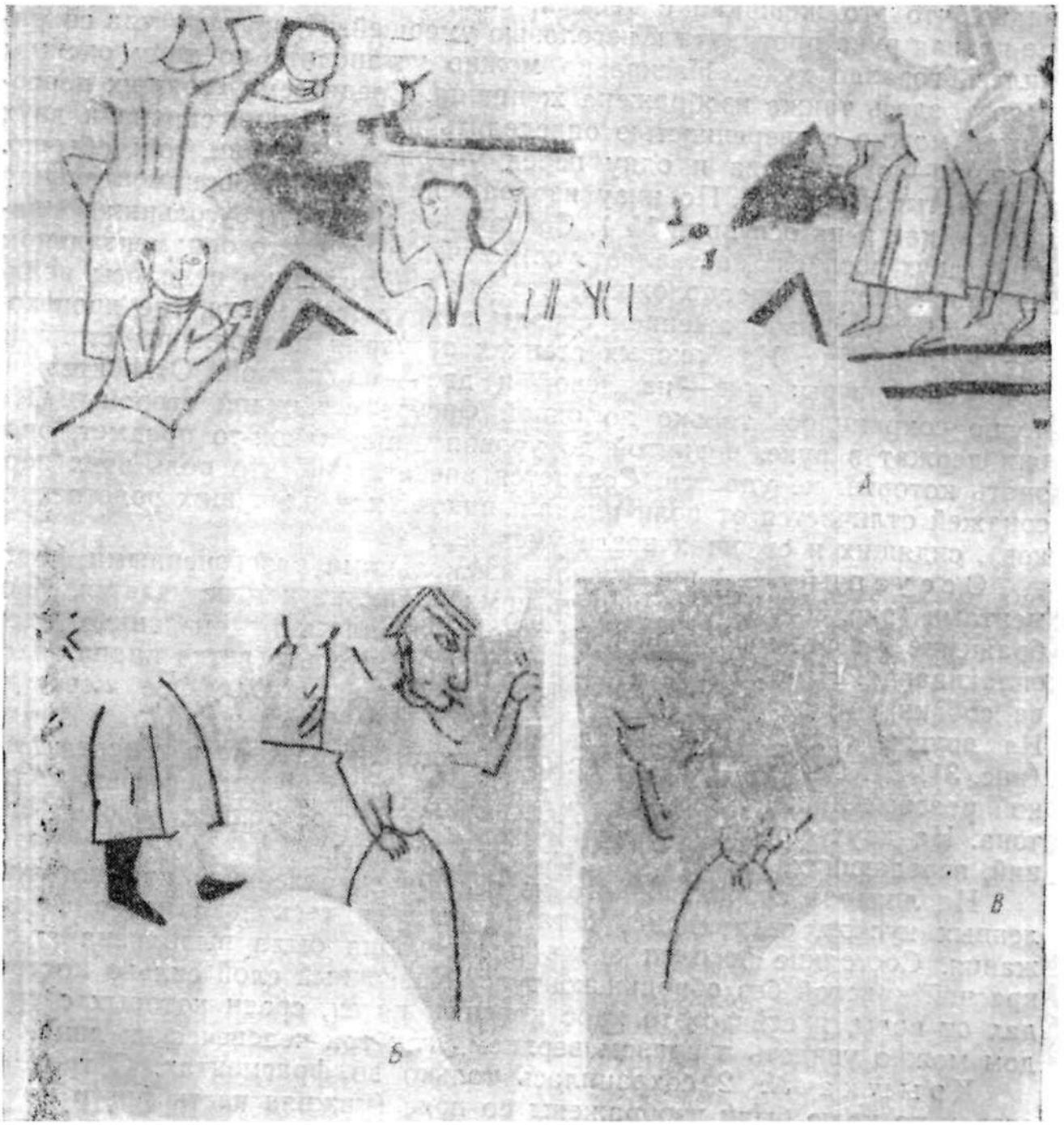

Рис. 29. Роспись на оссуарии:
А — лицевая сторона; Б, В — боковые стороны.

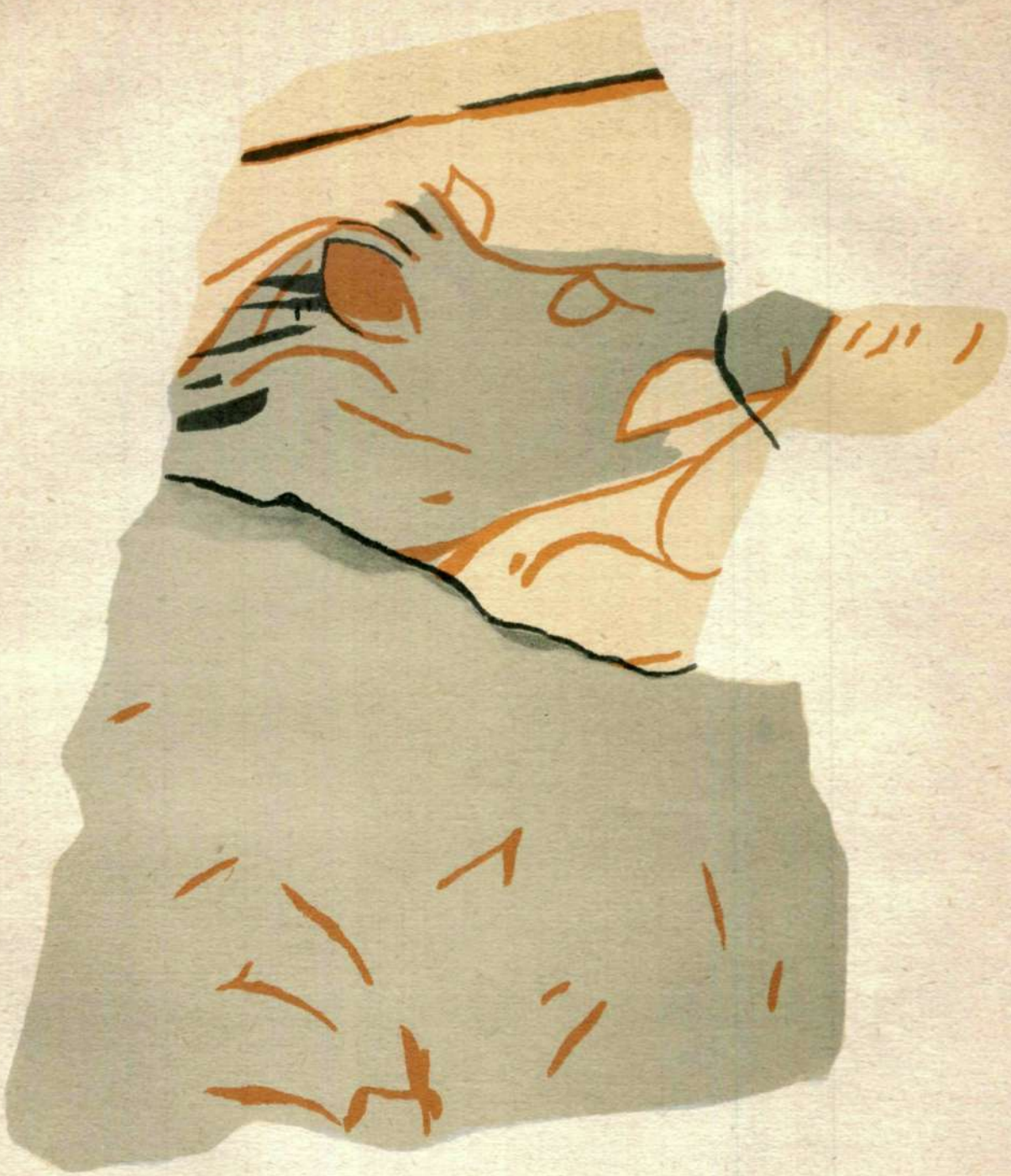
видно, что это женщина с косами, сидящая в описанной выше позе. Ее правая рука протянута к изголовью умершей. Правая фигура сохранилась гораздо хуже. Насколько можно установить по типу одежды и позе, здесь также изображена женщина. Среди семи стоящих персонажей можно с уверенностью определить двух мужчин справа и двух женщин — одну слева и одну перед умершей. Все они, как обычно, с поднятыми руками. По низу изображена такая же орнаментальная полоса, как и на оссуарии № 1. Совпадение мотива треугольников внизу на двух росписях заставляет усомниться в их чисто орнаментальном значении. Можно предположить, что эти треугольники и полосы являются условным изображением ограды вокруг того места, где происходит оплакивание. На боковых стенках оссуария изображены стоящие мужские фигуры: три — на левой и две — на правой. Относительно полно сохранилось только по одной фигуре с каждой стороны. Обе они держат в руке, поднятой до уровня лица, какой-то предмет, опознать который не удается. Создается впечатление, что роль этих персонажей отличается от роли плакальщиков (или плачущих родственников), сидящих и стоящих возле умершей.

Оссуарий № 4 представлен несколькими разрозненными фрагментами (рис. 30), и восстановить композицию на нем не удается. Изображение на этом оссуарии, видимо, отличалось от описанных сцен оплакивания. На одном из фрагментов относительно четко видна голова собаки с раскрытой пастью и вздыбленной на загривке шерстью. На другом сохранилась часть человеческой фигуры: лицо и грудь (рис. 31, *Б*). Роспись выполнена очень тщательно. Контур обведен тонкой розовой линией. Возможно, на этом оссуарии применялись полутона. На двух фрагментах сохранился лишь хаос тонких розовых линий, передающих, может быть, складки одежды.

На лицевой стороне одного из оссуариев, склеенной из многочисленных кусков, сохранились остатки росписи несколько иного содержания. Состояние росписи очень плохое. Она была выполнена ярко-красной краской без обводки контура. Красочный слой сильно пострадал от воды, и сейчас это хаос красных пятен, среди которых с трудом можно увидеть в правом верхнем углу три человеческих лица.

Крышка № 2 сохранилась только во фрагментах. С трех ее сторон по краю были изображены по пояс (нижняя часть фигур находилась, вероятно, на оссуарии) плакальщики в характерных позах с поднятыми руками (рис. 31, *А, В*).

Крышка № 3 сохранилась очень плохо. С большим трудом можно установить, что она была раскрашена по лицевой стороне в голубой и красный цвет. От раскраски остались сейчас только слабые следы. В общих чертах удается установить, что на вертикальной плоскости края по красному фону нанесен горизонтальный ряд интенсивно

30. Фрагмент росписи на оссуарии.

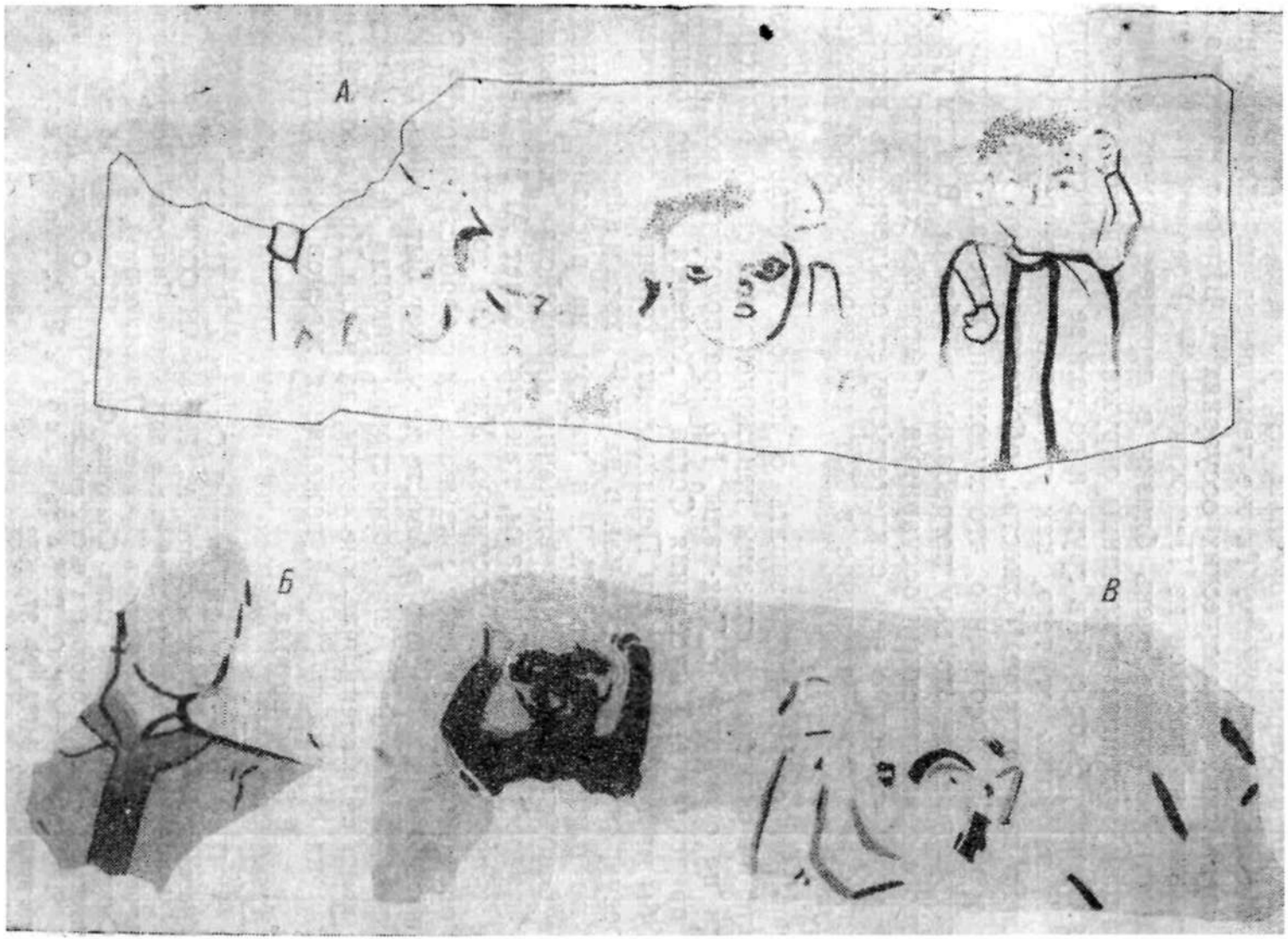

Рис. 31. Роспись на оссуариях. А, В — на крышке, Б — на корпусе.

красных кружков. Наклонная плоскость была окрашена голубым. Никаких деталей восстановить не удается.

Росписи на оссуариях с Ток-калы, изображающие сцену оплакивания, не уникальны по сюжету. Та же тема передана рельефом на некоторых согдийских керамических оссуариях[181]. Широко известна сцена оплакивания на росписи из Пенджикента[182]. Росписи на оссуариях и пенджикентская сцена очень близки в передаче самого оплакивания: плачущие мужчины и женщины окружили умершего, рвут на себе волосы и одежду, бьют себя в грудь и по голове и наносят ритуальные ранения. Независимо от того, как понимать пенджикентскую сцену (видеть ли в ней похороны божества, обожествленного героя или царственной особы)[183], несомненно, что художник передал реалистические подробности современного ему погребального обряда. В этом убеждает сходство с токкалинскими оссуариями, «бытовой» характер которых сомнения не вызывает, о чем свидетельствует обыденность всего изображения и некоторое различие в деталях передачи этой сцены на оссуариях.

У нас нет основания говорить о полном сходстве религиозных представлений, с которыми связаны пенджикентская сцена оплакивания и росписи на оссуариях с Ток-калы. Но предполагать сходство религиозных представлений населения Согда и Хорезма можно, основываясь хотя бы на том, что жители Пенджикента хоронили своих умерших тоже в оссуариях, которые ставили в наусы[184], хотя и наземные, но очень сходные по плану с наусом № 1 и наусом на раскопе V. Никакие реальные факты не требуют привлечения манихейства для объяснения росписей на оссуариях с Ток-калы, как это делает А. М. Беленицкий в случае с пенджикентской росписью. Уже одно то, что росписи сделаны на оссуариях, заставляет связывать их с зороастризмом[185]. Запрещение оплакивания умершего в Авесте не может быть здесь серьезным возражением. В Средней Азии зороастризм никогда не был кононизирован, а имел свои специфические черты, да и для Ирана многие положения канона отражали скорей пожелания жрецов, чем истинное положение дел в быту народа.

---

[181] А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы. ВДИ. 1936. № 2(3).

[182] Живопись древнего Пенджикента. М., Изд-во АН СССР, 1954.

[183] А. М. Беленицкий видит в этой сцене погребение Сиявуша (Вопросы идеологии и культов Согда в кн. «Живопись Древнего Пенджикента»), а Н. В. Дьяконова и О. И. Смирнова — погребение сына Сиявуша Фируда (К вопросу об истолковании пенджикентской росписи, Сборник в честь академика И. А. Орбели, М.— Л., 1960).

[184] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пенджикентский некрополь, МИА, № 37, 1953.

[185] В связи с этим определением важно упомянуть еще два факта: наличие на поселении, связанном с оссуарным могильником, культового помещения, где горел неугасимый огонь, и присутствие в росписях изображения головы собаки.

Параллельное изображение сцен оплакивания в Согде и Хорезме[186] вряд ли случайно. Ал-Бируни писал о жителях Согда, что они оплакивают умерших и сопровождают это оплакивание расцарапыванием лиц[187]. По другому поводу он же отмечал, что обычаи хорезмийцев и согдийцев сходны[188].

Интересные сведения о древнем культе дают символы, изображенные над входом на росписи оссуария № 1 и на крышке № 4 (рис. 32), покрытой многоцветной росписью с трех сторон. Нижняя вертикальная часть крышки во всю ширину покрыта красным цветом. На передней лицевой стороне края этой красной полосы отчеркнуты более интенсивной линией того же цвета и обведены дополнительно желтыми полосами. Кроме того, на красное поле нанесены небольшие белые треугольники и вертикальные ряды белых кружков. Контуры треугольников обведены темно-красной линией, а белое их заполнение, как и кружки, выполнено специальной краской. На наклонной части лицевой стороны фон забелен и обведен по краю коричневой полоской. В центре белого поля изображен полумесяц концами вверх, лежащий на небольшом диске или шаре, от которого в стороны раскинуты расширяющиеся к концам ленты. Весь этот рисунок обведен по контуру, иногда двукратно, коричневой линией и закрашен в желтый цвет. Внутри полумесяца видно полукружие с голубыми пятнами по краям, похожее на восходящее солнце. По бокам всей композиции в белом поле находится по одному кругу, очерченному широкой темно-коричневой полосой. На левом (от зрителя) круге по этой полосе расположены белые кружки. Внутри круг закрашен желтым, и в нем тонкой коричневой линией нарисован еще один кружок. Наклонные части боковых сторон крышки заняты многократно вписанными друг в друга треугольниками желтого и синего цвета с коричневой и белой обводкой по краю. На углах крышки, по наклонной ее части, изображены пальметты с четырьмя рядами листьев, отходящих как бы от центрального стержня. Узор выполнен с такой же обводкой контура. Листья окрашены в темно-коричневый, синий или желтый цвет.

Символы, присутствующие на вышеописанной крышке и на крышке оссуария № 1, находят себе интересные аналогии. На крышке № 2 центральная фигура из полумесяца с диском и расходящимися от них в стороны лентами повторяет символ, которым увенчан на бартымском

---

[186] В росписи на оссуарии с некрополя Миздахкана также изображено оплакивание, участники которого наносят себе ритуальные ранения (В. Н. Ягодин. Новые материалы... стр. 102).

[187] Ал-Бируни. Избранные произведения, т. 1, Ташкент, 1957, стр. 355. По переводу В. В. Бартольда, оплакивания сопровождались «причитаниями и надрезанием лица» (История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 41).

[188] Ал-Бируни. Там же, стр. 256.

серебряном блюде ларец, стоящий на спинах двух львов[189]. Это блюдо уже не раз было предметом анализа археологов[190]. Мы полагаем, что наш материал полностью подтверждает заключение Ю. А. Рапопорта о том, что здесь изображен оссуарий, стоящий на престоле с ножками в виде фигур львов. Форма ларца полностью совпадает с формой одного керамического оссуария, найденного в малой камере. Материал с Ток-калы, видимо, подтверждает его же мнение о том, что сцена на бартымском блюде является воспроизведением обряда, подобного тому, о котором сообщают китайские хроники: обряда поклонения праху предков в государстве Ши[191] (Ташкентский оазис). Полное совпадение форм ларца и изображенного на нем символа с нашим материалом заставляет предположить, что подобный обряд поклонения предкам имел место не только при трупосожжении, но и при оссуарном обряде захоронения[192].

После находок на Ток-кале вряд ли можно сомневаться в среднеазиатском, точнее в хорезмийском происхождении бартымского блюда. Это мнение подтверждается характером надписи на нем, которую О. Н. Бадер и А. П. Смирнов, основываясь на работах С. П. Толстова, справедливо считают хорезмийской[193]. Знаки этой надписи ближе к оссуарным, чем к документам с Топрак-калы, что может свидетельствовать об их близости и во времени.

Символ, изображенный на оссуариях и над ларцом на бартымском блюде, как уже отмечали О. Н. Бадер и А. П. Смирнов[194], тесно связан с сасанидскими коронами, особенно с коронами Кавада I (488—531 гг.) и Хосрова I (531—578 гг.). Это сходство усиливается еще за счет листовидных завитков по бокам полумесяца на крышке оссуария № 1, которые ассоциируются с крыльями на сасанидских коронах. Однако нет никаких оснований рассматривать описываемый символ как простое заимствование из сасанидской иконографии[195]. Более вероятно, что

---

[189] О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. Серебро Закамское первых веков нашей эры, Бартымское местонахождение, М., 1954, рис. 6.

[190] Там же; О. Н. Бадер. О восточном серебре и его использовании в восточном Прикамье (к последним находкам), сб. «На Западном Урале», Пермь, 1952; Ю. А. Рапопорт. Об изображении на бартымском блюде, найденном в 1951 г., СА, 1962, № 2.

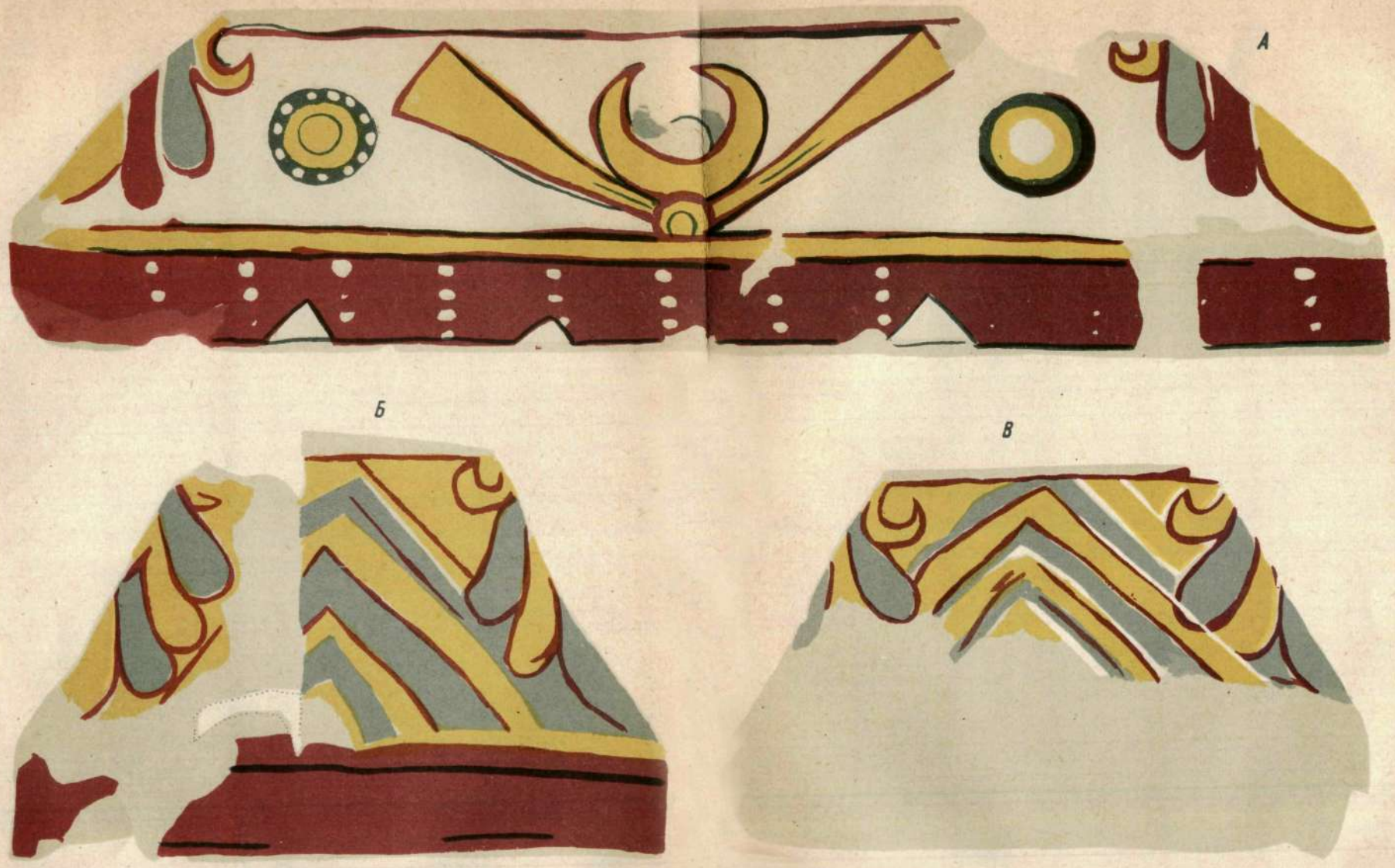
[191] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.— Л., 1950, стр. 272—273.

[192] О существовании в Хорезме и Согде обряда поклонения предкам с выставлением жертвенной пищи сообщает и Ал-Бируни (указ. соч., стр. 255—258). Возможно, следами подобных жертвоприношений в наусе являются кости рыб и птиц и обломки столовой посуды, обнаруженной в малой камере.

[193] О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. Серебро Закамское..., стр. 16.

[194] Там же, стр. 17.

[195] Это маловероятно, хотя бы по одному тому, что сасанидский Иран находился в постоянной вражде со своими северными соседями.

32. Роспись на крышке оссуария:

А — лицевая сторона; *Б*, *В* — боковые стороны.

символы и на бартымском блюде, и на оссуариях с Ток-калы восходят к каким-то древним образцам и религиозным представлениям, бытовавшим в иранском мире и вошедшим, с одной стороны, в идеологию сасанидского государства, а с другой — продолжавшим жить в зороастрийской среде Средней Азии[196].

В этой связи интересна семантика этих символов. Существует мнение, что шар мог означать солнце[197], вселенную[198]. В сасанидском Иране он был знáком жреческого достоинства[199]. Значение лент неизвестно. Видимо, основная смысловая нагрузка приходится на изображение луны и солнца, которое связано с древнейшими верованиями Средней Азии[200]. Здесь эти изображения широко распространены в коронах правителей, в частности хорезмийских, на ряде серебряных сосудов, в росписях Пенджикента. Ю. А. Рапопорт склонен связывать эти символы с культом богини Анахиты[201].

К астральным символам, возможно, относятся круги на крышке № 2. Их два, на одном из них по темной полосе нанесено 12 белых перлов. Такое количество кругов и перлов может иметь отношение к астральным представлениям. Подобные круги являются излюбленным орнаментальным мотивом в средневековье. Он имеется на узорах тканей и ковров в росписях Пенджикента[202], Варахши[203], Топрак-калы и Балалыктепе[204]. Во всех случаях обвод круга темный, а перлы светлые. Такой же орнамент известен в росписях Восточного Туркестана, на тканях из района Астане[205], в архитектурном декоре Бамиана[206] и на многих других памятниках.

---

[196] О широкой популярности астральных символов говорит и то, что изображения луны и солнца присутствуют на многих оссуариях и их крышках с Ток-калы, на которых нет иных изображений.

[197] К. В. Тревер. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма, ТОВЭ, т. I, Л., 1939, стр. 248.

[198] A. Christensen. L'empire des sasanides, Kobenhavn, 1907, p. 89.

[199] А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы.., стр. 135.

[200] По вопросу о культе солнца в Хорезме см. Ю. А. Рапопорт. Хорезмийские астаданы, СЭ, 1962, № 4, стр. 78—79.

[201] Ю. А. Рапопорт. Об изображении на бартымском блюде.., стр. 60.

[202] Живопись древнего Пенджикента.., стр. 124, табл. XXVII, XXXVI.

[203] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 97, рис. 35, фиг. 4.

[204] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, рис. 107, 108, 116.

[205] A. Stein. Innermost Asia, London, 1928, v. III, табл. LXXIX, LXXX, LXXXI.

[206] J. Hackin, J. Carl. Nouvelles recherches archeologiques à Bamiyan. Memoires de las delegation archeologique francaise en Afganistan, III, Paris, 1933, pl. XI. Заполнение середины таких кругов может быть самое разнообразное. На Балалыктепе и в Восточном Туркестане известны случаи, когда в них была изображена голова Киртимукха. Это наводит на мысль, что такой круг мог иметь значение оберега.

К числу символических элементов в росписи оссуариев следует отнести и изображение входа или двери. Тема эта не нова. Такое изображение известно на многих оссуариях из Согда[207]. Как предполагает Г. А. Пугаченкова, эта деталь прорабатывалась с особым вниманием[208] и ей придавалось большое значение[209]. Можно предположить два варианта истолкования этого изображения: конкретно понимаемое погребальное сооружение или же символический вход в иной мир, в который переселяется умерший.

Значительный интерес представляет анализ одежд на росписях оссуариев. Мужской кафтан принципиально не отличается от среднеазиатского кафтана того времени. Его характерная черта — двусторонние отвороты и наборный пояс. В живописи Восточного Туркестана такие отвороты представлены довольно широко[210]. Судя по живописи Пенджикента и Балалыктепе, где кафтаны с двусторонними отворотами единичны, на юге Средней Азии был более распространен кафтан с одним правосторонним отворотом или глухой, без отворотов. С. П. Толстов, анализируя хорезмийские монеты, пришел к выводу, что мужская одежда с двусторонними отворотами древнего происхождения[211].

Наборные пояса находят себе аналогии в пенджикентских росписях и в живописи Восточного Туркестана. Интересной этнографической параллелью, возможно, восходящей к глубокой древности, могут служить пояса-камары, бывшие еще в XIX в. обязательной принадлежно-

---

[207] Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры.., стр. 23, рис.
[208] Там же, стр. 22.
[209] А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы.., стр. 130—131.
[210] A. von le Coq. Die buddistische Spatäntike in Mittelasien, Neue Bilderwerke, Berlin, 1933, Band I, Teil V, Tafel 12; Он же. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925. S. 40, Fig. 9; S. 41, Fig. 11; s. 45, Fig. 28, 29.
[211] С. П. Толстов. Древний Хорезм. , стр. 198. Если не ограничиваться только живописью, то сходную одежду можно найти и на ряде других археологических памятников. Кафтан с двусторонними отворотами известен на балбале, найденном на берегу Иссык-Куля (В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., Записки Императорской академии наук по историко-филологическому отделению, т. I, № 4, СПб., 1897, стр. 55, табл. XI, фиг. 1). При этом следует учесть, что резчики обычно изображали в балбалах характерные черты определенного народа. Всадник в кафтане с двусторонними отворотами, очень сходный, как отмечал С. П. Толстов, с всадником на хорезмийских монетах, представлен на серебряной чаше № 46, изданной Я. И. Смирновым. Персонаж в кафтане с такими же отворотами известен на серебряном блюдце из Эрмитажа, на котором, по мнению К. В. Тревер, изображен царь эфталитов. Автор датирует это блюдце концом V — первой половиной VII вв. (К. В. Тревер. Новое сасанидское блюдце Эрмитажа, сборник в честь академика И. А. Орбели, М. — Л., 1960). Сходная одежда известна и на скульптуре из Кувы (Сообщение В. А. Левиной-Булатовой на сессии по итогам полевых исследований в 1959 г.).

стью костюма воинов-батыров у туркмен и каракалпаков. Однако следует учитывать, что эта деталь костюма имела широкое распространение в различное время и у различных народов.

Женский костюм представлен на росписях четырьмя элементами: накидкой, прямым платьем с окаймленным длинным разрезом на груди, нижней рубахой с рукавами и безрукавкой. Накидка, безусловно, восходит к весьма древним общевосточным традициям. Она хорошо известна по терракотовым статуэткам богини Анахиты и представлена на росписях Пенджикента и Балалыктепе, но почти неизвестна в Восточном Туркестане. Еще до недавнего прошлого накидка, набрасывавшаяся на голову, была у узбечек и каракалпачек обязательной частью одежды, в которой выходили из дому. Платье, судя по этнографическим данным, имеет простейший покрой из сложенного пополам полотнища ткани, к которому пришивали рукава. До наших дней это древнее платье сохранилось у туркменок[212] и еще недавно бытовало у каракалпачек. Существует мнение, что безрукавка, имеющая сейчас очень широкое распространение, появилась в Средней Азии только в XIX в. под влиянием казанских татар. Возможно, это и верно для недавнего времени. Росписи же с Ток-калы показывают, что такой вид одежды был известен в Средней Азии и в древности. Обувь в виде мягких облегающих сапожек типа ичигов одинакова у мужчин и женщин и находит себе аналогии на росписях Варахши и Балалыктепе. Видимо, это обычная обувь того времени.

Анализ костюма позволяет сделать вывод, что он связан с древними местными традициями и в то же время, не являясь уникальным, имеет много общего с костюмами других районов Средней Азии того же времени.

Интересен и общий внешний облик персонажей с оссуариев: отсутствие бороды и усов и короткая стрижка у мужчин, две длинные косы у женщин.

Предварительные результаты антропологического анализа черепов с оссуарного могильника показывают, что они характеризуются мезокранностью, высоким и узким лицевым скелетом. В серии преобладают европеоидные черепа восточно-средиземноморского типа с небольшой монголоидной примесью, прослеживающейся на некоторых из них. Ближайшие аналогии дает оссуарный могильник Калалы-гыр (II—III вв. н. э.) и погребения в Байрамали (V—VII вв. н. э.). Можно думать, что монголоидная примесь аналогична мезокранному монголоидному типу с высоким и узким лицевым скелетом, установленному Т. А. Трофимо-

---

[212] Интересно, что у туркменок такое платье обычно красного цвета, как и на описываемых росписях.

вой по материалам Канга-калы и Куня-Уаза[213]. С. П. Толстов и Т. А. Трофимова связывают появление этого типа в Хорезме с хионитами.

Стилистический анализ росписей оссуариев с Ток-калы показывает их большое отличие от известной в настоящее время парадной живописи. Может быть, они наиболее близки к некоторым росписям Пенджикента и Балалыктепе. Рисунок на оссуариях очень условен и в то же время, видимо, традиционен. Выполнялся он в большинстве случаев путем прорисовки контура черной краской с последующей закраской фигур внутри. Иногда до прорисовки контура краской отдельные его элементы процарапывали. Чертам лица такой прием придает большую выразительность. Прорисовка контура черным, красным и розовым известна на росписях Топрак-калы, Пенджикента и Варахши. На Балалыктепе красным прорисованы лица. Излюбленное цветовое сочетание — красное с черным. Едва ли это можно отнести только за счет большей легкости получения таких красителей (сажа и красная охра). Видимо, здесь есть и определенный элемент традиционности. Уместно вспомнить, что в отделке храма в Нисе присутствуют только три тона: красный, черный и белый. То же сочетание получается и на оссуариях, если учитывать их белый фон. Анатомические пропорции и правильность ракурсов человеческих фигур условны. Условно и соотношение планов, свободно сочетаются фронтальное изображение и горизонтальная проекция. Мастер, видимо, вовсе не добивался реалистичности изображений. Его задача была вызвать представление о широко известных и всем понятных явлениях. Сами росписи очень выразительны и эмоциональны.

Таким образом, перед нами открывается новая страничка в древнем изобразительном искусстве Средней Азии.

Полученный на некрополе Ток-калы богатый материал о погребальном обряде населения северного Хорезма позволяет сравнить его с подобным материалом, полученным при раскопках в других частях Средней Азии, а также с предписаниями Авесты. Эта священная книга зороастрийцев получила свою окончательную каноническую редакцию в VI в. в сасанидском Иране. В интересах укрепления государственной власти зороастризм превратился здесь в развитую жреческую религию с твердой обрядностью и нормами поведения верующих. Еще В. В.Бартольд высказал мнение[214] о том, что канонизированная форма зороастризма, отраженная в Авесте, не была распространена в Средней Азии.

---

[213] Определение произведено Н. Рысназаровым под руководством Т. А. Трофимовой.

[214] Опубликовано в работе А. Ю. Якубовского «Вопросы изучения пенджикентской живописи», в кн. «Живопись древнего Пенджикента», стр. 21.

В соответствии с этим в литературе встречается употребление термина «маздеизм»[215] для обозначения суммы религиозных и этических представлений среднеазиатского зороастризма, отличающихся от канонизированного жреческого в сасанидском Иране[216].

В погребальном обряде Ток-калы ряд черт полностью соответствует зороастрийским предписаниям. Так, очищенные кости умершего погребаются в астоданах, которые ставят в наусы[217]. Не случаен, возможно, и выбор материала для изготовления оссуариев — алебастр и камень. В этой связи интересно, что в 6-м фаргарде Вендидада для костей умершего рекомендуется, если можно, построить «возвышенную могилу... из камня или извести»[218]. Известь и алебастр — материалы весьма близкие по своим свойствам, и, видимо, алебастр вполне устраивал верующих[219]. Еще одним очень важным моментом надо считать захоронение на некрополе наряду с останками людей костей собак и изображение собаки в росписи на оссуарии. Собака выделяется в зороастрийском каноне как особо чтимое животное, жизнь, благоденствие и смерть которого оцениваются наравне с людскими и с трупами которых надлежит обращаться так же, как с трупами людей[220]. Насколько нам известно, до сих пор фактов погребения собак на некрополях, тем более в оссуариях, не было известно. Находили челюсти собак, условия

---

[215] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пенджикентский некрополь, стр. 88; Б. Я. Ставиский. К вопросу об идеологии домусульманского Согда, Сообщения Республиканского краеведческого музея ТаджССР, вып. 1, 1952, стр. 56.

[216] В дальнейшем изложении термины «зороастризм» и «маздеизм» употребляются именно в таком смысле.

[217] Специфической особенностью оссуариев с Ток-калы, как и вообще раннесредневековых оссуариев Хорезма, является отсутствие в них специального отверстия для проникновения света, как того требует предписание зороастризма (Дадистани-Диник, SBE, v. 17, p. 33—34). Такие отверстия известны на большинстве керамических оссуариев из различных мест Средней Азии.

[218] SBE, v. XXXVII, p. 157.

[219] Следует отметить, что широкого распространения алебастровые оссуарии нигде, кроме Хорезма, не имели. Нам известна только одна находка алебастрового оссуария на некрополе древнего Пенджикента (Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Указ. соч., стр. 82).

[220] 8-й фаргард Вендидата, SBE, v. IV, p. 96. Общеизвестна роль собак в зороастрийском погребальном обряде. Возможно, помимо пожирания трупов, они принимали участие и в погребальной процессии. Об этом говорит миниатюра к парсийской версии книги Арта-Вираф, на которой изображена погребальная процессия с двумя идущими по бокам собаками (К. А. Иностранцев. Парсийский погребальный обряд в иллюстрациях гузератской версии книги об Арта-Вираф. Известия Императорской академии наук, 1911, VI серия, № 7, рис. Выше уже упоминалось изображение собаки на росписи оссуария с Ток-калы.

залегания которых указывали на то, что им придавалось особое значение[221].

В погребальном обряде Ток-калы, кроме описанных черт сходства с зороастризмом, налицо и очень серьезные отличия. Важнейшее из них — это оплакивание умершего. Обряд оплакивания и выражения скорби об умершем рассматривается в зороастрийских текстах как тяжелейший грех[222]. Тем не менее традиционное оплакивание было широко распространено в быту не только в Хорезме, но и Согде. Выше уже упоминались и пенджикентская сцена оплакивания, и сообщение Ал-Бируни о наличии этого обряда у согдийцев. Приведем это сообщение полностью. В конце месяца хшум «плачут согдийцы по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают себе лица и ставят для умерших кушанья и напитки, как делают персы в фервердаджане[223]. О наличии оплакивания и в религиозных обрядах имеются сведения в сообщении Вей-цзе об обряде оплакивания Небесного Отрока в Согде[224]. По мнению Б. Я. Ставиского, та же сцена оплакивания изображена на оссуарии из Русского музея и на двух терракотовых фигурках из собрания Н. И. Веселовского[225]. В документе с горы Муг, представляющем договор о продаже огороженного земельного участка, указывается, что его покупатели и их наследники имеют право принести туда труп и устроить оплакивание умершего, и им не должен никто препятствовать[226]. В. А. Лившиц высказывает предположение, что это мог быть участок, специально предназначенный для сооружения науса[227]. Все это заставляет сделать вывод, что обряд оплакивания был широко распространен в маздеистской среде. На фоне уже довольно обширного материала многократные и суровые запреты оплакивания зороастрийскими канонами свидетельствуют, видимо, об упорной борьбе жречества с этим обрядом. Судить о причинах такого запрета на нашем материале нельзя.

---

[221] Такие находки были сделаны на городище Талибарзу, на Балалыктепе (Л. И. Альбаум. Балалык-тепе.., стр. 101) и при раскопках усадьбы близ Кафыр-калы (Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 218).

[222] SBE, v. XXIV, p. 29, 358, 359; v. XXXVII, p. 193, 212, 379; v. XLVII, p. 54, 55, 95, 96.

[223] Ал-Бируни. Избранные произведения, т. I, стр. 255.

[224] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, М., 1950, т. 2, стр. 272.

[225] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пенджикентский некрополь, стр. 87.

[226] Юридические документы и письма, сб. „Согдийские документы с горы Муг", вып. II, чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., ИВЛ, 1962, стр. 48.

[227] Там же, стр. 47. Напомним, что этот участок огороженный, а в полосе треугольников на росписи оссуариев № 2 и № 3 изображена, по всей вероятности, ограда.

Таким образом, налицо значительные расхождения маздеистских культов Хорезма и Согда с зороастрийскими канонами. Полное решение данного вопроса — дело будущего, когда будут прочтены и истолкованы все тексты. Возможно, в этой связи даст что-то важное одна интересная аналогия. Сравнительно недавно в литературе появилось сообщение о том, что в провинции Фарс в Шах-Исмаиле (недалеко от Накш-и-Рустема), в Гармабаде, около Истахра и в других местах были обнаружены небольшие скальные нишки с надгробными надписями[228] для упокоения по зороастрийскому обряду костей усопших. Дуктус надписей позднепехлевийский, и по приведенным в них датам они относятся к VII в. и начинаются словами: «Эта могила (здесь употреблен термин «дахмак», а не обычный «астадан») принадлежит...»[229], далее следует имя погребенного. Примечательно, что надписи расположены вертикально, как токкалинские, что, по указанию Хеннинга, имеет место и в согдийских надписях того же времени[230]. Такое, на первый взгляд, мелкое совпадение позволяет говорить, что надписи Ток-калы в известной мере выполнены в традициях, общих для иранского мира того времени. Насколько нам известно, погребальные надписи из Фарса пока не изданы, но, безусловно, когда появится возможность сравнить с ними надписи с Ток-калы, это будет представлять огромный интерес.

Естественно ожидать важных результатов от полной дешифровки и комментирования текстов с Ток-калы в связи с тем, что до сих пор наука не располагала ни зороастрийскими, ни маздеистскими текстами с территории Средней Азии. Обнаружение их здесь, и особенно в Хорезме, интересно еще и тем, что существует довольно обоснованное мнение о среднеазиатском, и в частности хорезмийском, происхождении основ зороастрийской религии[231]. Хотя тексты с Ток-калы являются слишком поздними для решения этого вопроса, они, возможно, могут дать интересные сведения. Здесь весьма уместно вспомнить слова К. А. Иностранцева о Хорезме: «Вследствие своего географического положения эта область интересна для изучения переживания тех культурных форм, которые вследствие скорейшей эволюции исчезали или изменялись в других иранских областях»[232].

---

[228] W. B. Henning. Mitteliranisch, S. 47, в кн „Handbuch der Orientalistik". Erste Abteilung, VI, Band Iranistik. Erste Abschnitt, Linguistik. Leiden — Köln, 1958.

[229] W. B. Henning. Mitteliranish, S. 47.

[230] Такое же расположение надписей известно на печати одного из документов с горы Муг (В. А. Лившиц. Указ. соч., стр. 54) и на согдийских монетах (О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента, МИА, вып. 66, табл. II, № 3).

[231] Обширная сводка мнений по этому вопросу приведена в работе С. П. Толстова «Древний Хорезм»..., стр. 19—20.

[232] *К. А. Иностранцев. О домусульманской культуре Хивинского оазиса,* ЖМНП, февраль, 1911, стр. 286. Находка большого количества бытовых по сути

Таким образом, находки на некрополе Ток-калы вносят новый штрих в характеристику среднеазиатского маздеизма, который еще совсем недавно не был известен науке.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Археологические материалы из раскопок Ток-калы, предварительный анализ монет, полученных здесь же, данные с других городищ северного Хорезма в сопоставлении со сведениями источников дают возможность наметить ряд интересных вопросов в политической истории Хорезма накануне и в период арабского завоевания.

Особой категорией находок с раннесредневекового поселения Ток-калы являются монеты. Общее число их из раскопов II и VI составляет 440 шт.; из них 410 обнаружено в кладе помещения 2А, 9 — в кладе помещения № 1, остальные — преимущественно в культурном слое на полах.

Две из обнаруженных монет принадлежат ихшидам Согда Укару (первая четверть VIII в.) и Тархуну (700—710 гг.)[233]. Одна серебряная, обычный хорезмийский чекан, вероятно, Шаушафара[234], три должны быть отнесены к хорезмийским монетам, но пока еще не определены. Остальные представляют собой два своеобразных чекана, на которых следует остановиться подробнее. 422 шт. принадлежат чекану, известному по отдельным находкам в южном Хорезме (рис. 33).

Av: В точечном ободке дано изображение профиля царя вправо (в 6 случаях влево) в короне, имеющей вид лежащего двугорбого верблюда с поднятым хвостом. У верблюда голова птицы, судя по хохолку и общему облику, вероятно, павлина. Верблюд обращен в ту же сторону, что и изображение царя. На лбу царя ниже передних ног верблюда изображен полумесяц рожками вверх со звездой-точкой между ними. Нижний край короны обвязан диадемой из перлов, скрепленной лентами сзади. На короне позади верблюда изображена треугольная вертикально торчащая петля из ленты. Сзади с короны спускается широкий назатыльник, украшенный в отдельных случаях по-разному. Такие назатыльники и полумесяц со звездой являются обязательной принадлежностью головных уборов хорезмийских царей на монетах. На груди у царя помещено украшение, изображаемое различно. Самый

надписей на весьма ординарном поселении может быть подтверждением сведений источников о высоком уровне культуры Хорезма накануне арабского нашествия. Об этом свидетельствует сообщение ал-Бируни об уничтожении Кутейбой «людей, которые хорошо знали хорезмскую письменность, ведали их преданиями и обучали наукам» (Ал-Бируни. Избранные произведения, т. I, стр. 48).

[233] О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента.., стр. 220—221.

[234] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., табл. 84, № 15—16, 21—22.

Рис. 33. Монеты:
1—9—чекан Хангири; *10* — чекан неизвестного правителя.

простой его вариант — это одна низка круглых бус, но есть и несколько более сложных украшений. В ухе бывает серьга. Детали одежды почти не переданы. Не обязательными аксессуарами изображения являются три, реже четыре выпуклые точки в поле позади изображения царя, расположенные треугольником или квадратом. Такие же точки могут находиться по одной над горбами верблюда.

Изображение царя варьируется не только в деталях убранства, но и в передаче самого лица. Оно имеет явно портретные черты. Отбрасывая мелкие расхождения в портрете, которые могли возникнуть как результат индивидуальной манеры резчиков штемпелей, удалось выделить 3—4 изображения, которые можно считать портретами разных лиц. Во всех случаях царь не имеет бороды, но иногда у него изображены тонкие, загнутые книзу усы.

Количество штемпелей лицевой стороны очень велико, как минимум удалось выделить 78.

Rv: В линейном ободке круговая легенда и изображение тамги в виде трезубца на горизонтальной подставке. На хорошо читающихся экземплярах легенда вариантов не имеет.

Вес монеты колеблется от 1,04 до 4,77 г. Монетный кружок очень неровный, с рваными краями. Монета этого типа впервые была опубликована Е. Томасом[235], которому в числе других прислал ее на определение В. Г. Тизенгаузен. Чтение легенды этой монеты предложено С. П. Толстовым. Она состоит из титула «господин-царь»[236] и собственного имени Хангири или Хамгири[237]. Он считает возможным отождествлять это имя с именем царя Хамджерда[238]. Как увидим ниже, царь Хамджерд, правивший по ряду признаков в северном Хорезме, сыграл определенную политическую роль в период арабского завоевания.

На монетах Хангири с Ток-калы удалось установить одну очень важную особенность. Большая часть их является перечеканом медных монет, условно приписывавшихся хорезмшаху Абдаллаху[239], правившему в конце VIII в.[240]. В неперечеканенном виде таких монет найдено на Ток-кале всего 14 шт., из них 9 — в кладе в помещении № 1. Однако, если учесть все случаи перечеканки, то число их поднимется примерно до сотни. Эта монета имеет много общего с чеканом Хангири (рис. 33).

---

[235] E. Thomas. Indo-parthian coins, Numismatiqu Chroniqual, 1870, new series, vol. X, p. 139—163.

[236] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 187; табл. 85, рис. 11—12, 21—22.

[237] Там же, стр. 191.

[238] Там же.

[239] Там же, рис. 23—24, 25—26.

[240] Там же, стр. 143. Уже одно мусульманское имя этого царя показывает, что он не мог править до завоевания Хорезма арабами.

Av: В точечном ободке, видимом обычно лишь внизу и справа, царский профиль вправо. На голове царя корона со ступенчатыми зубцами и назатыльником. В вырезе между зубцами сделано косое перекрестие с четырьмя точками в его углах. Оно замкнуто сверху выпуклой дугой, над которой в поле находится другая такая же дуга, выгнутая в обратную сторону, кверху. По нижнему краю короны повязана диадема из крупных перлов, скрепленная сзади бантом. Надо лбом царя изображен полумесяц концами вверх, с тремя звездами-точками в нем. В поле позади изображения царя могут быть три выпуклые точки. Нагрудное украшение бывает различным и сходно с украшением Хангири. Лицо царя безбородое и безусое, на изображение Хангири не походит.

Rv: Круговая легенда и посередине тамга в виде двух пар завитков, поставленных друг на друга и на горизонтальную черту-подставку. Титул в легенде тот же, что и на монете Хангири, а собственное имя другое. Все знаки в легенде написаны в отличие от монеты Хангири слитно. На всех имеющихся экземплярах именная часть легенды дефектна и пока остается непрочтенной.

Характерной особенностью обоих описываемых чеканов является наличие на реверсах двух разных тамг вместо обычного для афригидских монет Хорезма всадника. Смысл этих символов пока не удается установить с полной ясностью. Изображение трезубца имеет чрезвычайно широкое распространение во времени и пространстве, так что одна формальная аналогия еще не может указывать на взаимосвязь знаков этого рода. Вряд ли целесообразно вслед за Е. Томасом возводить этот знак к трезубцу Шивы, тем более к трезубцу Нептуна. Учитывая чтение имени царя «Хамджерд» и то, что монеты эти, встречающиеся относительно редко на памятниках южного Хорезма, являются обязательной находкой на городищах дельты и были найдены и в верхнем слое Джеты-асар[241], следует считать очень интересными аналогии тамгам именно здесь.

В 1961 г. на Куюк-кале В. Н. Ягодиным были найдены две лопаточные кости животных с изображением красной краской трезубцов, сдвоенных по вертикали, но без подставки внизу[242]. Эти знаки полностью совпадают с росписью на стене одного из помещений верхнего горизонта на Алтын-асаре[243]. В связи с этим мы склонны видеть в описываемом трезубце родовой знак. Вероятно, царь, происходив-

---

[241] Л. М. Левина. Указ. соч.
[242] Сообщено мне любезно В. Н. Ягодиным.
[243] С. П. Толстов. По древним дельтам.., стр. 190, рис. 110.

ший из этого рода, перенес родовую тамгу на свои монеты, снабдив ее дополнительно горизонтальной чертой — подставкой снизу.

Круг аналогий тамге, изображенной на второй монете, ведет в мир сасанидской символики, если только сходство здесь не является чисто формальным. Чрезвычайно сходен с этой тамгой знак, изображенный на гемме Варахрана Керманшаха[244] (конец IV в.). Кроме того, на ряде сасанидских печатей существует целая серия сложных знаков, в которые как элемент входят два ряда парных завитков, расположенных друг над другом[245]. Смысл этих знаков пока не разгадан. Эти аналогии сасанидского происхождения покажутся, может быть, не столь уж беспочвенными, если вспомнить, что в VII—VIII вв. хорезмшахи стали изображаться на медных монетах в короне со ступенчатыми зубцами[246], очень близкой коронам ряда сасанидских царей[247]. Очень сходную по форме корону имеют и бухар-худаты[248], на реверсе монет которых изображен сасанидский жертвенник.

Корона Хангири, несомненно, представляет большой интерес. Анализ ее еще должен быть продолжен, но уже и сейчас предварительно намечаются интересные связи. Среди раннего медного чекана Хорезма известны небольшие массивные монеты, на лицевой стороне которых изображен царь профилем вправо в короне с тремя зубцами, а на оборотной — тамга[249]. Передний зубец короны имеет несколько странный изгиб вперед. При сопоставлении с короной Хангири стало совершенно ясно, что это схематизированное, но вполне ясное изображение лежащего верблюда. Таким образом, Хангири придерживается достаточно давней для его времени традиции — минимум в 300—400 лет. Эта корона в виде животного не уникальна. В Хорезме известна корона в виде орла у царя Вазамара[250]. Короны в виде животных и птиц были известны и у сасанидов[251]. Однако это еще не является основанием для установления каких-либо связей с сасанидами. Скорей, это говорит о каких-то общих древних традициях. Небезынтересно и наличие у

---

[244] E. Thomas. Sasanian gems and early armenian coins. Numismatiqu chronical, new series, v. VI, t. VIII.

[245] U. Pope. A. Survey of persian art, v. 1, 1938, fig. 278.

[246] С П. Толстов. Древний Хорезм.., стр 191.

[247] Сасанидские короны этого типа хорошо представлены на таблице в ст.: K. Erdmann. Die Entwicklung des sasanidischen Krone, Ars Islamica, в. XV—XVI, 1951, T. 1, S. 87—124.

[248] W. Tiesenhausen. Notice sur un collection de monnaies orientales de M. le comte S. Stroganoff, СПб., 1880, табл. 1.

[249] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 182, рис. 108, левая колонка, вторая и третья монеты сверху. Они происходят из раскопок Топрак-калы, но встречаются и в качестве подъемного материала.

[250] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., табл 84, № 4.

[251] E. Thomas. Notice of certain unpublisched coins of the sassanide. Numismatique chronical, v. XV, 1952, табл., рис. N 3, 6, 8,

верблюда головы павлина. Оставляя в стороне вопрос о месте птицы вообще в античной и раннесредневековой иконографии Средней Азии[252], который выходит за рамки нашей темы, надо отметить, что изображение именно павлина известно на различных культовых предметах[253]. В Хорезме известно пока только одно изображение павлина на деревянной печати из Якке-Парсана[254], относящейся к той же эпохе, что и анализируемые монеты. Видимо, этот образ был в то время достаточно распространенным и понятным.

Судя по результатам раскопок поселения и некрополя, Ток-кала в VIII в. попадает в район какого-то крупного военно-политического катаклизма. В какой мере им была задета остальная дельта, пока неизвестно. В результате этих событий население Ток-калы вынуждено было поспешно оставить насиженные места и бежать, причем настолько поспешно, что в жилищах оказалась оставленной домашняя утварь, а наиболее ценные вещи попрятаны как клады. Вряд ли опасность была чисто местного значения. Об этом свидетельствует беспокойство обитателей Ток-калы о неприкосновенности праха своих предков. И опасения оказались ненапрасными. Враги действительно побывали на Ток-кале и подвергли разгрому наусы. Вероятно, население дельты сильно пострадало от этих событий. Поселение на Токтау осталось заброшенным, а хозяева кладов за ними не вернулись.

Попробуем сопоставить эти археологические материалы с теми весьма скудными сведениями, которые можно почерпнуть из источников. С VIII в. в них начинает фигурировать находящаяся на севере Хорезма, т. е. в дельте Аму-Дарьи, область Кердер[255]. Под тем же названием арабские географы знают город и большой канал, а Аральское море иногда называют Кердерским озером[256]. В литературе уже давно высказано мнение о локализации владения Кердер в восточной части

---

[252] Этот вопрос специально разбирается А. М. Беленицким в связи с изображением птиц на росписях Пенджикента (А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пенджикента, в кн. «Скульптура и живопись Пенджикента», т. II, М., 1959, стр. 32—34).

[253] Г. А. Пугаченкова. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках, Известия АН ТаджССР, Отделение общественных наук, 1952, № 2, стр. 59.

[254] Е. Е. Неразик. Раскопки Якке-Парсана, стр. 13—14.

[255] Варианты чтения благодаря отсутствию огласовок — Кардар, Курдар.

[256] Кердер в одном из его значений или в нескольких известен ат-Табари (В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 82), ибн Хардадбеху (МИТТ, т. I, стр. 146; В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века, Ташкент, 1902, стр. 31), Истахри (МИТТ, т. I, стр. 178, 179, 181). Макдиси (МИТТ, т. I, стр. 187, 189, 206), упоминается в анониме Худуд-ал-алем (МИТТ, т. I, стр. 217) и в словаре Якута (МИТТ, т. I, стр. 431).

дельты[257], а города Кердер — на развалинах Хайван-калы[258]. Недавно высказано мнение о том, что канал Кердер может быть приурочен, скорей всего, к большому дельтовому протоку Аму-Дарьи — Чортамбаю[259].

Сведения в трудах арабских географов о низовьях Аму-Дарьи очень скудны: они сводятся в основном к перечислению населенных пунктов с указанием расстояний между ними. Кроме того, все они относятся ко времени после арабского завоевания и по отношению к VII — VIII вв. могут быть использованы в значительной мере только ретроспективно. Однако и этот очень скудный материал представляет для нас значительный интерес.

Ибн Хордадбех, перечисляя харадж с Хорасана и присоединенных к нему округов, называет Хорезм и Кердер[260], сумма хараджа с которых указана вместе. Это сообщение можно понимать так, что, хотя Кердер и был частью Хорезма, он в какой-то мере являлся особой политико-административной единицей. Естественно считать, что такое обособление возникло еще до арабского завоевания.

О событиях, происходивших в Хорезме во время его завоевания арабами, наиболее подробные сведения имеются у ат-Табари[261], который писал, основываясь не только на рассказах арабов-очевидцев, но и на сведениях, полученных из местных источников[262]. Эти сведения в сокращенном виде повторяет ибн ал-Асир, ничего существенного к ним не добавляя. Еще более скупые и отрывочные сообщения об этих событиях имеются у ал-Бируни[263], Белазури[264] и ал-Макдиси[265].

Сопоставляя все эти данные и дополняя по мере возможности один источник другим, можно представить историю Хорезма первой

---

[257] Первое четкое определение области Кердер как «нижней части правобережья Хорезма, составлявшей в эпоху арабского завоевания особое владение», дана составителями I т. МИТТ (стр. 146, сн. 3), затем это утверждение было обосновано и развито на археологическом материале С. П. Толстовым, возвращавшимся к этой теме неоднократно. Новейшим исследованием по вопросу о Кердере является статья В. Н. Ягодина «К вопросу о локализации Кердера» (Вестник КК ФАН УзССР, 1963, № 2). Мнение В. Н. Ягодина совпадает с мнением С. П. Толстова.

[258] Впервые это отождествление предложено С. П. Толстовым в статье «Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1947 г.», Известия АН СССР, серия истории и философии, т. V, № 2, 1948, стр. 190.

[259] В. Н. Ягодин. К вопросу о локализации Кердера.., стр. 74.

[260] МИТТ, т. 1, стр. 146.

[261] Chronique de Abu — Djafar — Mo'hammed-ben Djarir ben Yzid Tabari, traduite... par M. N. Zotennberg, v. 1—IV, Paris, 1867—1874.

[262] К. А. Иностранцев. О домусульманской культуре Хивинского оазиса.., стр. 293.

[263] Ал-Бируни. Избранные произведения... т. 1, стр. 48.

[264] The origin of the islamic State. Being a translation from the arabic of al Baladmuri, part 2, transl. by F. C. Murgotten, New York, 1924.

[265] В кн. M. J. de Goge. „Das alte Bett des Oxus".

четверти VIII в. следующим образом. Накануне арабского завоевания Хорезм находился в состоянии смуты. В стране вспыхнуло восстание, которым руководил брат хорезмшаха Хурзад. С. П. Толстов рассматривает это восстание как антифеодальное движение народных масс, близкое маздакитскому и поддержанное общинами[266], а Я. Г. Гулямов расценивает его как движение средних и неимущих кругов поднимающегося феодального общества[267]. В любом случае социальная направленность этого восстания не вызывает сомнения. Его сила была настолько велика, что вся власть, в том числе и военная, практически сосредоточилась в руках Хурзада. Хурзад был, видимо, соправителем своего брата, светским царем, в то время как хорезмшах Чаган представлял сакральную власть[268]. Ради восстановления своей власти и подавления восстания Чаган пошел на сговор с арабами, тайно призвав на помощь находившегося в Мерве арабского полководца Кутейбу ибн Муслима, обещав ему полную покорность Хорезма и большую плату. Обманув бдительность Хурзада, арабы в 93 г. х. (711—712 гг.) внезапно появились в Хорезме. Войско повстанцев было разбито, а Хурзада, как и большое число его приверженцев, казнили. Но, видимо, этим борьба с восставшими еще не исчерпывалась. По просьбе хорезмшаха арабы выступили против царя Хамджерда[269], постоянно нападавшего на владения Чагана. Хамджерд был убит, а 4000 пленных из числа его соратников умерщвлены. В этом массовом убийстве С. П. Толстов видит акт классового террора[270]. По сведениям ал-Мукдиси[271], Хурзад и Хамджерд действовали заодно[272], а территорией, которой правил Хамджерд, была левобережная часть северного Хорезма[273], т. е. Кердер. В Хамджерде следует видеть, если не царя в буквальном смысле слова, то полузависимого от Хорезма правителя Кердера. На основе одного из источников существует мнение, что Хамд-

---

[266] С. П. Толстов. По следам.., стр. 224.

[267] Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 155.

[268] Эта мысль впервые высказана С. П. Толстовым. (По следам.., стр. 225). Ал-Бируни, говоря о власти хорезмшахов, выделил два ее аспекта — «сан правителя» и «шахское достоинство»; после завоевания Хорезма первый был сосредоточен в руках арабского наместника, а второе сохранилось за хорезмшахом. Ал-Бируни. Избранные произведения.., т. I, стр. 48.

[269] С. П. Толстов считает, что это искаженное имя Хангири (По следам.., стр. 225). Такое искажение в арабской графике действительно может возникнуть очень легко. В свое время такая возможность была отмечена еще Н. И. Веселовским (Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб, 1877, стр. 25).

[270] С. П. Толстов. По следам.., стр. 226.

[271] BGA, Lugduni Batavorum, 1872, v. III, p. 294.

[272] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 153, 323.

[273] С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники Каракалпакии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 199.

жерд — не имя царя, а название города[274]. Оно же могло быть перенесено на ту область, «страну», где этот город был столицей. При любом толковании слова «Хамджерд» можно считать, что монеты Хамджерда являются чеканом Кердера[275]. Тогда становится понятным, почему они всегда встречаются на городищах дельты, а на городищах южного Хорезма — значительно реже.

В настоящее время еще нельзя сказать, кому принадлежат монеты, перечеканивавшиеся в Кердере. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что они могли принадлежать хорезмшаху Чагану. Наличие же на реверсе тамги вместо хорезмийского всадника, являющегося символом династии афригидов, может указывать на какие-то, еще неизвестные нам события в Хорезме. В этой связи интересно обратить внимание на то, что имя хорезмшаха Чагана не фигурирует в перечне царей афригидов у ал-Бируни[276]. Этот факт, без сомнения, заслуживает особого внимания[277]. С другой стороны, имя Чаган имело распространение в тюрко-монгольском мире[278]. Возникает вопрос, не был ли Чаган узурпатором на хорезмийском престоле. В числе рассматриваемых монет попадаются экземпляры, на реверсе которых в поле в качестве дополнительного знака при основной тамге изображена тамга сиявушидов[279]. Такое соотношение тамг явно говорит о том, что лицо, чеканившее монету, претендовало на какие-то связи или отношения с династией хорезмийских царей, к которой оно не принадлежало. Интересно, что монетный чекан с тамгами на реверсе не получает развития в последующее время, и в середине VIII в. при хорезмшахе Шаушафаре снова выпускаются монеты с изображением всадника. Характерен здесь и еще один момент. После ухода Кутейбы из завоеванного Хорезма его население восстало и убило предателя Чагана. Последовал новый карательный поход арабов, и на престол ими был поставлен сын хорезмшаха Аскаджамук; он именуется сыном хорезмшаха, но не хорезмшаха Чагана. По ал-Бируни, Аскаджамук был сыном Аскаджувара[280]. Если Чаган действительно не принадлежал к дому

---

[274] Я. Г. Гулямов. Указ. соч.., стр. 123. Автор ссылается на рукопись ибн ал-Асира, где упоминается город Хамджерд (Рукопись Института востоковедения АН УзССР, № 624, л. 474).

[275] На возможность наличия особого чекана нижнего Хорезма в это время указывал С. П. Толстов (Древний Хорезм.., стр. 194).

[276] Ал-Бируни. Избранные произведения, т. I, стр. 48.

[277] Трудно допустить, что Бируни не знал имени одного из поздних царей.

[278] Это имя носил один из сыновей Чингиз-хана и некоторые другие исторические личности (Рашид ад-Дин. Сборник летописей, М.—Л., 1946—1952, т. I, кн. I, стр. 110; т. II, стр. 232).

[279] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 192.

[280] Ал-Бируни. Избранные произведения..., т. I, стр. 48. Возможно, в этом и кроется причина пропуска имени Чагана у Бируни.

афригидов, то вполне естественно, что арабы избрали своим ставленником представителя древней местной династии.

Среди серебряных хорезмийских монет имеется одна, в легенде которой имя царя не указано. По мнению С. П. Толстова, присоединяющегося в этом отношении к Кэннингэму, она должна быть отнесена к VII— началу VIII в. Легенду он читает: «господин шах Хорезма»— и склонен видеть в ней чекан Аскаджамука, которого сложная политическая обстановка вынудила подчеркивать в монетной легенде свое право на царствование в Хорезме[281]. Это еще один штрих, дополняющий высказанные предположения.

Таким образом, возможно, что по нумизматическому материалу можно установить новые подробности политической истории Хорезма накануне и в период арабского завоевания. Дело дальнейшего пристального изучения потвердить или опровергнуть эти догадки.

* *
*

Полученные археологические материалы, сопоставленные со сведениями источников, позволяют сделать некоторые выводы о характере социальных процессов в Хорезме, особенно в его северной части, накануне и в период арабского завоевания. Возможность считать, что Хурзад и Хамджерд действовали заодно, позволяет говорить о слиянии двух русел антифеодальной борьбы населения Хорезма. Характер поселений и устройство жилищ южного Хорезма показывают, что процесс феодального развития зашел здесь достаточно далеко. Жизнь античных городов к этому времени уже давно замерла, и центр общественной жизни переместился в деревню, которая также резко изменилась. На примере Беркуткалинского оазиса хорошо видно, что основной формой поселения становятся укрепленные замки. Открытых, неукрепленных сельских поселений неизвестно. Замки распадаются на группы, тяготеющие к большим феодальным замкам (Тешик-кала, Беркут-кала, Уй-кала, Якке-Парсан и др.), которые расположены в голове крупных отводов из магистрального канала и таким образом контролируют водоснабжение небольшой сельской округи. По размерам и мощности укрепления замки варьируются от огромных резиденций богатых аристократов — дихкан — до крошечных укреплений — домов сельского населения. По мнению С. П. Толстова, эти замки являются укрепленными усадьбами «большесемейных земледельческих домовых общин»— кедов, включавших также адоптированных членов и рабов[282]. Само наличие замков не позволяет предполагать существова-

[281] С. П. Толстов. Древний Хорезм.., стр. 190—191.
[282] Там же, стр. 151.

ния крепостной зависимости их обитателей. Вокруг крупных феодальных замков, как например возле Беркут-калы, возникают торгово-ремесленные посады — зародыши новых городов средневековья. Еще сохраняются независимые сельские общины, однако им уже постоянно приходится отстаивать свою самостоятельность. Процесс феодализации постепенно углубляется, выделяется господствующая прослойка землевладельцев-аристократов, создаются предпосылки для возникновения антифеодальных народных движений. Этот накал социальной борьбы отражается в появлении в VII—VIII вв. во всех аристократических и крестьянских замках донжонов — укрепленных жилых башен, служивших убежищем в случае военной опасности[283]. Видимо, опасность вооруженного столкновения и необходимость обороны становятся повседневным явлением.

Совсем иная картина в Кердере, где нет ни одного замка. Если даже допустить, что они сильно пострадали в условиях большого увлажнения дельты, то хотя бы какие-то следы их должны были сохраниться. Однако здесь есть только крупные поселения, в той или иной мере укрепленные. В некоторых из них, видимо, начинают развиваться зачатки городской жизни (Хайван-кала — Кердер, Куюк-кала, Курганча), но основа этого процесса совсем иная, чем на юге Хорезма. Если там посады возникают вокруг резиденции феодала, а первые ремесленники — это челядь и рабы, обслуживающие его нужды, то здесь зачатки городской жизни возникают на основе развития обмена, с одной стороны, со степью, а с другой — с земледельческим югом. Можно предполагать, что в Кердере еще в полной мере сохраняется патриархально-общинный быт. Именно поэтому население северного Хорезма и принимает активное участие в антифеодальной борьбе общин юга. Подобное явление, когда менее развитые общества поддерживают выступления закабаляемых земледельцев, достаточно хорошо известны в истории различных народов, в том числе и в Средней Азии.

Археологически удается в некоторой мере проследить степень участия населения Кердера в антифеодальном движении в Хорезме. В VIII в. — теперь, видимо, можно говорить с уверенностью о первом десятилетии VIII века — на замках Беркуткалинского оазиса в изобилии появляется кердерская лепная керамика. Жители замков содержат много скота, чего раньше не наблюдалось. В части замков происходит перестройка и перепланировка внутри. Весьма четко это прослеживается на Якке-Парсане. В это время часть плотной внутренней застройки была снесена, чтобы расчистить место для содержания скота. Основным местом жилья становится донжон, каждая комната которого

---

[283] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 153.

теперь приспосабливается под жилье. Сделанные в донжоне находки показывают, что его новые обитатели в отличие от построившего его богатого феодала, жили очень простой и скромной жизнью. Смена хозяев Якке-Парсана произошла, видимо, в результате военного столкновения, о чем говорят следы пожара в донжоне и многочисленные каменные ядра для пращей[284]. Исследовавшая Якке-Парсан Е. Е. Неразик прямо связывает эти события с восстанием Хурзада[285].

При описании материала поселения и некрополя Ток-калы уже отмечалось, что они имеют следы поспешного бегства населения и разгрома. Об этом свидетельствуют и клады, и утварь, целиком брошенная в жилищах[286], и спрятанные второпях в один наус оссуарии. Естественно связать это явление с арабским завоеванием и антиарабской борьбой населения Хорезма. Из исторических источников нам известно о двух антиарабских восстаниях, повлекших за собой карательные походы завоевателей в северный Хорезм. Первое произошло в 712 г., сразу после ухода Кутейбы, а второе — в 728 г., когда волна антиарабской борьбы прокатилась по всем завоеванным областям Средней Азии и само господство арабов здесь висело на волоске.

Вся сумма фактов, полученных при раскопках Куюк-калы и раннесредневековой Ток-калы, маршрутное обследование дельты Аму-Дарьи, данные нумизматики и сведения письменных источников создают довольно цельную, хотя еще далеко не полную картину жизни дельты в раннем средневековье. Уже не может вызывать сомнения существование здесь княжества Кердер, возникшего в результате переселения в низовья Аму-Дарьи какой-то части населения из низовий Сыр-Дарьи. Можно предполагать, что переселенцам пришлось заново осваивать дельту, не имевшую уже в течение нескольких веков постоянного населения. В дельте возникают новые крупные укрепленные поселения, известные по городищам Курганча, Куюк-кала, Ток-кала и, возможно, Хайван-кала, и местонахождение Крантау. Смутные сведения о полузависимом отношении Кердера к Хорезму получают вполне реальную почву. Причины обособленности Кердера следует видеть в его социальном, культурном и, возможно. этническом своеобразии. Особые географические условия дельты сыграли первоначальную роль в сложении у населения Кердера комплексного типа хозяйства, результатом которого явились замедленный темп социального развития и сохранение полукочевого образа жизни большинства населения. В результате Кердер оказался той областью Хорезма, в которой процесс феодализации начался значительно позже, чем в остальных его ча-

[284] Е. Е. Неразик. Раскопки Якке-Парсана, стр. 38—40.

[285] Там же.

[286] Все верхние полы сплошь покрыты керамикой, подклеивающейся в массе в целые сосуды, в то время как на нижних сохранившихся полах керамики почти нет.

стях. Естественно предположить, что новые порядки насаждались здесь под нажимом центральной власти. В силу всего этого Кердер, в котором более сильно сохранились общинные и патриархально-родовые традиции, принял столь активное участие в антифеодальном движении народных масс, переросшем затем в борьбу против арабских завоевателей, поддерживавших феодальные порядки. Постепенно начинают накапливаться сведения о существовании в Кердере своей собственной династии, взаимоотношение которой с афригидами еще ждет дальнейшего изучения.

Полученные археологические материалы убедительно показывают своеобразие материальной культуры населения Кердера, хотя и имеющей какие-то родственные корни с афригидской культурой Хорезма, но не растворившейся в ней. Это с наибольшей яркостью проявляется в керамике. В то же время налицо полная общность с Хорезмом в области религии и письменности. Более того, анализ рисунков и надписей на оссуариях указывает на прочные связи населения Кердера с маздеистским миром Средней Азии. Все это говорит и о большой общности духовной жизни.

В настоящее время еще недостаточно материала для установления характера этнического различия населения Кердера от населения Хорезма, но можно предположить, что оно было. Основанием этому служат своя особая материальная культура, тесно связанная с районами северной и в несколько меньшей мере средней Сыр-Дарьи, а также значительное языковое различие. В этой связи интересно еще раз напомнить сообщение Якута о том, что «население Кердера говорило на особом (не хорезмийском и не тюркском) языке»[287].

Как будет видно из последующего изложения, существование Кердера, несмотря на карательные походы арабов, не обрывается в раннем средневековье, и население его принимает активное участие в этно-культурных процессах, лежащих в основе сложения части народностей Средней Азии, в том числе каракалпаков.

---

[287] МИТТ, т. I, стр. 431.

ТОК-КАЛА в IX—XI вв.

ПОСЕЛЕНИЕ

Густо расположенные бугры, усыпанные керамикой, стеклом и обломками жженых кирпичей, — таков вид неукрепленного поселения IX—XI вв. Оно занимает всю южную часть холма. Примерно его половина занята современным кладбищем. На поселении был заложен раскоп VI площадью около 180 $м^2$. Как уже указывалось ранее, здесь были найдены помещения VII—VIII вв., но основная масса материала относится к перекрывающему их комплексу строений IX—XI вв. Вскрыто пять помещений этого времени. Все они имеют два или три пола, с которыми связана перестройка стен, однако планировка в целом на всех полах остается неизменной (рис. 34, *Б*). Комплекс сооружен поверх запустевших развалин VII—VIII вв., предварительно снивелированных. Все крупные понижения были забутованы песчаным грунтом или битым сырцовым кирпичом. Возможно, для этого разбили еще сохранившиеся остатки старых стен. На выровненном пространстве еще до сооружения помещений вкопали в ряд три больших хума. Ими пользовались недолго, а затем разбили и обломки частично разбросали тут же. Венчики, к сожалению, не сохранились. После уничтожения хумов на этой же поверхности построено помещение № 2. Его размеры 2,8×7,4 *м*. Оно перестраивалось трижды, но план и размеры его существенно не менялись. Самые ранние его, юго-западная и северо-восточная, стены сохранились лишь частично. В западном углу юго-западной стены мог быть скользящий проход в помещении № 4. Возможно, старая стена, разделяющая помещения Б и В в нижнем горизонте

использовалась в качестве суфы в помещении № 2, над полом которого она возвышалась. На этом первом полу никаких интересных деталей,

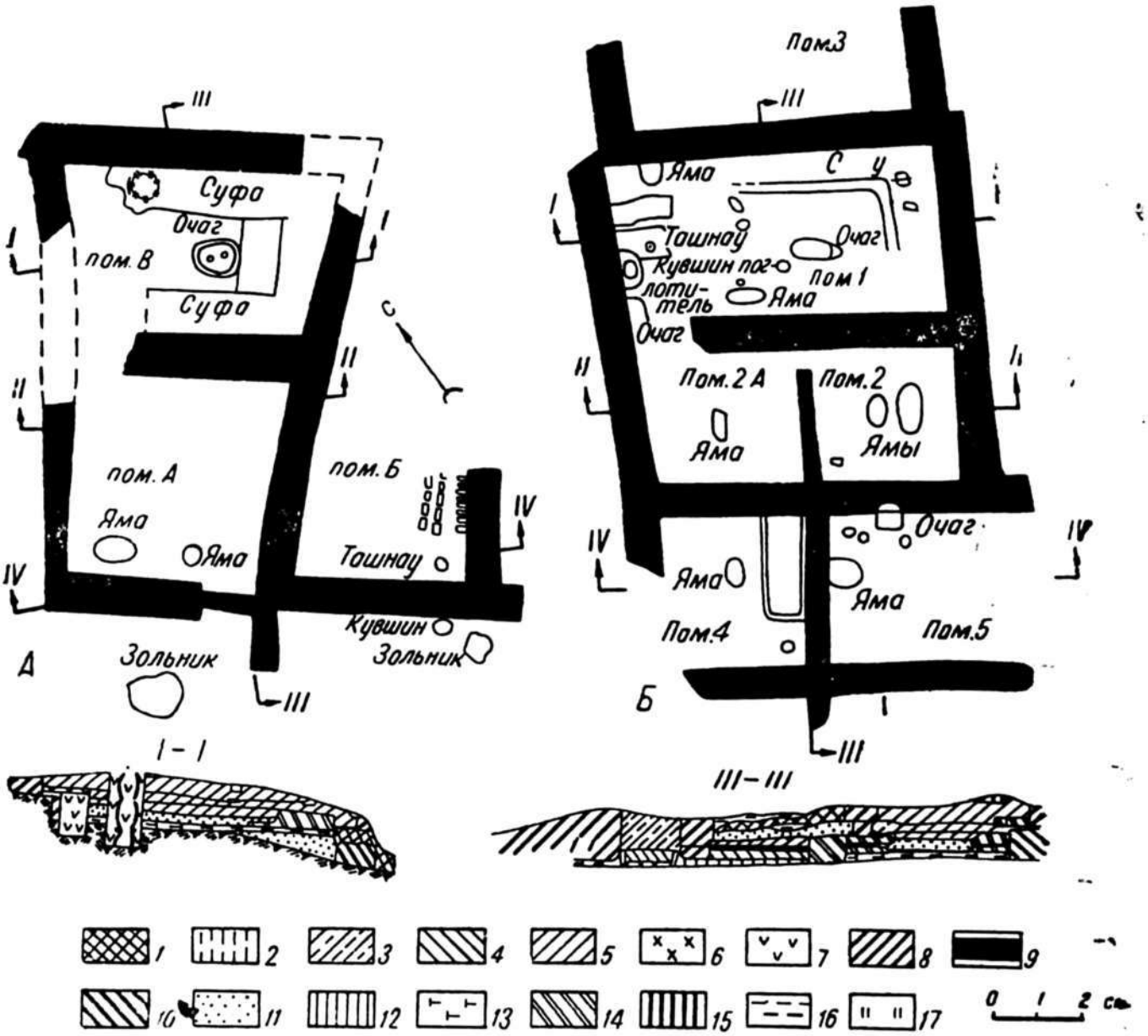

Рис. 34. Раскоп VI. Планы и разрезы.
А — план I строительного периода (VII—VIII вв.); Б — план II строительного периода (IX—XI вв.).

1 — кирпичный завал; *2* — аморфный однородный слой разрушения; *3* — перекопанный грунт; *4* — песчано-глинистый слой; *5* — забутовка битым сырцовым кирпичом; *6* — заполнение поглотителей; *7* — заполнение ям; *8* — стены IX—XI вв.; *9* — культурный слой, полы; *10* — стены VII—VIII вв.; *11* — песок; *12* — растительные остатки; *13* — песок с растительными остатками; *14* — суфы; *15* — стены верхнего горизонта; *16* — песчано-глинистые натеки; *17* — тростниковая постилка.

кроме небольшой ямы в западной части, не обнаружено. Культурный слой состоял из тростника и очень небольшого количества керамики.

При последующей перестройке или ремонте пол был засыпан слоем битого кирпича и глины, а юго-западная и северо-восточная стены перестроены и слегка сдвинуты внутрь помещения. Проход в юго-западной стене исчез. Был сделан новый в помещение 1, находившийся, вероятно, в северном углу помещения 2. Сейчас это место занято бадрабом с кирпичными стенками, относящимся к более позднему времени. Второй пол в помещении 2 густо засыпали песком и застлали тростником. Находок на нем мало. На третьем полу была заново отстроена стена между помещениями 2 и 1 и их юго-восточная стена. Помещение 2 приобрело хозяйственное назначение. В нем было выкопано несколько ям. В их заполнении и на полу попадалось много керамики и стекла. Культурный слой состоит из камышовых постилок и песчаных подсыпок с концентрированными локальными пятнами отбросов. В слое много рыбьих костей. В один из строительных периодов помещение было разгорожено пополам тонкой стенкой в полтора кирпича, поставленной прямо на полу.

Помещение 1 имеет вид вытянутого прямоугольника, размером 3,9×7,4 *м*. Его первый пол соответствует второму в помещении № 2, а второй — третьему. На первом полу никаких деталей обнаружено не было. Проход наружу мог находиться только в юго-восточной стене, но она едва сохранилась на высоту в один кирпич. По истечении некоторого времени первый пол был засыпан глиняной забутовкой (битый кирпич), юго-западную и юго-восточную стены снесли, а поверх них поставили новые, оказавшиеся сдвинутыми внутрь помещения на 20—30 *см*. На новом полу вдоль северо-восточной и юго-восточной стен с трудом прослеживается суфа. Ее край обложен кирпичами, а внутри она засыпана комковатым глинистым грунтом. Поверхность суфы не сохранилась. Восточная часть помещения была вымощена кирпичом, здесь находился очаг. При более поздней перестройке он был разбит, поэтому его конструкция восстанавливается предположительно по остаткам как аналогичная очагам в жилых помещениях предшествующего периода. Возле очага находилось углубление для золы. В середине помещения найдены две ямки от столбов, диаметром 20 и 30 *см*. В его западной части на полу находились три небольшие хозяйственные ямки. В западном углу сохранились остатки прямоугольной кирпичной вымостки, на которой разводили огонь. Рядом, прямо под стеной, в яме стоял кувшин, служивший, судя по зеленоватому губчатому заполнению в нем, поглотителем. К югу от него расположена прямоугольная плотная глиняная вымостка, наклоненная к центру с вкопанным вверх дном сосудом, тоже служившим поглотителем. Дно его пробито. С северной стороны от вымостки находилась еще одна такая же глинистая площадка. Культурный слой в помещении относительно

бедный — много золы, углей, небольшое количество керамики и рыбьих костей.

Помещение 3, расположенное к северу от первого, смыто почти полностью. Сохранились только стена, смежная с помещением 1, и остатки северо-западной и юго-восточной стен. Культурного слоя и пола практически не сохранилось. Видны только два обожженных пятна.

Помещение 4 находится к юго-западу от помещения 2. Размеры его 2,7×3,1 *м*. Вероятно, в нем, как и в помещении 2, было три пола, но сохранился только самый нижний. Выше его уровня все помещение совершенно испорчено более поздними перекопами. Верхние полы уцелели лишь небольшими участками. В первом периоде помещение имело, видимо, какое-то хозяйственное или даже производственное назначение. В восточном углу около юго-восточной стены из сырца, стандарт которого 26—28 × 26—28 × 4 *см*, сооружена своеобразная «ванна», размером 240×80 *см*. Она заглублена в пол, и ее края находятся почти на уровне пола. Кирпичи, образующие стенки, поставлены на торец несколько с наклоном наружу. Вся «ванна» тщательно обмазана. В дне имеются два аккуратных круглых отверстия, через которые мог осуществляться сток в песчаный материк.

В южном углу помещения найдена ямка от столба. Старая стена нижнего горизонта, очевидно, слегка выдавалась над полом. К ней по полу приставлен ряд кирпичей. Северо-западная стена почти не сохранилась. Это помещение в первом строительном периоде, по-видимому, сообщалось с помещением 2.

Помещение 5 расположено к юго-востоку от четвертого, с которым оно сходно по ширине. Длина его остается неизвестной, так как юго-восточная часть полностью снесена какой-то ямой. Первый пол помещения находился непосредственно на забутовке, перекрывшей нижний горизонт. У северо-западной стены помещения — большая круглая яма, слегка сужающаяся книзу, глубиной в 80 и диаметром по устью около 70 *см*. Стенки и дно покрыты штукатуркой с саманом. В обмазке дна сделаны многочисленные отверстия правильной круглой формы. Судя по заполнению, это не был поглотитель. На дне ямы найдены небольшой гончарный сосуд в виде корзиночки; стеклянный сосудик, судя по форме, химический (см. ниже рис. 37, *2*); шаровидное тулово небольшого сосудика с очень узким горлом и верхняя часть стеклянного кувшинчика со сливом (рис. 37, *3*). Внизу заполнение ямы было мягким, а сверху она забросана битым кирпичом. На полу в северо-восточной части помещения найден небольшой очажок в виде круглого углубления. Культурный слой состоял почти исключительно из золы и углей. Через некоторое время часть помещения засыпали плотным слоем глины и поверх него возле старой юго-западной стены поставили

новую, выдвинув ее на 75 *см* внутрь помещения. Были обновлены северо-западная и северо-восточная стены, которые поставили почти на старые места. В северо-восточной стене был сделан очаг типа камина. Выяснить его конструкцию не удалось, так как он разбит более поздней поглотительной ямой. В северном углу помещения находилась небольшая круглая очажная ямка с углями и золой.

Описанный строительный комплекс выявлен частично, так как с краев он разрушен смывом и более поздними порубками. Сверху помещения перекрыты кирпичной забутовкой, на которой были возведены строения совсем иного плана. От них сохранились только небольшие обрывки стен, не дающие никакого представления о всей планировке, отдельные пятна пола, вкопанные сосуды, использовавшиеся в качестве очагов и жаровен, и очень большое количество поглотительных устройств. Эти последние бывают совсем маленькие в виде перевернутого кувшина с выбитым дном и огромные, состоящие из двух-трех хумов, поставленных друг на друга, и прорезающие все культурные наслоения. Два поглотителя, круглый и четырехугольный, обложены жженым кирпичом. Часть поглотителей имеет вид цилиндрических ям с керамикой и обломками жженых кирпичей на дне. Весь материал верхнего горизонта получен из этих поглотителей и относится к IX—XI вв.

Остатки строений того же времени найдены и на территории восточного двора раннесредневекового поселения. Здесь было построено много крупных домов, сохранившихся в виде высоких останцов. Все они были сильно попорчены до раскопок какими-то ямами. На раскопе II сохранился такой останец над раннесредневековым помещением 8. Несмотря на значительный объем раскопочных работ в этом месте, результат их оказался очень скромным[1]. Вскрыт пахсовый цоколь, возведенный под стены двух каких-то крупных помещений. Но стены и полы почти не сохранились, они были снесены при более поздних перестройках. По остаткам стен и кладок можно говорить о трех ремонтах или перестройках; восстановить их планировку даже частично не удалось, а все культурные отложения оказались полностью выбранными. В переотложенном состоянии было собрано незначительное количество маловыразительной керамики, датируемой в целом IX—XI вв.

Остатки культурных слоев этого же времени найдены на раскопе II и в других местах. Над помещением 4 Б VII—VIII вв. в завале было вырублено помещение 6. Срезы завала, являвшиеся его стенами, были покрыты штукатуркой. Культурный слой не сохранился, все помещение было заполнено навеянным песком. Только на полу найдено немного керамики, также датируемой IX—XI вв. В западном углу

---

[1] Нижний слой не был затронут поздним перекопом, поэтому в нем вскрыты помещения № 8 и № 9, культурные слои в которых сохранились сравнительно полно.

находился очаг, обложенный поставленными на торец кирпичами с тамгой в виде одной полосы, проведенной пальцем посредине кирпича. В завале над помещениями 4 А и 5 найдена свалка различного мусора с керамикой того же времени. Поверх слоя мусора сохранились незначительные остатки какой-то кладки и пола. Керамики здесь найдено значительно больше.

При повторном обживании восточного двора его внешние стены подверглись некоторой переделке и ремонту. Местами их отремонтировали пахсовыми блоками. Такими блоками сложены участок стены, поставленный поверх башни восточного угла античного городища, и подпорная стена, укрепляющая снаружи юго-восточную стену двора.

Южный угол и отходящая от него стена южного двора ремонтировались и надстраивались несколько раз. В строительстве применялась не только пахса, но и сырцовые кирпичи, размером 27—29×27—29×5—6 *см*. На территории бывшего южного двора также было построено много крупных домов, сохранившихся в виде бугров различной высоты и конфигурации. Все они сильно попорчены до раскопок какими-то ямами. Следов укреплений этого времени здесь нет.

Керамика из всех описанных выше слоев раскопа II, как и материал второго периода жизни на раскопе VI, представляет собой единый, четко датируемый комплекс, в котором грубая лепная посуда сосуществовала с высококачественной продукцией гончарных мастерских.

Лепная керамика распространена довольно широко и распадается на две различные группы. Первую составляют сосуды, абсолютно аналогичные лепной посуде, описанной в предыдущей главе (рис. 35, *21, 22*). Никакой разницы в формах, орнаментации, выделке не наблюдается. Сохраняется напольный обжиг. Найдены горшки с насечками на венчике, чернолощеные кувшины с прочерченным линейно-геометрическим орнаментом и белой инкрустацией, курильницы, сковороды, вылепленные на просе, и сегментовидные крышки с загнутыми кверху краями[2].

Вторую группу составляют кухонные горшки (рис. 35, *11, 12*), широко распространенные на средневековых памятниках Хорезма в IX—X вв. Характерной их особенностью являются добавление в тесто в качестве отощителя мелкой дресвы, светлосерый в изломе цвет черепка и сплошное покрытие черноватым ангобом. Все горшки этого типа с Ток-калы имеют округлую, почти шаровидную форму. Дно плоское со следами песчаной подсыпки. Шейка у сосудов отсутствует.

---

[2] Целиком сохранилась крышка несколько иного типа (рис. 35, № 26), известного по материалам раскопа II только в мелких обломках.

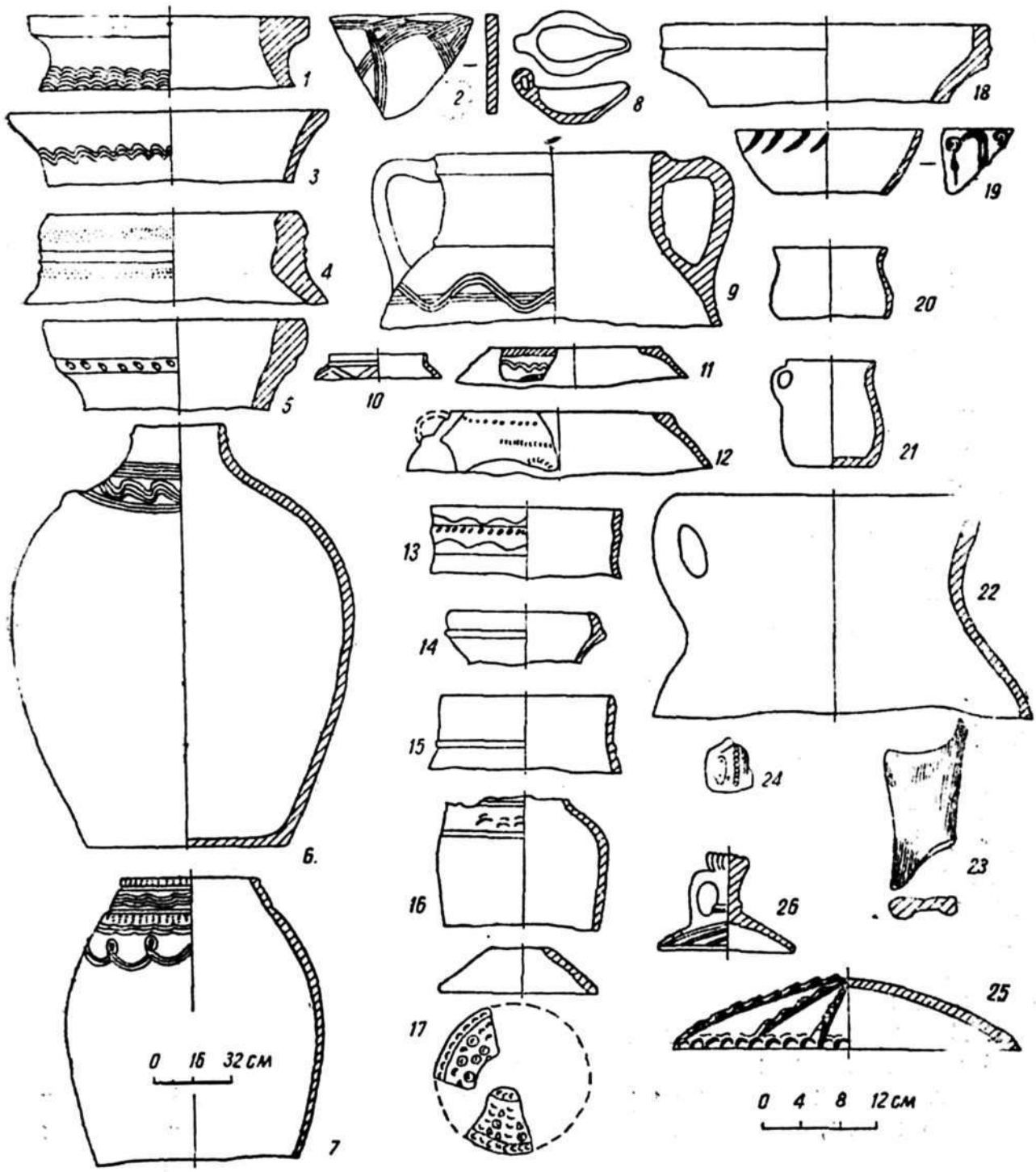

Рис. 35. Керамика Кердера IX—XI вв..
1—10, 13—15, 18—20, 24— изготовлены на круге;
11, 12, 16, 17, 21, 22, 26, 25 — изготовлены вручную.

Плоский венчик лежит прямо на плечиках. Небольшие ручки помещены в самой верхней части сосуда. Орнамент состоит из насечек и защипов прямо на сосуде или на налепных полосках, которые располагаются арочками в верхней части сосуда. Единичной является находка лепного кувшина, выполненного таким же образом. Его полная форма неизвестна (рис. 35, *16*). Керамика этого типа обожжена в печах.

Ремесленная керамика, сделанная гончарами на станке, составляет всю прочую посуду.

Хумы (рис. 35, *1, 3, 4, 5, 7*) представлены несколькими формами, но не все они восстанавливаются полностью. Тесто с примесью гипса красное, реже беловатое. Красные хумы покрыты белым ангобом. У хумов яйцевидной формы верхняя часть тулова украшена линейно-волнистым узором, выполненным зубчатым штампом (рис. 35, *2, 7*). Хумы такого типа известны на Куня-Уазе в слое IX в., на Кават-кале и на Замахшаре, а также в подъемном материале с Хайван-калы и Гяур-калы Миздахканской[3].

Другие хумы с резко профилированным венчиком и четко выраженной горловиной представлены обломками только верхних частей (рис. 35, *1, 3, 4, 5*). Орнаментация на их венчиках имеет вид ряда вдавлений, наколов или волнистой полосы, выполненных зубчатым штампом. Есть все основания рассматривать их в качестве переходных форм от хумов афригидского периода к формам развитого средневековья.

Кувшины (рис. 35, *6*) представлены сосудами различных размеров. Среди наших находок целых экземпляров нет. Форма тулова может быть округлой или вытянутой с покатыми плечами. Всегда имеется ручка. Орнамент на плечиках в виде горизонтальных или волнистых полос (или их комбинаций) наносился зубчатым штампом. Большинство сосудов покрыто снаружи светлым ангобом, нижнюю часть тулова часто по вертикали подрезали ножом. Все эти признаки характерны для кувшинов IX—XI вв. южного Хорезма. Отдельно найдены массивные пластинчатые ручки кувшинов (рис. 35, *23*), иногда с желобком посредине и резким перегибом в верхней части книзу. Верхний край ручки сливается с венчиком. Кувшины с такими ручками Н. Н. Вактурская датирует IX в.[4]

В одной из ям на верхнем полу помещения 2 найден небольшой белый кувшинчик с высоким узким горлом и ручкой (рис. 36, *6*). Тесто кремового цвета, чистое, выделка очень тщательная, тонкая. Верхняя

---

[3] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), ТХАЭ, т. IV, стр. 273—276.

[4] Там же, стр. 176.

часть сходного сосуда найдена на Куня-Уазе, где он датирован IX в.[5] Аналогичные сосуды найдены в Мерве в слоях X в.[6] и Шахрисябзе

Рис. 36. Керамические изделия Кердера IX—XI вв.

---

[5] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой.., рис. 18, № 15.
[6] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 231, рис. 8 (крайний справа).

IX—X вв.[7] Вероятно, к кувшинам следует отнести и два сосуда с удлиненным прямым горлом. Их полная форма не восстанавливается. Один из сосудов (рис. 35, *13*) имеет темно-серый черепок хорошего качества, снаружи залощен и украшен прочерченным орнаментом. Второй (рис. 35, *14*) беловатого цвета с резкой профилировкой венчика. Они очень близки к кувшинам IX в. из Куня-Уаза[8]. В форме кувшина выполнено керамическое изделие, возможно игрушка, от которого сохранилось узкое горло со сливом и ручкой, вылепленное сплошь, без пустоты внутри.

Миски найдены в очень небольшом количестве. Полностью известна форма лишь небольшой мелкой плошки без поддона (рис. 36, *4*). Она сделана из хорошей глины беловатого цвета. Имеются и более сложные формы (рис. 35, *18*), но они целиком не реконструируются. Найден обломок небольшой глазурованной мисочки с прямыми краями. Полива поташная, мутно-белая. Видимо, была роспись в виде зеленоватых пятен. Снаружи сосуд покрыт белым ангобом. Полива и росписи такого типа известны по всей Средней Азии, а в Хорезме они датируются IX—X вв.[9]

Столовые горшки (рис. 35, *10, 15, 20*) имеют тонкий чистый черепок, кремовый или ярко-розовый. Часто для покрытия с внешней стороны применялся белый ангоб, значительно реже — красный. Удалось восстановить всего несколько форм. Среди них белые сосуды с прямой горловиной и двумя ручками, прикрепленными к венчику и плечикам. На венчике снаружи бывает ложбинка, а горловина отделена от тулова небольшой бороздкой или выпуклым ребром (рис. 35, *15*). Плечики могут быть украшены таким же линейно-волнистым орнаментом, как и кувшины. Подобной формы белый горшок с двумя ручками был найден в слое IX в. на Куня-Уазе[10]. Сходные горшки известны в Мерве во второй половине X — начале XI в.[11], но здесь, как правило, они покрыты зеленой поливой[12].

Найден один целый горшок (рис. 36, *3*), покрытый снаружи красным ангобом. Черепок у него красноватого цвета, звонкий, хорошего качества. Тулово шаровидное, прямая горловина кончается простым вертикальным краем. На маленьком днище имеется дисковидный поддон. Орнамент, покрывающий плечи сосуда, состоит из сквозных треугольников. Очевидно, сосуд имел декоративное назначение. Сходные

---

[7] С. К. Кабанов. Археологическая разведка в верхней части долины Кашка-Дарьи, ТИИА АН УзССР, вып. 7, 1955, стр. 110, рис. 25а.

[8] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой.., рис. 18, 13, 14.

[9] Там же, стр. 285—286.

[10] Там же, рис. 18, № 28.

[11] С. Б. Лунина. Указ. соч., стр. 241, рис. 12 (в левом нижнем углу).

[12] Там же, стр. 242.

по форме беловатые горшки с резным (но не сквозным) орнаментом были найдены в слое IX в. на Куня-Уазе[13].

К декоративной посуде, вероятно, следует отнести и небольшую керамическую корзиночку. Она была сделана на круге в виде довольно глубокой усеченно-конической миски, а затем смята с боков и снабжена петлевидной ручкой.

Крышки сосудов (рис. 35, *17, 25*) в большинстве имеют форму дисков, которая не требовала работы на гончарном круге и изготовлялась вручную. На имеющихся у нас фрагментах ручки не сохранились. Сверху по краю крышки украшены защипами или волнистыми полосами, проведенными пальцем через всю крышку (рис. 35, *26*). Применялся, видимо, и штамп (рис. 35, *17*). Реже встречаются крышки в форме сегмента шара, украшенные налепными жгутами с защипами (рис. 35, *25*). Вероятно, крышкам принадлежали обломки двух зооморфных ручек в виде головок баранов (рис. 36, *7 А, Б, 8 А, Б*) из довольно грубого темного теста.

К числу изделий, назначение и полная форма которых остались неясными, относятся четырехугольный массивный сосуд, резко сужающийся книзу (рис. 36, *2*); стенка с круглым отверстием у дна, вероятно, тоже прямоугольного изделия, украшенная по краю венчика витой оттянутой полоской, а также фрагменты каких-то грубых массивных изделий типа хумов, но с краем, дающим прямой угол.

Поливные изделия единичны, представлены только обломками. Отмечена беловатая и зеленая поташная глазурь. В одном из бадрабов найдены три светильника в виде маленькой круглой плошки с носиком для фитиля и круглой ручкой-петелькой (рис. 35, *8*). Все они покрыты зеленой поливой. Это изделие является типичным для керамики X—XI вв.[14] и в южном Хорезме позднее не встречается. Столь же характерен для этого времени и фрагмент крупной открытой поливной миски с подглазурной коричнево-красной росписью по белому фону (рис. 35, *19*). Орнамент на ней в виде стилизованной надписи, снаружи по краю миски коричневые косые полоски. Имеется еще несколько мелких обломков подобных мисок. Такая роспись глазурованных сосудов характерна для Хорезма X—XI вв.[15] Фрагменты сосудов с поливой этого типа найдены только в поглотительных ямах верхнего горизонта.

Характеризуя круговую керамику жилого комплекса на раскопе VI, нужно отметить, что большинство ее форм находят себе весьма близкие аналогии в Самарканде, Бухаре, Мерве и других районах

[13] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой.., стр. 279, рис. 3, № 3, 5; стр. 280.

[14] Там же, рис. 18, № 49.

[15] Там же, стр. 289, рис. 11; стр. 291, рис. 13.

Средней Азии, в том числе на памятниках южного Хорезма. Собранная нами коллекция очень немногочисленна; все черепки, как правило, разрознены, почти не подклеиваются, поэтому целые формы восстановить

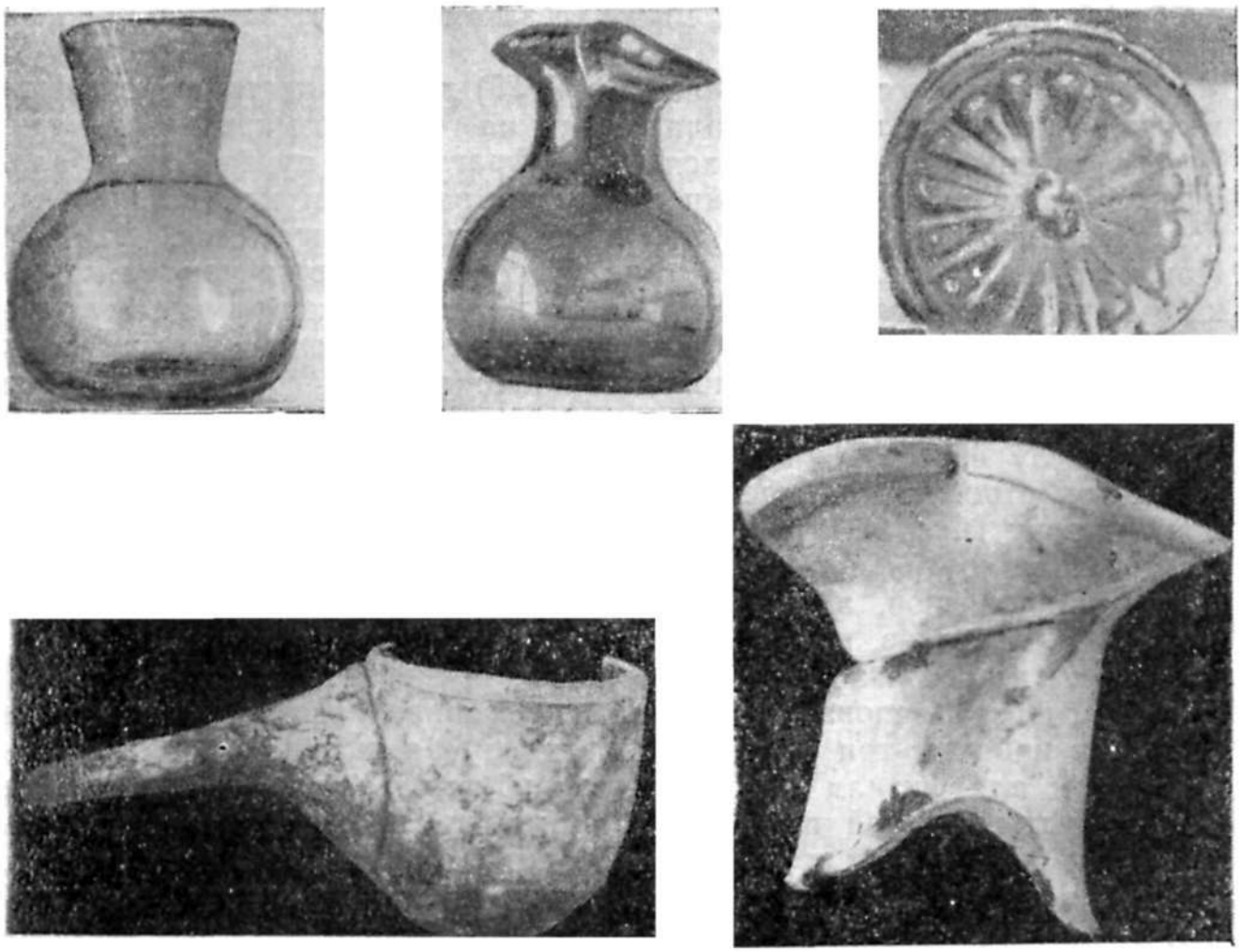

Рис. 37. Стеклянные изделия IX—XI вв.

трудно. Исключение составляет только несколько целых сосудов с верхнего пола помещения 2. Все это не позволяет собранному материалу стать предметом специального анализа. На его основе можно только констатировать, что поселение существовало с конца IX по XI вв. включительно[16]. На основании сравнения с керамикой южного Хорезма [17] вверх этой датировки следует сузить до начала XI в. Такое суже-

[16] При определении времени жизни поселения, к сожалению, не удалось использовать довольно многочисленные монеты с раскопа VI, так как все они оказались слишком окислившимися, и восстановить их не удалось.

[17] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой.., стр. 268.

ние датировки, как мы увидим ниже, находит подтверждение и в исторических источниках и связано с изменением русла Аму-Дарьи. В подъемном материале встречается керамика XII—XIII вв. Отдельные фрагменты этого времени попадаются у подножия Токтау, с его восточной стороны. На средневековом же поселении керамика этого типа не обнаружена. Таким образом, нет основания предполагать, что какая-то часть поселения просуществовала дольше, чем строение, вскрытое раскопом VI.

Для всего слоя IX—XI вв. характерно широкое распространение стеклянных изделий (рис. 37). Найдены два целых флакончика, стеклянная четырехугольная коробочка, несколько донышек сосудов с оттиснутым на них рельефным орнаментом, а также фрагмент стенки какого-то изделия, сплошь покрытый рельефным орнаментом. Выше упоминался химический сосудик, известны обломки высокого, очень тонкого стакана, фрагменты оконного стекла и много обломков сосудов, форма которых осталась неизвестной.

Из иных находок стоит упомянуть только железную лопатку (рис. 12, *13*), железный наконечник стрелы (рис. 13, *13*) и костяной гребень с двумя процарапанными надписями, выполненными арабским шрифтом (рис. 38).

В описанном керамическом комплексе привлекает к себе внимание широкое распространение керамики кердерского типа[18] в тех же формах, которые характерны и для VII—VIII вв. То же самое явление повторяется в синхронных слоях Хайван-калы и в материале с Крантау[19]. Это свидетельствует о том, что арабское завоевание, хотя и оказалось сильным потрясением для района правобережной дельты[20], не прервало общего хода его развития. Еще несколько веков здесь сохранялось своеобразие местной материальной культуры, хотя и с преобладанием общехорезмийских керамических форм IX—XI вв., известных и в южном Хорезме, и в левобережной, и правобережной дельте. Эти чисто археологические данные полностью соответствуют сведениям письменных источников. Кердер как особая местность в Хорезме со своеобразным языком или диалектом известен еще накануне монгольского нашествия, в начале XIII в. Выше уже упоминалось сообщение Якута о своеобразном языке населения этого района. Упоминание города Кердера поздней конца X в. не встречается, а археологический материал во вскрытых слоях на Хайван-кале (Кердере), как и на

---

[18] В. Н. Ягодин. Археологические памятники.., стр. 11—12.

[19] Там же, стр. 10.

[20] Не исключено, что именно с какими-то событиями антиарабской борьбы связано и прекращение жизни на Куюк-кале и Курганче, на которых слоев IX—XI вв. не имеется.

Ток-кале, датируется IX—XI вв.[21] В X в. в связи с происшедшим к этому времени перемещением в западную часть дельты основного русла Аму-Дарьи[22] водоснабжение Кердера (города и области) начинает

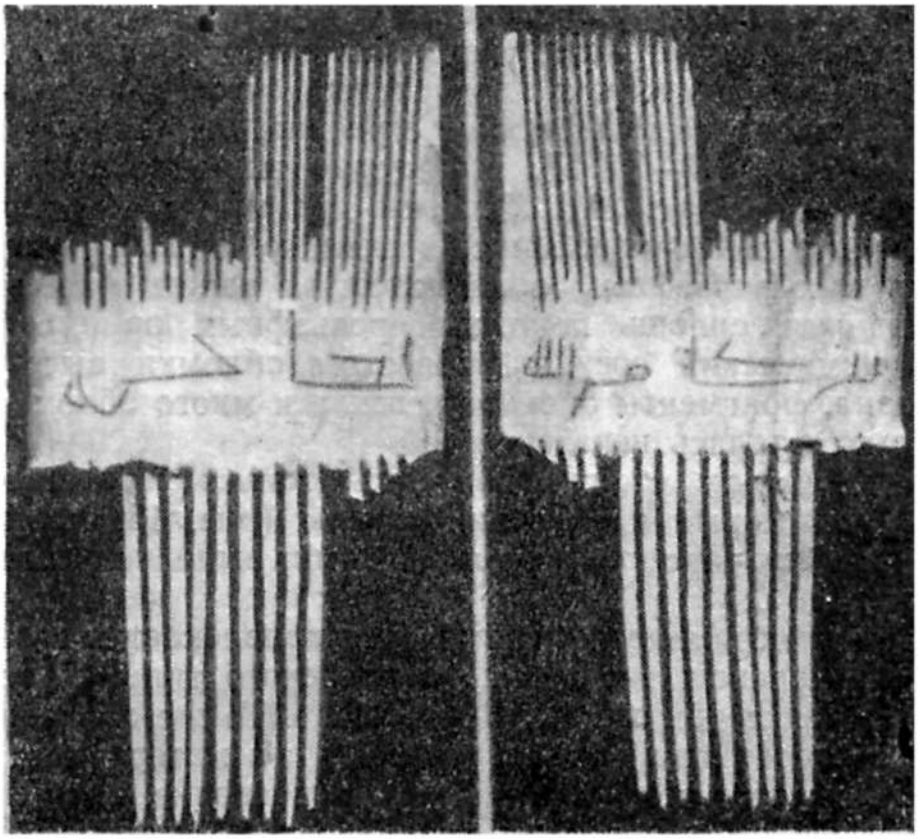

Рис. 38. Костяной гребень IX—XI вв. с надписями.

осуществляться через канал Кердер, названный у ал-Истахри[23] и ал-Макдиси[24] Позднее этот канал не упоминается.

Суммируя археологические и исторические данные, можно сделать вывод, что, хотя особая местность Кердер известна вплоть до монгольского нашествия, расцвет жизни в ней кончается в XI в. Вероятно, лучше говорить не об XI в. в целом, а сузить эту датировку до рубежа X—XI вв. или начала XI в. и связать постепенное затухание жизни в правобережной дельте с перемещением главного русла Аму-Дарьи к западу. В правобережной дельте известно только городище

---

[21] Любезно сообщено мне В. Н. Ягодиным.

[22] В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., Известия Туркестанского отдела Русского географического общества, VI, Научные результаты Аральской экспедиции, вып. 2, Ташкент, 1902, стр. 39.

[23] МИТТ, т. I, стр. 179.

[24] Там же, стр. 189.

Кокча-кала, дающее керамический материал IX—XV вв.[25] Видимо, монгольское завоевание прервало окончательно жизнь в правобережной дельте.

Центр жизни в дельте перемещается в ее западную часть, где в IX—X вв. возникает большой густонаселенный район с развитой ирригационной сетью, многочисленными селениями и несколькими городами (городища Мончаклы, Бограхан; Пульжай — крепость, город и рустак и др.). Для нас важно то, что в слоях IX—XI вв. на этих памятниках полностью отсутствует керамика кердерского типа[26]. Следовательно, освоение этого района произошло не за счет перемещения сюда населения правобережной дельты или же, если такое переселение и имело место, оно не было массовым, и переселившиеся жители Кердера утратили свою специфическую материальную культуру. Это явление без сомнения представляет интерес с точки зрения этнических процессов, происходящих в описываемое время.

На территории Кердера в IX—XI вв. число крупных поселений и городов по-прежнему остается незначительным[27]. Большого развития достигает только центр области Кердер, состоявший из укрепленного города и крупных пригородов[28]. Относительно крупное поселение должно было находиться на возвышенности Крантау, подъемный материал с которой датируется в целом VI—XI вв.[29] По мнению В. Н. Ягодина, оно может быть отождествлено с селением Вардараг[30]. Поселение же на Ток-кале, по данным письменных источников, удается отождествить с Дарсаном, что впервые было предложено Я. Г. Гулямовым[31]. Такое слабое развитие городской жизни даже по сравнению с западной частью дельты связано с отходом реки на запад и с тем, что Кердер в это время оказался в стороне от основного торгового пути, ведшего из Хорезма через Устюрт к огузам и в Поволжье.

Сохранение населением Кердера в IX—XI вв. своей лепной своеобразной керамики свидетельствует о том, что к этому времени оно еще не растворилось полностью в окружавшей среде. В силу этого, населе-

---

[25] А. В. Гудкова, В. Н. Ягодин. Археологические исследования.., стр. 265.
[26] В. Н. Ягодин. Археологические памятники.., стр. 13.
[27] Из-за перемещения главного русла Аму-Дарьи на запад в правобережной части дельты оказался г. Миздахкан (городище Гяур-кала возле Ходжейли. А. Ю. Якубовский. Городище Миздахкан, Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, Л., 1930, т. V, стр. 552—557) и его большой хорошо развитый рустак. О степени его связи с Кердером судить трудно, пока здесь не произведены достаточные раскопки.
[28] В. Я. Ягодин. К вопросу о локализации Кердера.., стр. 71.
[29] А. В. Гудкова, А. Н. Ягодин. Археологические исследования.., стр. 263.
[30] В. Я. Ягодин. К вопросу о локализации Кердера.., стр. 71.
[31] Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 150.

ние Кердера, видимо, сыграло некоторую, пусть не очень большую, но самостоятельную роль в этнических процессах того времени.

С VII в. в исторических источниках начинает фигурировать народ огузы. Впервые под именем гэ-са огузы упоминаются к северо-востоку от Хорезма, т. е. в низовьях Сыр-Дарьи, в китайской хронике Тан-шу[32]. В арабской географической литературе огузы впервые названы ал-Белазури в связи с описанием событий 30-х годов VIII в.[33], вероятно, в районе Дахистана. Но уже последующие авторы подробно описывали огузов на Сыр-Дарье. Сведения об их образе жизни противоречивы. Ибн Фадлан, сам побывавший у огузов в этом районе[34], ал-Якуби[35], ал-Масуд[36] и другие описывают огузов как кочевников, постоянно перемещавшихся с места на место и живущих в юртах. Анонимный автор рукописи «Худуд ал-алем» подчеркивает, что у огузов нет никаких городов. В то же время Махмуд Кашгарский и ал-Идриси[37] пишут о городах гузов и их оседлом быте. Видимо, в этом противоречии источников отразилось реально существовавшее различие между разными этническими компонентами, вошедшими в огузское объединение и стоявшими на различных ступенях развития[38] Огузы IX—XI вв. не были единым целым, а представляли собой пестрый этнический конгломерат, в котором можно выделить две основные группировки: с одной стороны, это потомки древнего местного ираноязычного населения дахо-массагетских и сармато-аланских племен[39], с другой — тюрко-монгольских племен из Центральной Азии, передвинувшихся в Приаралье и степи Казахстана во времена Тюркского каганата. Весьма знаменательно, что центром огузского объединения стал район древней оседлой культуры на нижней и средней Сыр-Дарье со столицей в Янгикенте, нижние слои которого принадлежат культуре «болотных городищ».

Археологические материалы не показывают какого-либо перерыва или резкого изменения в развитии сырдарьинских городов между предшествующим периодом и временем огузов. Это указывает на ту большую роль, которую сыграло местное оседлое население в формировании огузов. На эту преемственность огузской культурой традиций на-

---

[32] Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 315.
[33] МИТТ, т. I, стр. 78.
[34] Там же, стр. 159.
[35] Там же, стр. 149.
[36] Там же, стр. 166.
[37] Там же, стр. 311, 220.
[38] С. П. Толстов. Города гузов.., стр. 70—71.
[39] С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, 1938, № 1, стр. 199.

селения Восточного Приаралья не раз указывал С. П. Толстов[40]. В составе огузских племен ему удалось выделить два племени — дюкер и языр, — являвшихся осколками древнего индоевропейского населения Приаралья[41].

Этническая и историческая связь населения Кердера с районом нижней и средней Сыр-Дарьи позволяет предположить, что оно также приняло участие в огузском этногенезе. По сообщениям источников, к концу IX — началу X в. огузы расселились на огромной территории. Граница ее с мусульманским миром в Средней Азии, по словам ал-Истахри, проходила от Тараза по дуге через Фараб, Сюткенд, самаркандский Согд, район Бухары и Хорезма до Хорезмского, т. е. Аральского моря[42]. В «Худуд ал-алем» сообщается об Аральском море: «Вокруг него все места принадлежат гузам»[43]. Это позволяет предположить, что огузы жили и в низовьях Аму-Дарьи. Западная часть дельты представляла собой развитый район, защищенный от огузов с Устюрта цепью крепостей и взаимно просматривающихся сигнальных башен по чинку (обрыв Устюрта). Города Гит и Ургенч были местами постоянной торговли с огузами. В целом же отношения Хорезма с огузами были далеко не мирными. Источники изобилуют упоминаниями о военных столкновениях между ними.

Восточная же часть дельты, т. е. Кердер, со стороны низовий Сыр-Дарьи, где находился политический центр огузской конфедерации, ничем не была защищена. Видимо, этот район, населенный племенами, родственными населению низовий Сыр-Дарьи, находился под постоянным воздействием огузов; тем более что бассейны Кувандарьи и Жанадарьи входили в пределы огузского государства[44]. В процессе ассимиляции население Кердера очень долго сохраняло элементы своего этнического и языкового своеобразия. Об этом говорит и уже упомянутое сообщение Якута о языке населения этой области, и полное отсутствие в топонимике дельты в IX—XI вв. названий тюркского происхождения. Своеобразным воспоминанием о Кердере является название одного из родов казахского племени джеты-ру — кердери[45]. Выше упоминалось, что при перемещении главного русла Аму-Дарьи к западу часть населения Кердера могла тоже передвинуться к западу. Проехавший в конце X в. через Хорезм ибн-Фадлан сообщает: «Около же

---

[40] С. П. Толстов. По следам.., стр. 245; Он же. Города гузов.., стр. 101; Он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949—1953 гг..., стр. 12.

[41] С. П. Толстов. По следам.., стр. 245.

[42] BGA, т. I, Lugduni Batavorum, 1870, стр.286—287.

[43] МИТТ, т. I, стр. 210.

[44] С. П. Толстов. По следам.., стр. 249.

[45] Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, СПб., 1832, стр. 8.

[ал-Джурджании] есть селение на [расстоянии] дня [пути], называемое Ардаку. Население его называется ал-Кардалия»[46].

В настоящее время общепринятым является мнение о первостепенной роли огузов в сложении туркмен после их перемещения в южные районы Средней Азии. В арабской географической литературе термин «туркмен» впервые употребляется у ал-Макдиси[47]. Первоначально им обозначали и огузов, и карлуков, но затем он закрепляется только за огузами, и постепенно название «огузы» вытесняется названием «туркмены»[48]. В этой связи следует обратить внимание на то, что туркмены зафиксированы в низовьях Аму-Дарьи. Автор XII в. Марвази пишет: «После того, как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами. Между ними и теми из гузов, которые не приняли ислама, началась вражда... Мусульмане взяли верх, вытеснили их и прогнали из Хорезма в сторону кочевок печенегов»[49]. Это сообщение совпадает со сведениями ал-Масуда в «Китаб ат-танбих» и Константина Багрянородного в книге «De administrando imperio»[50]. У Абул-гази в «Родословной туркмен» упоминается туркменский род кара-ойли, который «обосновался на берегу реки Аму, близ Аджи-Тенгиза»[51]. По комментарию издателя под Аджи-Тенгизом следует понимать Аральское море[52]. В обоих случаях речь, скорей всего, идет о северном Хорезме.

В целом все приведенные сведения очень разрознены, неполны и косвенны, что делает построенные на них выводы предположительными. Тем не менее, на наш взгляд, они все же дают некоторое представление об участии населения Кердера в этногенезе приаральских огузов и через них — туркмен, хотя степень этого участия еще неизвестна полностью. Несомненный интерес история населения Кердера представляет для изучения проблемы этногенеза каракалпаков. Древнейшие этапы этого процесса С. П. Толстов связывает с доогузским населением Восточного Приаралья и, в частности, «болотных городищ»[53], с ко-

---

[46] МИТТ, т. I, стр. 156.

[47] МИТТ, т.I, стр. 185.

[48] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, сб. „Туркмения", Л., Изд-во АН СССР, 1929, т. 1, стр 5—6.

[49] Sharaf al Zaman Tahir Marvazi, arabic text by V. Minorsky Lnd, 1942, стр. 18. (Перевод А. Ю. Якубовского. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, № 3, стр. 51)

[50] Там же.

[51] А. Н. Кононов. Родословная туркмен, Сочинение Абул-гази хана хивинского, М. — Л, 1958, стр. 77.

[52] А. Н. Кононов. Указ. соч., комментарий 182.

[53] С. П. Толстов. Города гузов.., стр. 99, 101—102. Им же установлено, что на ранних этапах формирование каракалпаков и туркмен происходило совместно и на одной территории (Там же, стр. 95—97).

торыми, как было показано выше, население Кердера имело несомненные связи. Т. А. Жданко в своих специальных исследованиях по этногенезу каракалпаков, основанных на богатейшем археологическом и этнографическом материале Хорезмской экспедиции, пришла к выводу, что именно в этнической среде печенежских и огузских племен VII—XI вв. началось формирование каракалпакской народности[54]. По ее мнению, название каракалпакского рода «джабы» связано с титулом правителей огузов — ябгу[55]. У каракалпаков известны исторические предания об их жизни в низовьях Сыр-Дарьи совместно с туркменами[56].

Таким образом, материалы IX—XI вв. с городища Ток-кала дают некоторые новые сведения об этнических процессах этого времени.

НЕКРОПОЛЬ

Люди, жившие на холме Токтау в IX—XI вв., хоронили своих умерших на территории зороастрийского могильника предшествующего периода. При благоприятном косом освещении вечером примерно на половине площади некрополя на поверхности земли просматриваются захоронения этого времени в виде узких овальных углубленных глинистых пятен. На остальной части некрополя захоронения перекрыты довольно толстым слоем песка и хорошо видны в обрезе случайных современных ям. На раскопках IV и V вскрыто всего 62 захоронения, включая и детские. Кроме того, при зачистке северо-восточной стены восточного двора снаружи под стеной было найдено два захоронения этого же времени.

Устройство могил, несмотря на частные отклонения, может рассматриваться как однотипное. В наиболее полном виде конструкцию могилы удалось установить всего в нескольких случаях. Сооружали ее так: выкопав прямоугольную яму, вплотную к ее стенкам ставили обкладку из сырцового кирпича, размером 26—30×26—30×6—8 *см*, положенного плашмя на растворе. Высота обкладки колеблется от 2 до 6 кирпичей. Внутри нее получалась щель или своеобразная камера, шириной в 30—50 и глубиной до 50 *см*. Все это сооружение мы условно называем цистой (рис. 39). В нее прямо на дно ямы или в небольшое углубление в нем клали умершего, но не засыпали землей. Цисты перекрывали большими положенными плашмя без раствора кирпичами

---

[54] Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 104.

[55] Т. А. Жданко. Проблемы этногенеза каракалпаков, Доклады на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже в 1960 г., КСИЭ, вып. 36, 1962, стр. 9; Она же. Каракалпаки Хорезмского оазиса, ТХАЭ, т. I, стр. 480.

[56] Она же. Каракалпаки Хорезмского оазиса.., стр. 480.

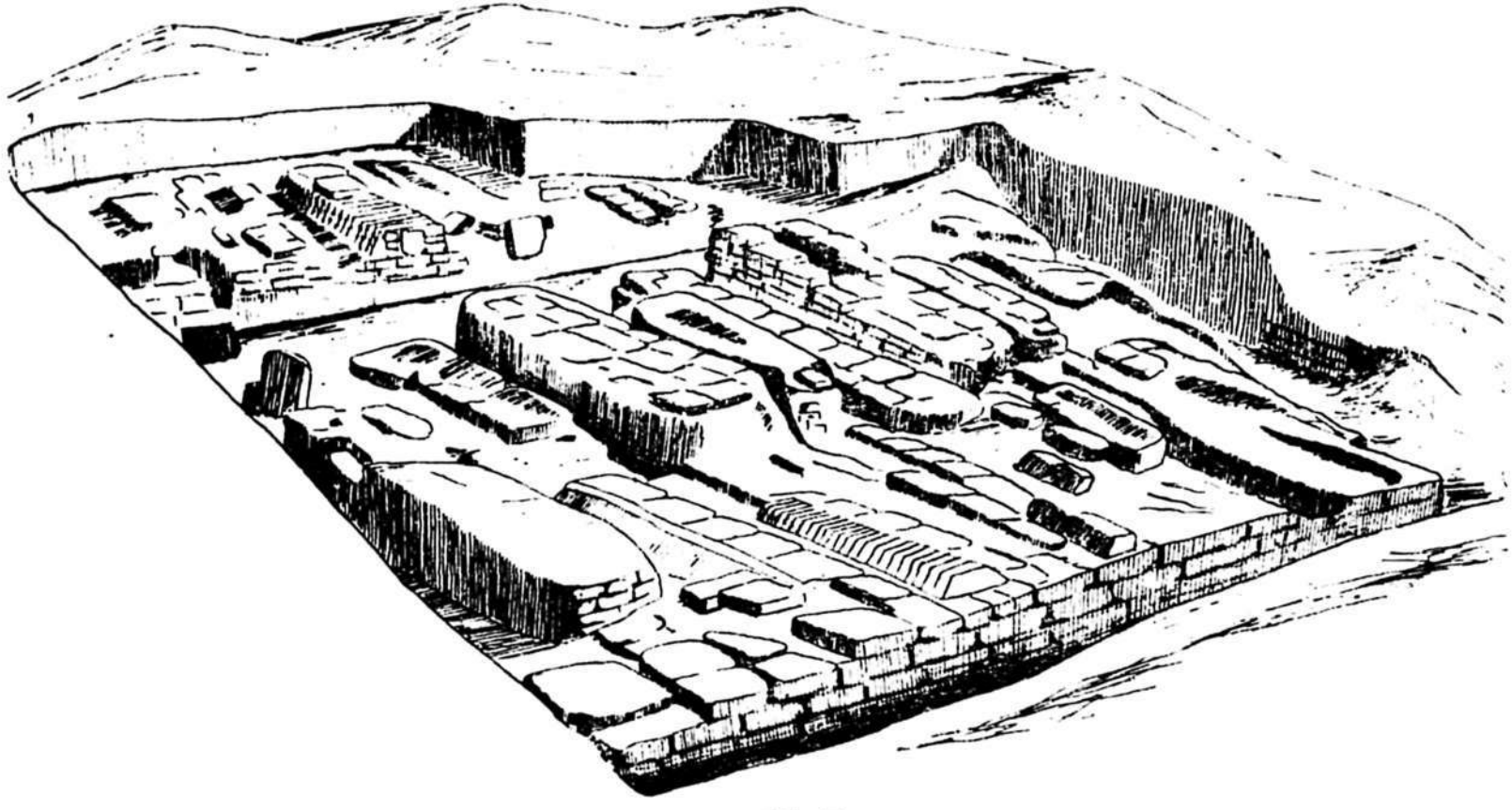

Рис. 39. Раскоп IV. Горизонт цист.

размером 47×26×5 *см*. Иногда большие кирпичи применяли и в обкладке цист, особенно на их концах. При этом делали с внутренней стороны кирпича округлый выем. Возможно, уже после перекрытия цисты кирпичами ее засыпали сверху землей. Однако проследить это с полной очевидностью не удалось, так как все вскрытые цисты были в какой-то мере размыты сверху. Цисты заполнены натечным глинистым грунтом. Могут быть отклонения от общепринятой формы захоронения. Кирпичную кладку цисты выводили над ямой. В этом случае яма соответствовала камере цисты. В редких случаях ее вообще не выкапывали, а обкладку выводили на поверхность земли. Получалось сооружение, напоминающее современные мусульманские сагана. Столь же редко захоронение производили в узкой грунтовой яме без обкладки, но перекрытой сверху крупными кирпичами, опирающимися на края ямы. В двух случаях отмечено перекрытие цист кирпичами, не положенными плашмя, а поставленными на торец. Детские захоронения производились таким же образом. Для совсем маленьких детей ограничивались ямкой в земле, закрытой несколькими кирпичами.

Во всех вскрытых цистах костяк оказался в полном анатомическом порядке. Он находился на правом боку в вытянутом положении, иногда со слегка согнутыми ногами, головой на северо-запад, лицом на юго-запад. Все захоронения одиночные, за исключением одного, где вместе с женщиной был похоронен грудной младенец. Никакого инвентаря в погребениях нет. Только в одной цисте найден небольшой отпечаток ткани простого полотняного переплетения. Единственной находкой, которую можно связать с захоронениями в цистах, являются три предмета, бывшие, скорей всего, навершиями небольших намогильных стелл. Они представляют собой жженые кирпичи сложных очертаний (рис. 40).

Отсутствие погребального инвентаря в цистах лишает нас достоверного материала для их датировки. Кладбищем пользовались в течение длительного времени. Об этом свидетельствует то, что цисты часто перекрывают друг друга, иногда даже в три яруса. При сооружении верхних цист зачастую портили старые захоронения, уничтожая при этом части находившихся в них костяков. По наслоениям на могильнике видно, что к моменту сооружения цист наусы успели обрушиться и заполниться внутри наносным грунтом.

Погребения в грунтовых ямах, тем или иным способом обложенные и перекрытые сырцовым кирпичом, без всякого погребального инвентаря известны в разных районах Средней Азии. При общем сходстве способа захоронения ориентация их может быть самой различной. Подобные захоронения известны на Байрамалинском некрополе, где

они находятся в слое, перекрывающем оссуарный могильник[57]. В древнем Сарыге и на городище Кысмычи сходные погребения по их стратиграфическому положению отнесены к XII — началу XIII в.[58] В последние годы при раскопках на Афрасиабе были найдены мусульман-

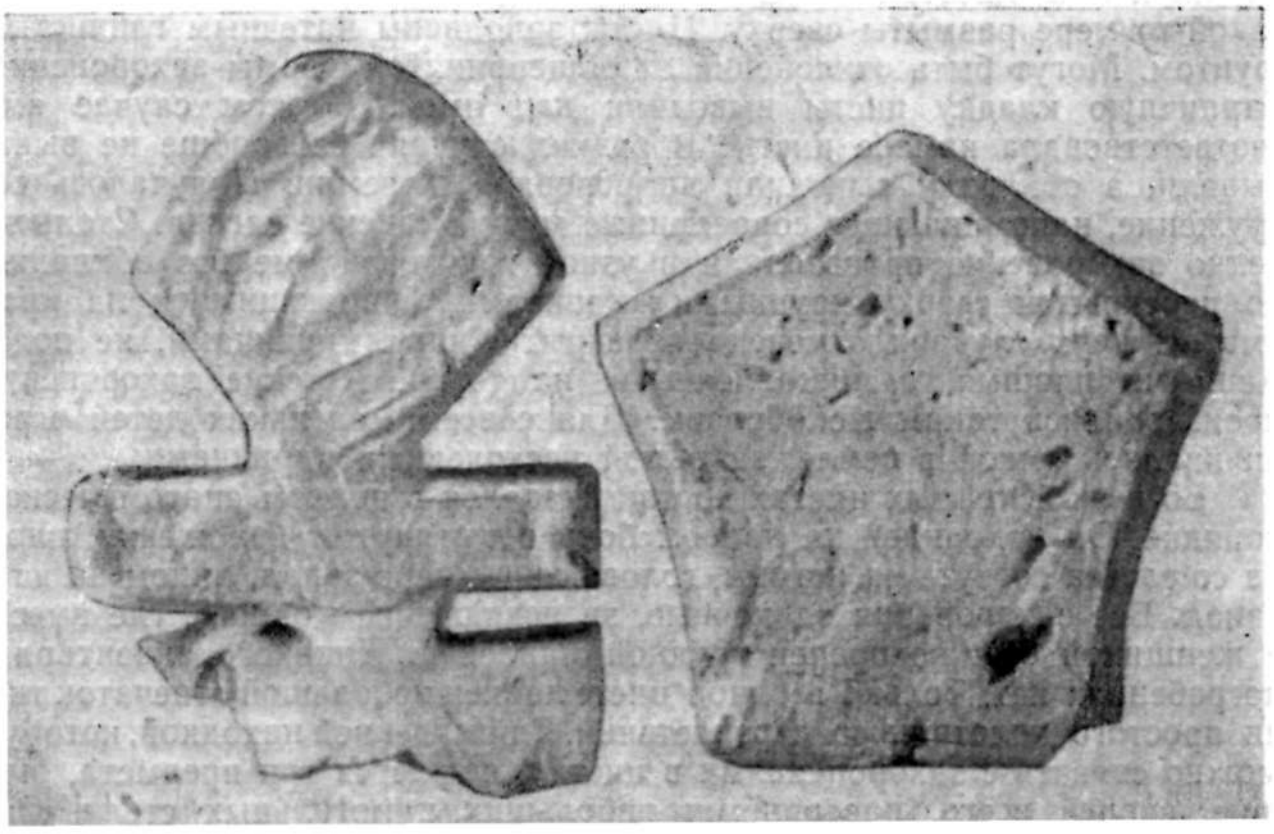

Рис. 40. Навершия стелл.

ские погребения XI — начала XIII в., также дающие сходные формы захоронения[59]. Полное сходство с погребениями в цистах на некрополе Ток-калы имеют захоронения на кладбищах средневекового поселения Кувы, датируемого XI—XII вв.[60] Единственным отличием является только то, что перекрытие цисты всегда производилось кирпичами, по-

---

[57] С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али (1954—1956 гг.), ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, 1959, стр. 166.

[58] Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина»..., стр. 34—35.

[59] Об этой находке нам любезно сообщил С. К. Кабанов.

[60] Приношу глубокую благодарность В. А. Булатовой, любезно разрешившей мне опубликовать эти сведения.

ставленными на торец, в то время как на Ток-кале такой прием отмечен только дважды.

Во всех приведенных случаях датировки даны по косвенным данным, так как в захоронениях нет никакого инвентаря.

Прямой аналогией цистовым захоронениям Ток-калы являются такие же погребения на могильнике Миздахкана, раскопанные в 1952 г.[61] Здесь удалось выделить три хронологически последовательных типа цист. Тот тип, который полностью совпадает с цистами Ток-калы, датируется здесь IX в.[62] Интересно отметить, что на некрополе Миздахкана у некоторых цист этого типа перекрывающие кирпичи имеют выпукло-ребристую верхнюю поверхность, что делает их очень похожими по форме на крышки алебастровых оссуариев. В то же время такая форма кирпича исключает какое-либо иное его применение. Значит, их изготавливали специально. В этой связи нельзя не отметить, что общий принцип сооружения кирпичной цисты в грунтовой яме внешне очень похож на описанный выше прием сооружения в глубоком котловане кирпичного науса. Это совпадение может быть чисто формальным. Однако не исключено, что население северного Хорезма, принявшее ислам, сохранило в трансформированном виде отголоски древнего погребального обряда.

Все описанные аналогии и ориентация умершего лицом на Кыблу позволяют считать, что цистовые захоронения Ток-калы относятся ко времени развитого феодализма и принадлежат мусульманам, и их следует связать с описанным поселением IX—XI вв. Уже отмечалось, что на поселении в самом верхнем слое начинает применяться жженый кирпич. То же самое наблюдается и в обкладке нескольких верхних цист.

Анализ краниологического материала из цистового слоя некрополя показал, что по сравнению с черепами из оссуариев здесь более сильно выражена монголоидная примесь. Есть отдельные монголоидные черепа. У некоторых индивидуумов наблюдается значительная лобно-затылочная деформация. Ближайшей аналогией этому антропологическому типу является тип, установленный в погребениях IX—XI вв. в южном Хорезме на Наринджане. В целом серия черепов из цист производит впечатление более смешанной, чем черепа из оссуарного слоя[63]. Все это вполне соответствует этническим процессам того времени, как их можно представить себе по историческим источникам.

---

[61] В. Н. Ягодин. Новые материалы.., стр. 104—106.
[62] Там же, стр. 104.
[63] Определение Н. Рысназарова под руководством Т. А. Трофимовой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение комплекса археологических памятников Ток-кала, датируемого в целом рубежом IV—III вв. до н. э.— XI в. н. э., не исчерпывается большой серией разновременных интересных вещей, так как полученный материал позволяет поднять целый ряд проблем, выходящих далеко за пределы истории северного Хорезма. В дельте, кроме Ток-калы, для всех описанных периодов имеются другие соответствующие памятники. Поэтому с полным основанием можно считать, что Ток-кала отражает общие процессы и явления, происходившие на севере Хорезма.

Раскопки на Токтау показали, что район дельты Аму-Дарьи, хотя и малоизвестный в исторических источниках, на протяжении всего рассматриваемого периода жил достаточно насыщенно и напряженно. В силу самого расположения этого района на окраине не только Хорезма, но и оседлого земледельческого мира Средней Азии вообще, определяющим моментом его жизни является контакт оседлого населения оазисов с кочевой и полукочевой средой. Многие конкретные вопросы этих взаимоотношений остаются пока еще неизвестными и ждут своего дальнейшего изучения.

Только на материалах Ток-калы невозможно решить вопрос, в связи с какими событиями и в защиту от кого Хорезмское государство кангюйского периода должно было создать цепь военных крепостей по правому берегу Аму-Дарьи. До крайности скудные источники этого времени смогут заговорить только тогда, когда их удастся сопоставить с материалами не только Ток-калы, но и целого ряда синхронных па-

мятников. Важным результатом проделанной работы и следует считать то, что выяснилась необходимость и перспективность подобного исследования.

Сравнительно скромный материал кушанского времени с Ток-калы представляет тем не менее значительный интерес, так как имеет непосредственное отношение к проблеме северных границ Кушанского государства — одной из важных страниц в древней истории Востока. Последняя работа в этой области[1] не дала, к сожалению, ничего нового по вопросу о месте и роли Хорезма в Кушанском государстве, которые, как показали исследования С. П. Толстова, были весьма значительны и своеобразны.

Раскопки античного городища Ток-калы позволили продвинуть далеко на север зону распространения и влияния хорезмийской культуры того времени.

Исследование раннесредневекового поселения Ток-калы и сопоставление его материалов с синхронными памятниками правобережной дельты позволили начать подробное изучение весьма своеобразной культуры Кердера. В ее характерных особенностях с большой яркостью проявилось значение природных условий в сложении конкретных форм и уровня социального развития. Упомянутая культура, представляющая интерес с точки зрения общих закономерностей развития раннесредневековой Средней Азии, имеет немалое значение в истории Хорезма того времени. Речь идет не только о политической истории, конкретные факты которой получают на этом материале дополнительное подтверждение и освещение, а, прежде всего, о социальных процессах в период укрепления феодальных отношений. Материал Кердера VII—VIII вв., сравниваемый с афригидским материалом южного Хорезма, дает новые сведения о длительном сохранении общин, которые в этих местах так никогда и не приобретают классической формы крепостного права, и их борьбе с феодальным закрепощением.

Значение найденных на некрополе Ток-калы погребальных текстов и росписей, несомненно, очень велико. Открывается не просто новая страница культурной жизни определенного района, а воссоздается до сих пор практически неизвестный язык раннесредневекового Хорезма, да еще в районе его контактов с северными соседями. Сейчас даже трудно предсказать все проблемы исторического и лингвистического порядка, которые возникнут на основе подробного изучения и комментирования надписей. Но уже, пожалуй, ясно, что будет пролит новый свет на культурную роль Хорезма в иранском мире не только в

---

[1] Б. Я. Ставиский. О северных границах Кушанского государства, ВДИ, 1961, № 1.

VII—VIII вв., но и в гораздо более раннее время, и на вопросы истории среднеазиатского маздеизма.

Ток-кала, видимо, ни разу не становилась крупным экономическим центром, и население ее было сравнительно невелико. В то же время есть некоторые основания полагать, что здесь находился какой-то незаурядный культурный центр. Иначе трудно объяснить тот факт, что в преданиях населения Хорезмского оазиса Ток-кала иногда включается в число «беш-кала» — пяти древнейших городов-матерей этой области. Известны случаи, когда Ток-калу называли просто одним из древнейших городов правобережья. Г. П. Снесаревым в 1957 г. было записано несколько вариантов состава «беш-кала»[2]: 1) Куня-Ургенч, Кят, Хазарасп, Хива, Ток-кала[3]; 2) Кят, Вазир, Таш-кала, Ток-кала, Ургенч[4]; 3) Хазарасп, Хивак, Ургенч, Кала-и-ашраф (она же Ток-кала), Кят (нынешний Бируни)[5].

Как видно из этого перечня, в число пяти древнейших городов включают действительно весьма древние населенные пункты. Чрезвычайно интересно наименование Ток-калы Кала-и-ашраф (город святых). Вряд ли память о поселении на Токтау, давно покинутом и не представляющем собой грандиозных развалин, могла сохраниться без особых причин.

В этой связи интересно упомянуть легенду, отзвуки которой упорно живут и в наше время. Я. Г. Гулямовым записано предание о том, что холм Токтау искусственного происхождения: он якобы был насыпан злым дивом. Во время раскопок большинство стариков, приходивших посмотреть на работу, настойчиво интересовались происхождением этого холма. Вспомним, что остатки строений кушанского поселения в более позднее время преднамеренно засыпаны сверху песком, а оссуарный могильник, частично тоже засыпанный песком, находится целиком в земле, как и несколько ярусов перекрывающих его цист. На холме нет крутых обрывов или осыпей, на которых были бы видны культурные отложения. Приходится допустить, что по каким-то причинам в памяти народа удержалось представление о сооружениях, погребенных в песке возвышенности.

Все это заставляет высказать предположение о том, что, вероятно, в раннем средневековье и в последующий период в IX—XI вв. Ток-кала являлась крупным культурным центром на периферии Хорезма. Отражение такой ее роли мы склонны видеть и в очень большом размере

---

[2] Приношу мою глубокую благодарность Г. П. Снесареву за разрешение опубликовать эти сведения.

[3] Записано в Кяте возле Шавата.

[4] Записано в Гурлене от Абдуллы-пира.

[5] Записано в Шаватском районе от старика в возрасте 68 лет. Известен и другой состав «беш кала», в котором Ток-кала не упоминается.

цистового и, возможно, оссуарного могильника. Количество цист, просматриваемых на поверхности и при учете того, что они перекрывают друг друга в среднем в три яруса, настолько велико, что его трудно отнести на счет жителей только сравнительно небольшого поселения на Токтау. Чем была определена такая роль этого места, остается для нас пока неизвестным.

Особый комплекс вопросов, связанных со средневековыми памятниками Ток-калы, представляют вопросы этногенеза в период, когда закладывались основы сложения народов, населяющих Среднюю Азию в настоящее время. В этой связи, не преувеличивая, можно сказать, что некрополь Ток-калы имеет огромное значение и с точки зрения изучения краниологического материала. Большие краниологические коллекции хорошей сохранности являются не слишком распространенными, а коллекция с Ток-калы уже в настоящее время достигает ста единиц и может быть во много раз увеличена. Кроме того, обнаружение некрополя Миздахкана создает возможность взаимного контроля и дополнения материала.

Суммируя результаты раскопок Ток-калы, надо сказать, что исследование античной части памятника можно считать законченным. Что касается раннесредневекового поселения, то, безусловно, было бы желательно произвести полное выявление всей планировки, поскольку это дает интересные сведения по социальной истории. Как показали работы на раскопе VI и общий осмотр поселения IX—XI вв., остатки строений здесь попорчены настолько сильно, что вряд ли большие раскопки дадут какие-то более обширные сведения, чем просто констатацию факта существования поселения в это время. Раскопки на некрополе, безусловно, должны быть продолжены. Нет никаких оснований предполагать, что нам посчастливилось извлечь все памятники письменности и изобразительного искусства, находившиеся в наусах. Мы вправе ожидать, что дальнейшие работы принесут еще не одно интересное открытие в этой области.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ИВЛ — Издательство восточной литературы.
ИООН АН ТаджССР — Известия отделения общественных наук АН ТаджССР.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
СА — Журнал «Советская археология».
СЭ — Журнал «Советская этнография».
ТашГУ — Ташкентский Государственный университет.
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии.
ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии АН УзССР.
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
ТОВЭ — Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТТАЭ — Труды Таджикской археологической экспедиции.
ТХАЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
УзФАН — Узбекский филиал АН СССР.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция.
BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum.
NC — Numismatic chronicle.
SBE — Sacred Books of Fast. Ed. M. Müllet.

ТАБЛИЦЫ

Описание таблиц[1]

Таблица I: *1* — начала строк на крышке детского оссуария; *2* — начала строк на крышке оссуария; *3*— полная надпись на корпусе оссуария.

Таблица II: *1—3*— начала строк на крышках; *4*— на корпусе, начала строк смыты.

Таблица III: *1*— концы строк на корпусе, последние знаки смыты; *2*— полная надпись на корпусе; *3*— на корпусе полная надпись, расположенная по горизонтали, состоит из одного слова, повторенного трижды: по краям и в середине лицевой стенки; *4*— целиком размещена на крышке, правый нижний угол отбит, возможно, начала строк попорчены.

Таблица IV: *1, 2* — полная надпись на корпусе.

Таблица V: *1*— на корпусе; *2*— начала строк на крышке; *3*— концы строк на корпусе, надпись состояла первоначально из пяти строк, причем третья полностью смыта.

Таблица VI: *1*— концы строк на корпусе; *2*— полная надпись на корпусе; *3*— полная надпись на крышке, состоит из одного слова; *4*— конец строки на корпусе.

Таблица VII: *1*— полная надпись на корпусе; *2*— начала строк на крышке; *3*— на корпусе; *4*— концы строк на корпусе.

Таблица VIII: *1—3* — полная надпись на корпусе; *4* — полная, на корпусе детского оссуария.

Таблица IX: *1*— начала строк на крышке; *2*— полная надпись на корпусе, конец нижней строки смыт.

Таблица X: *1* — концы строк на корпусе детского оссуария; *2* — начала строк на крышке; *3*— на корпусе, концы строк смыты.

Таблица XI: *1*— на корпусе, полная; *2*— на корпусе, вероятно, полная; *3*— начала строк на крышке.

Таблица XII: *1* — полная, начала строк расположены на крышке, концы — на корпусе оссуария.

Таблица XIII: *1* — на корпусе; *2* — расположена справа на том же оссуарии, что и надпись, представленная на табл. XII; *3*— на корпусе, вероятно, начала строк.

Таблица XIV: *1*— на корпусе, полная; *2*— концы строк на корпусе; *3*— фрагмент одной строки на корпусе.

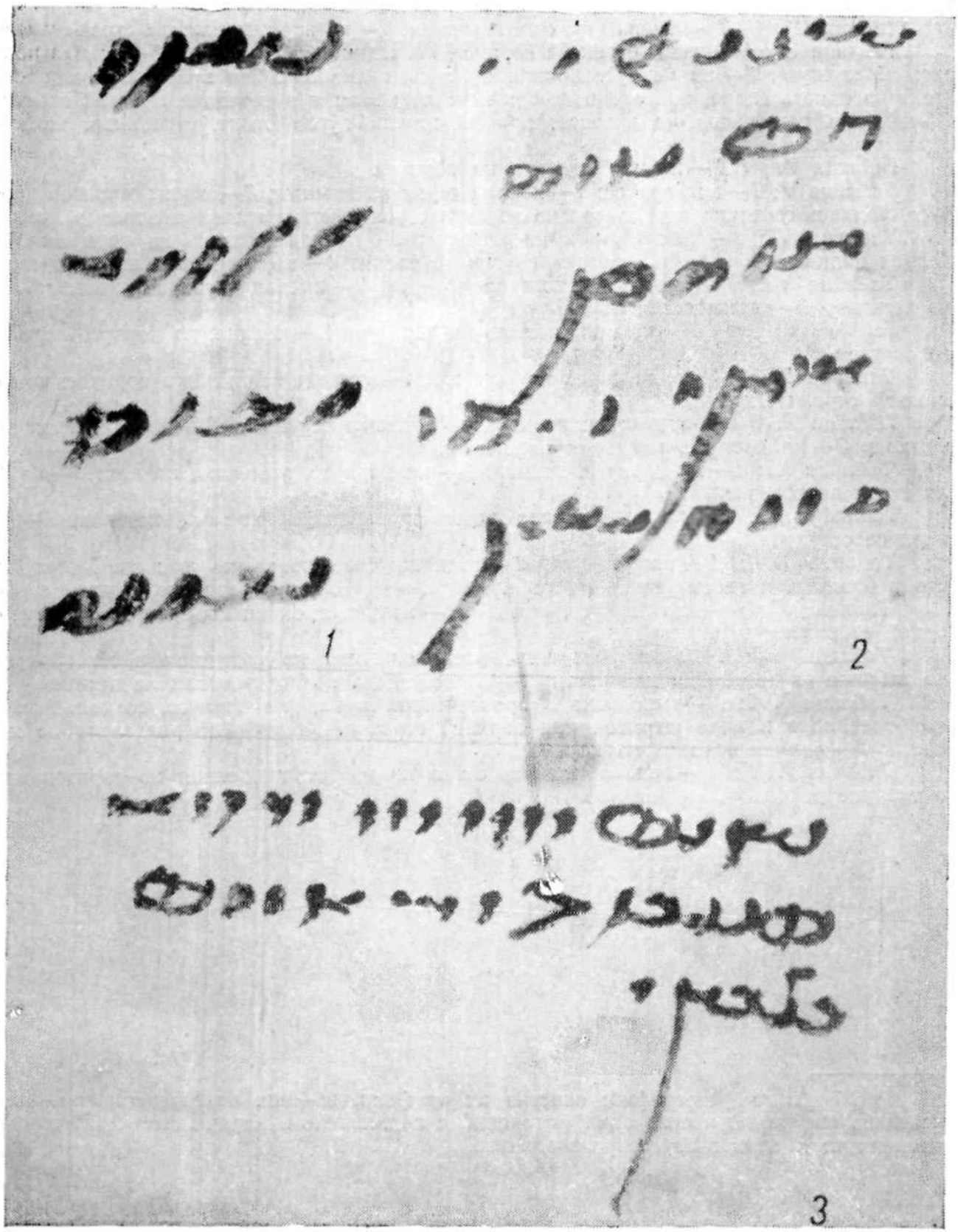
Таблица XV: *1*— полная надпись, расположенная по горизонтали на корпусе. на таблице разделена на две части; *2*— расположена по горизонтали на крышке.

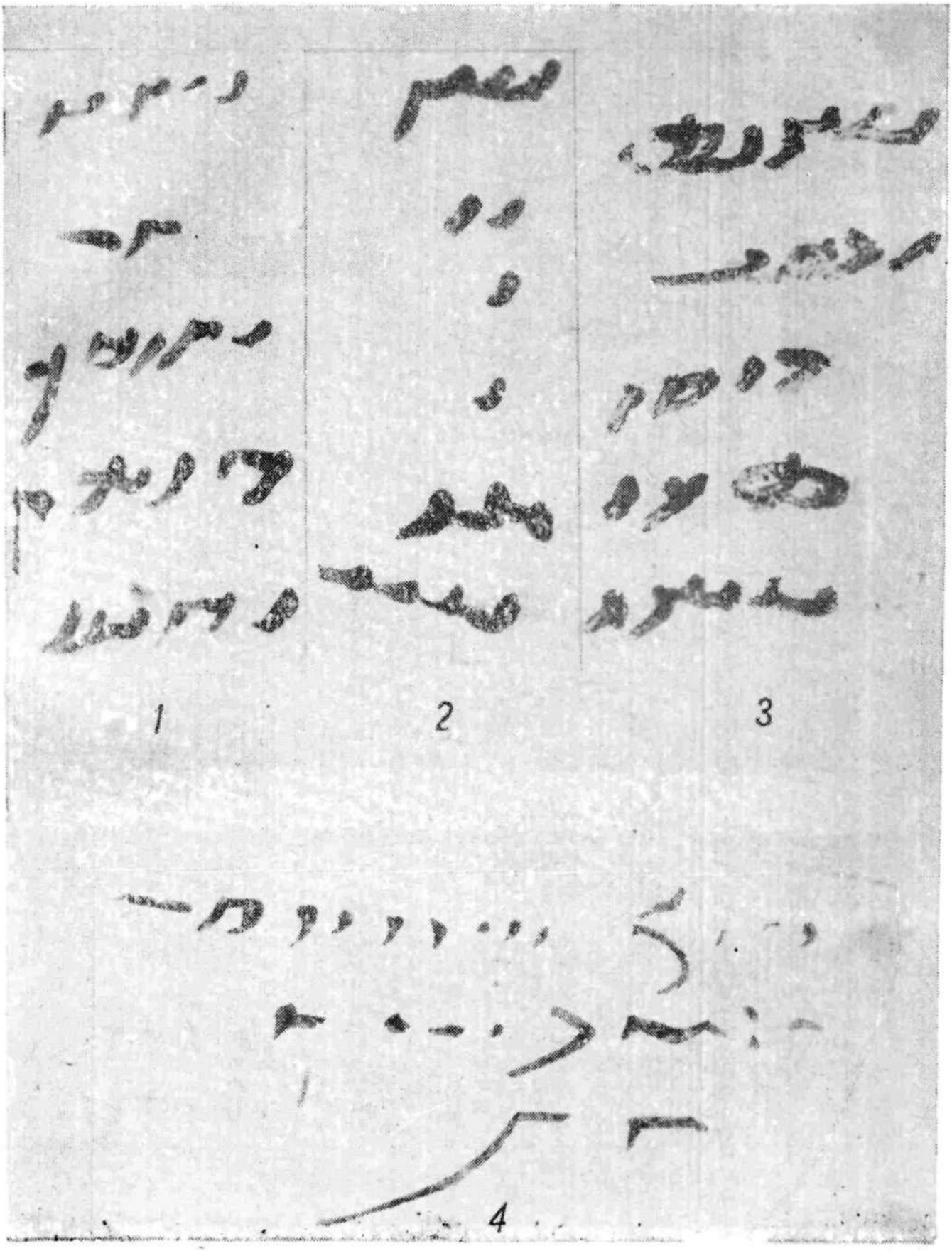
Таблица XVI: *1*— выполнена в прочерченной рамке на корпусе, сохранившейся наиболее ярко в виде штрихов над верхней строкой, на таблице разделена на две части; *2*— полная надпись на корпусе.

Таблица XVII: *1* — полная надпись на корпусе, расположенная по горизонтали, в таблице разделена на три части

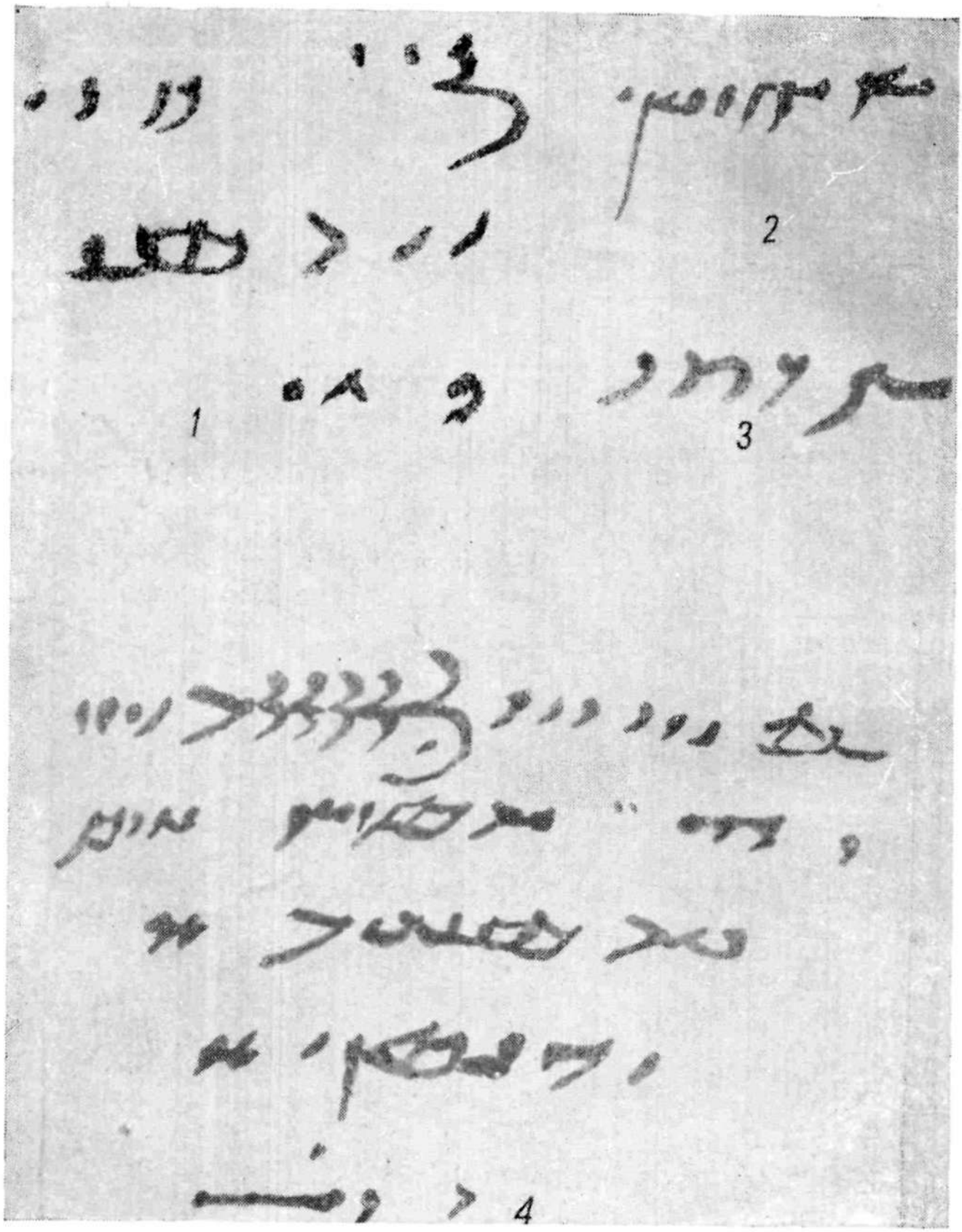
[1] Обработка фотографий: очистка их от фона, выбоин, пятен и трещин — произведена автором при сравнении фотокопий с подлинником. Утраченные к настоящему времени части знаков не воспроизводились.

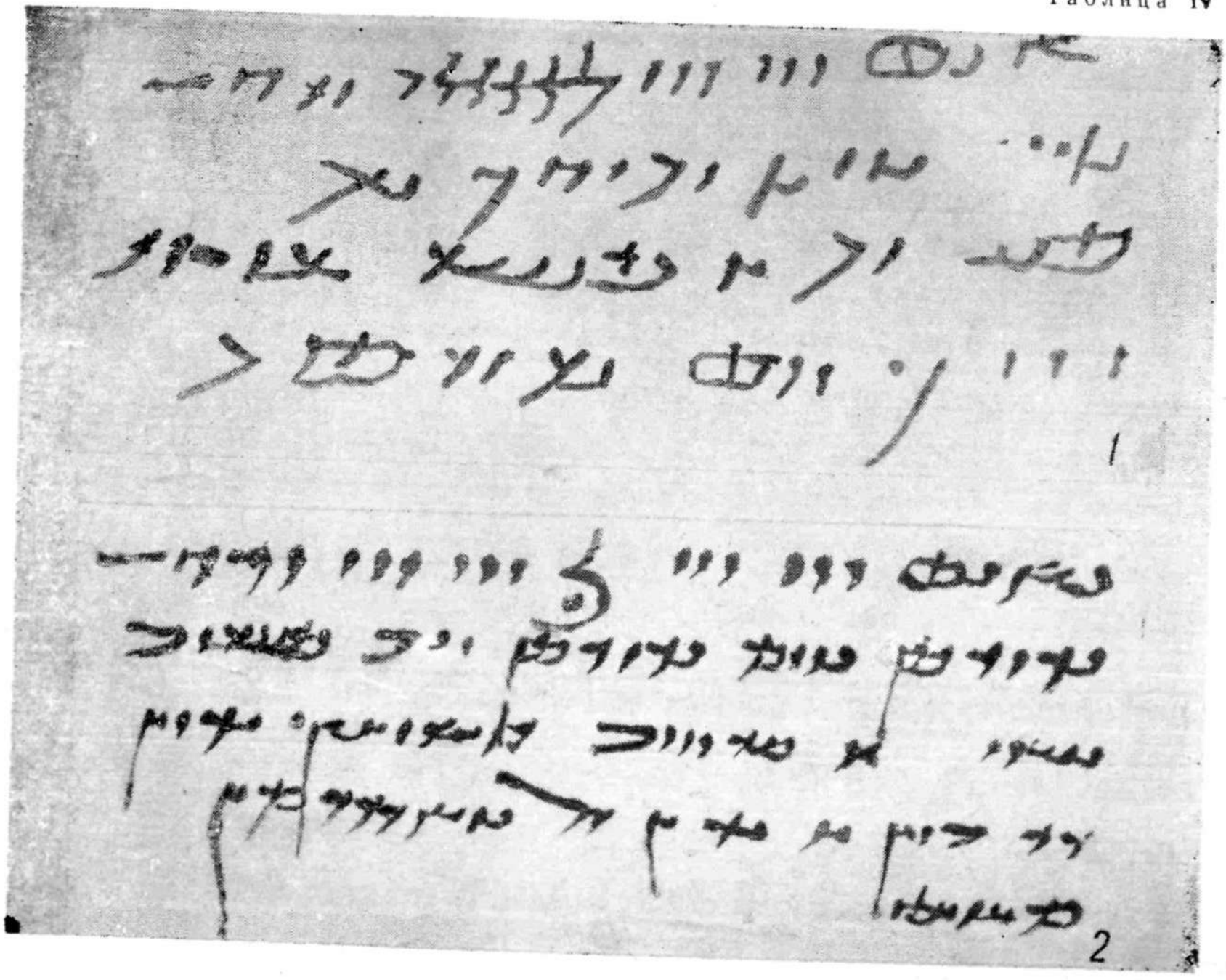

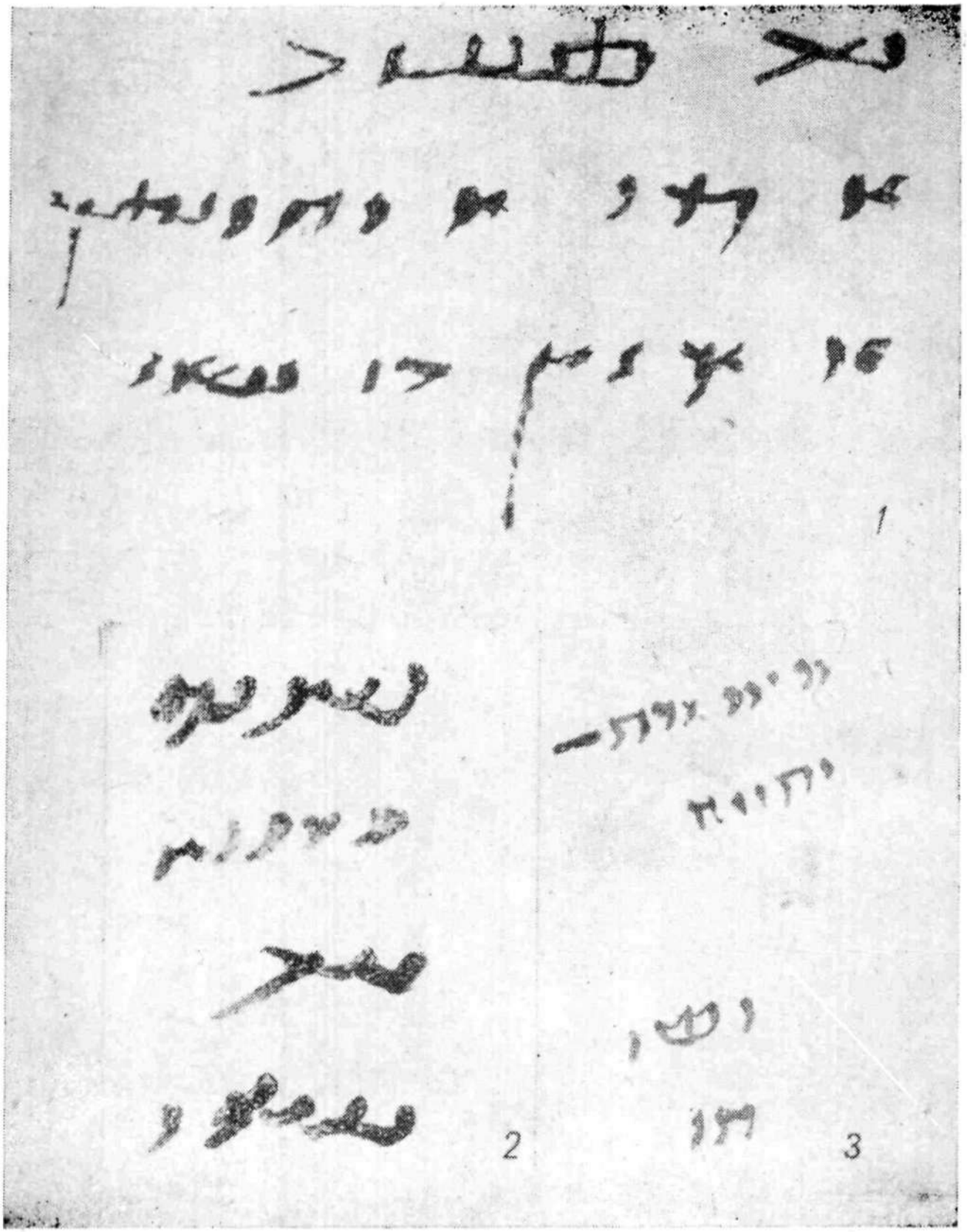

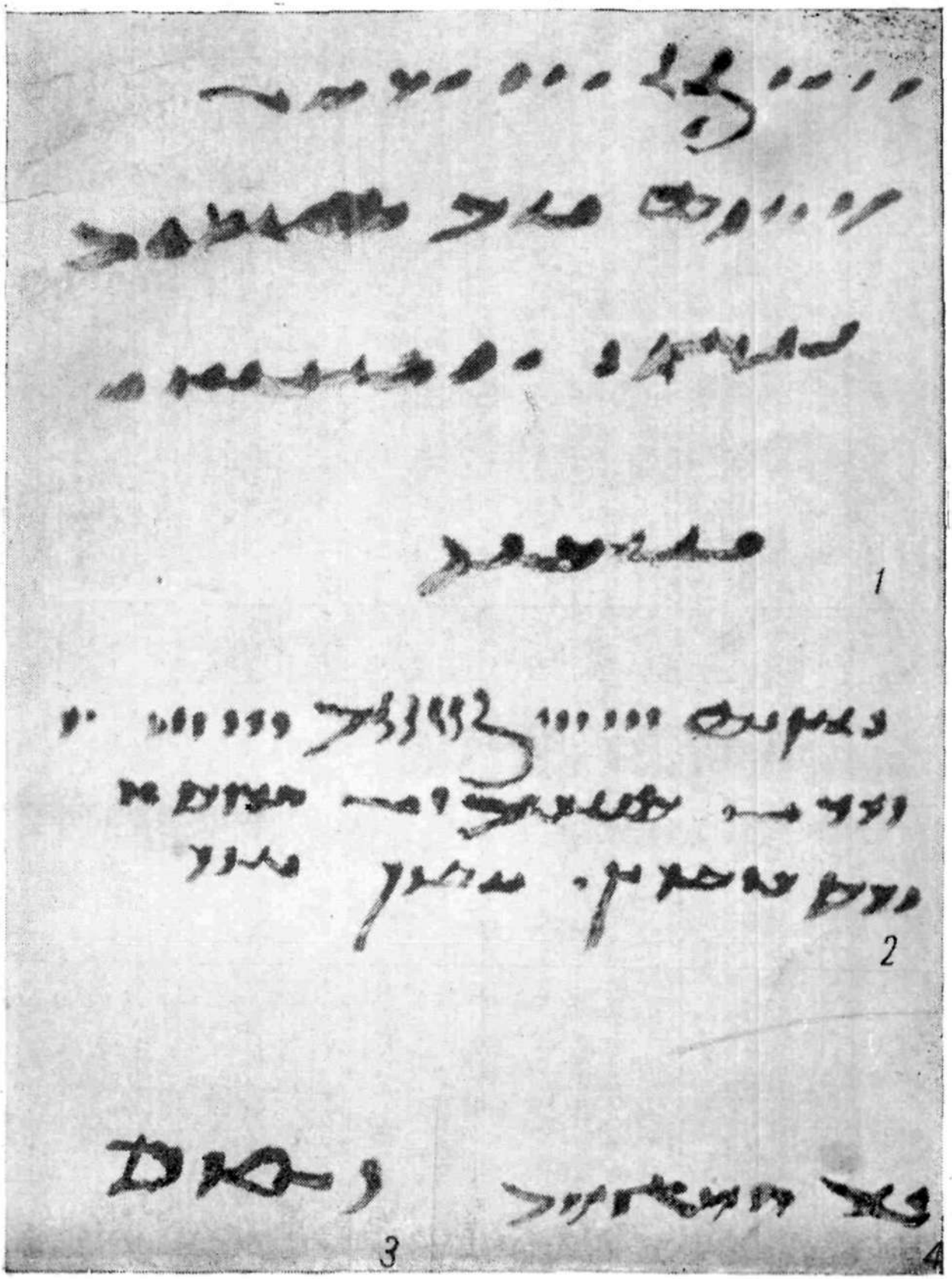
1 2 3

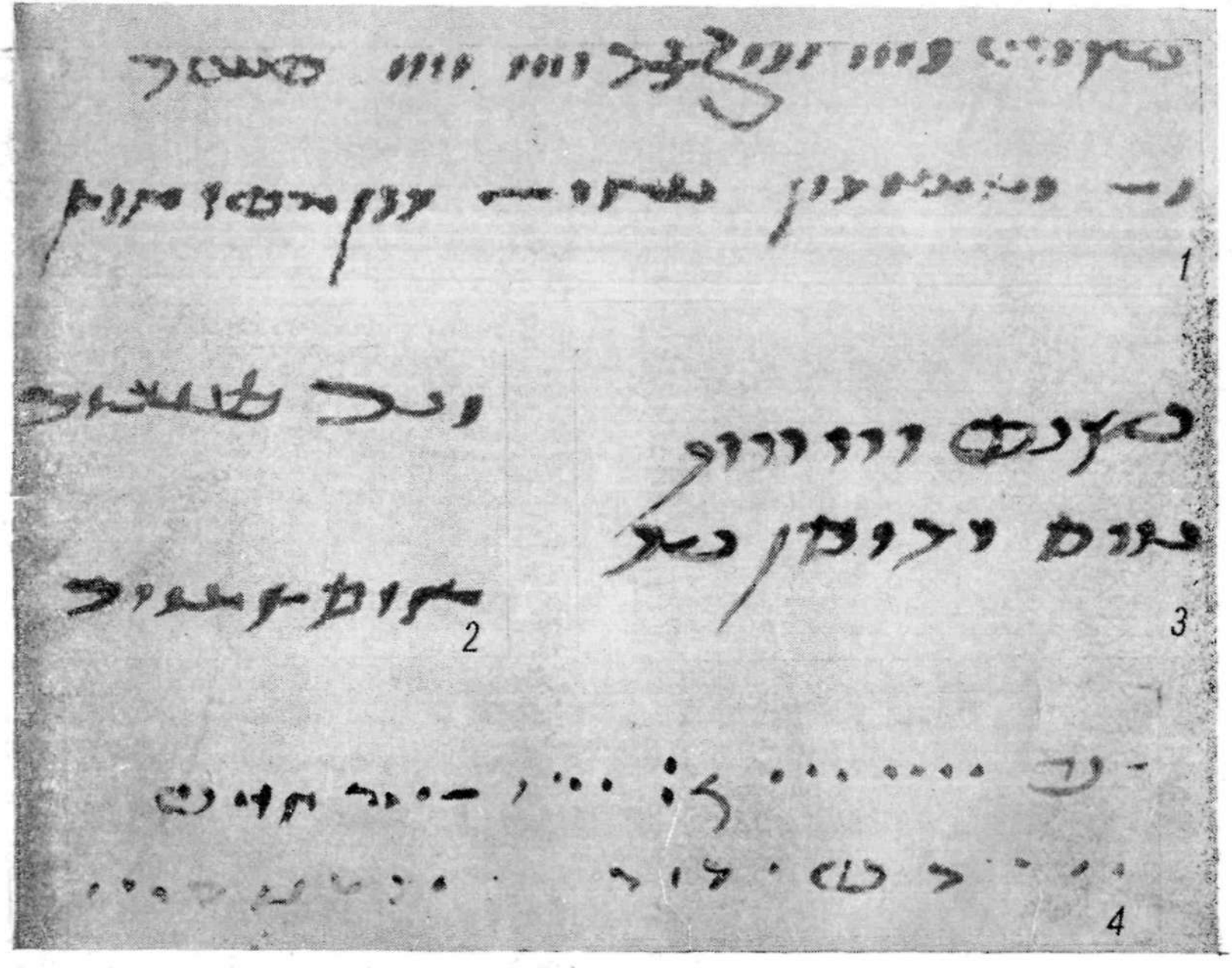
4

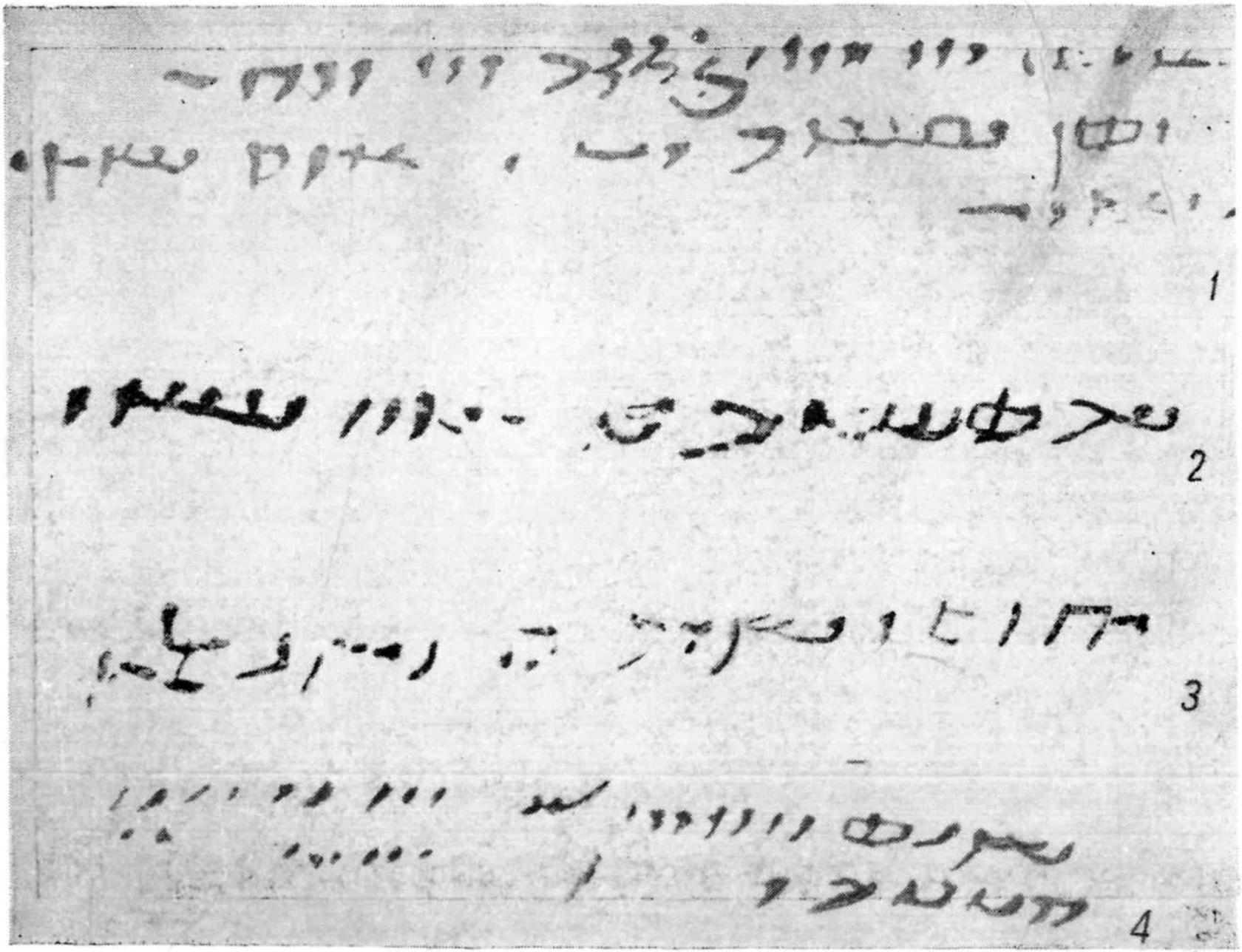

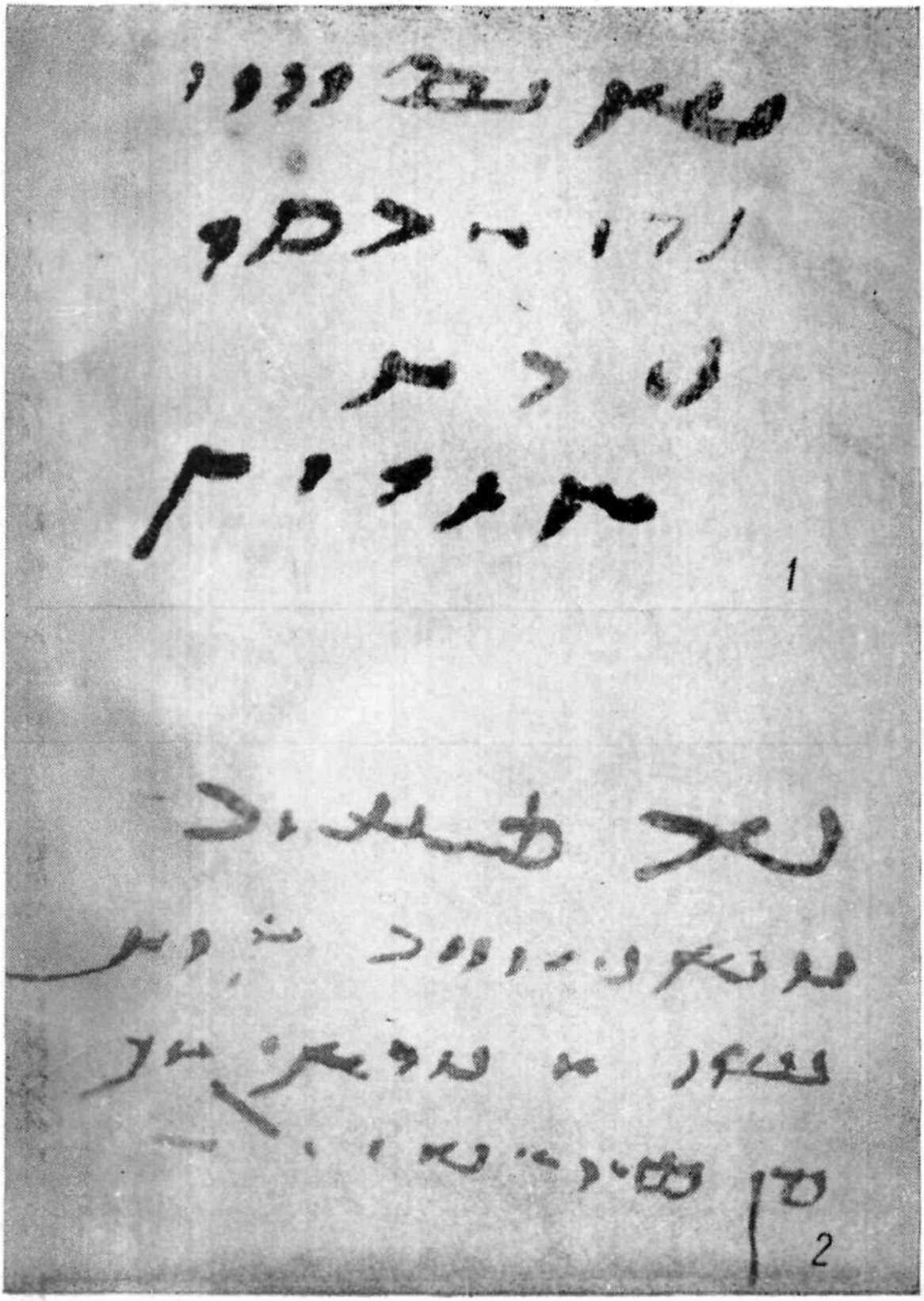

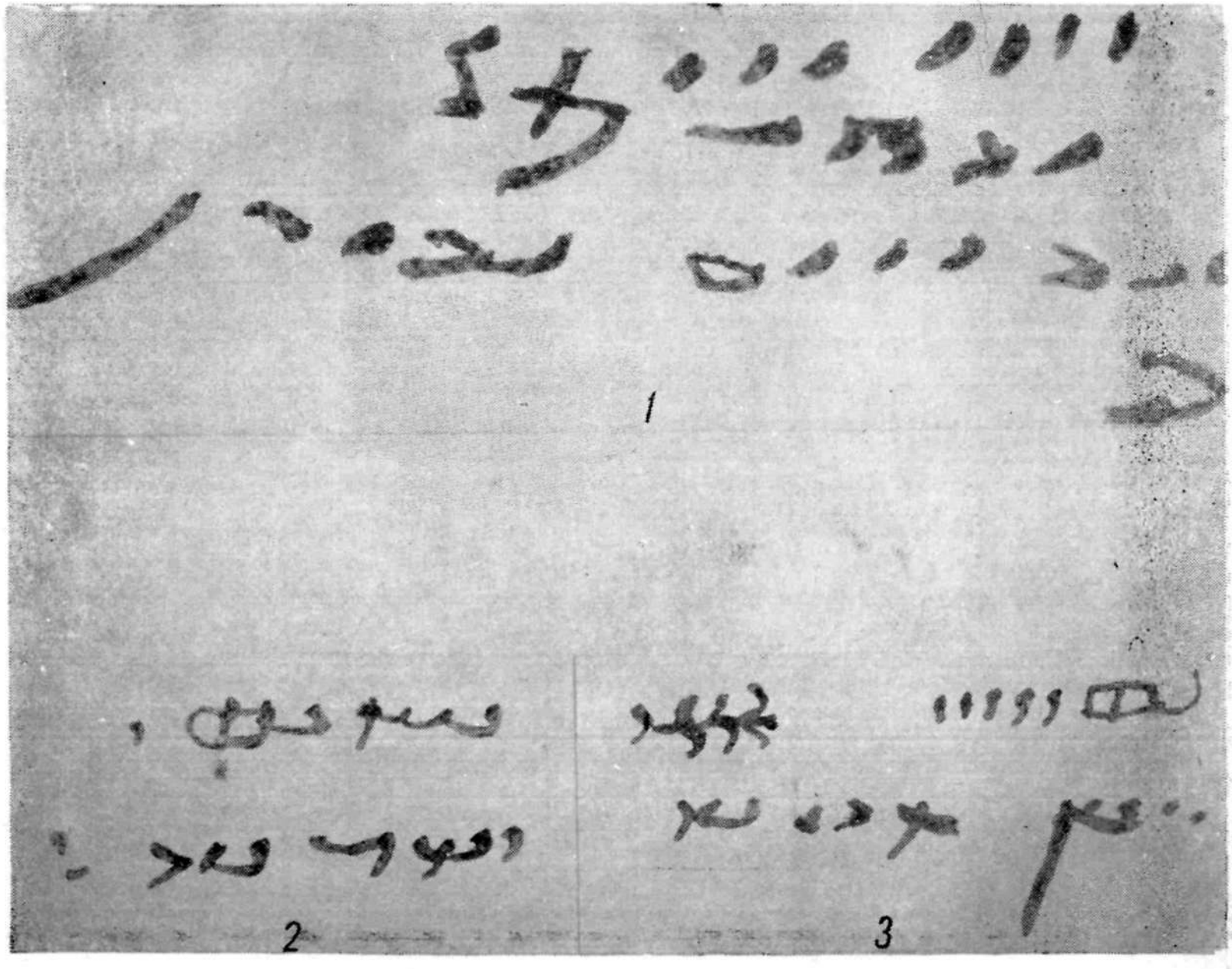

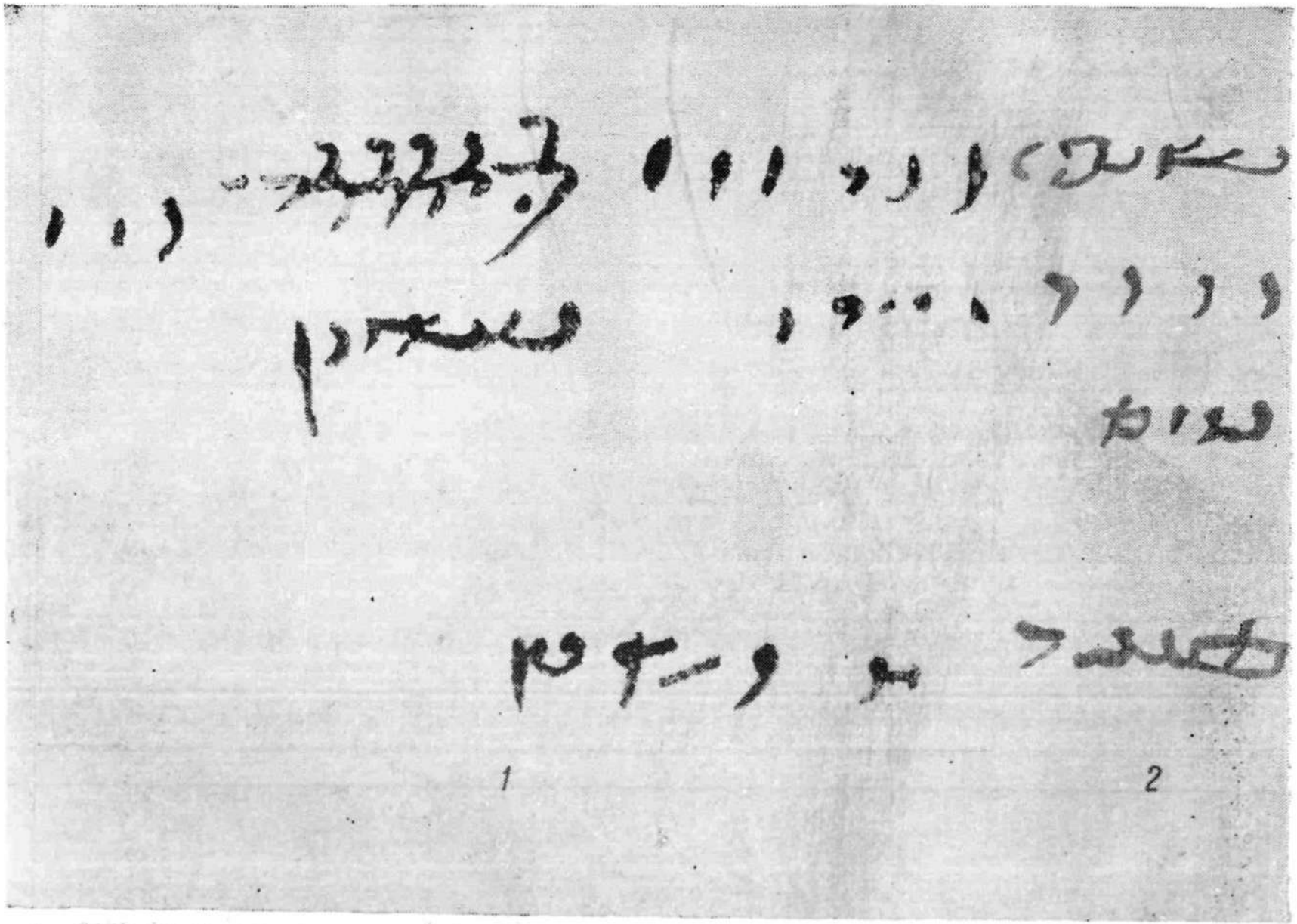

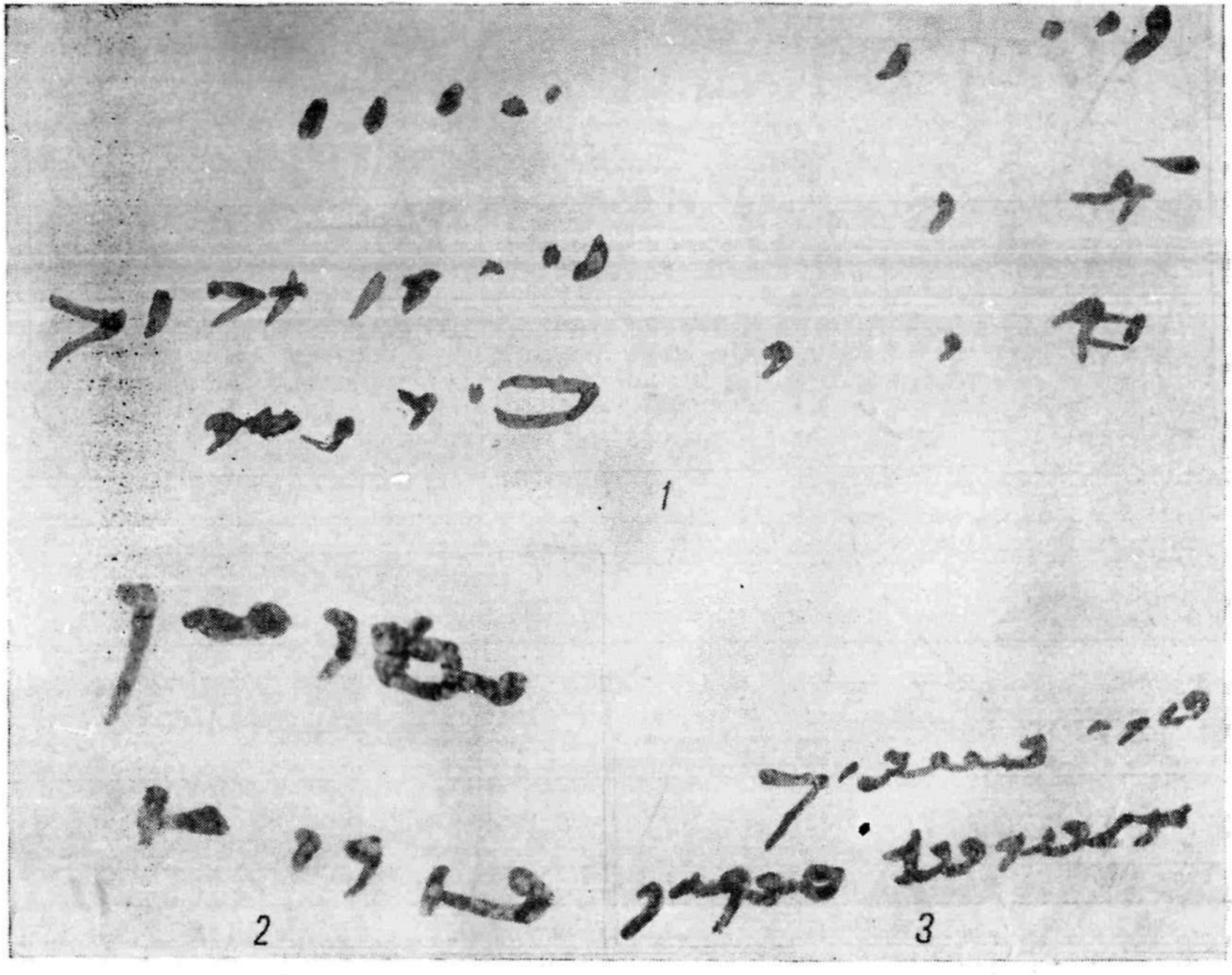

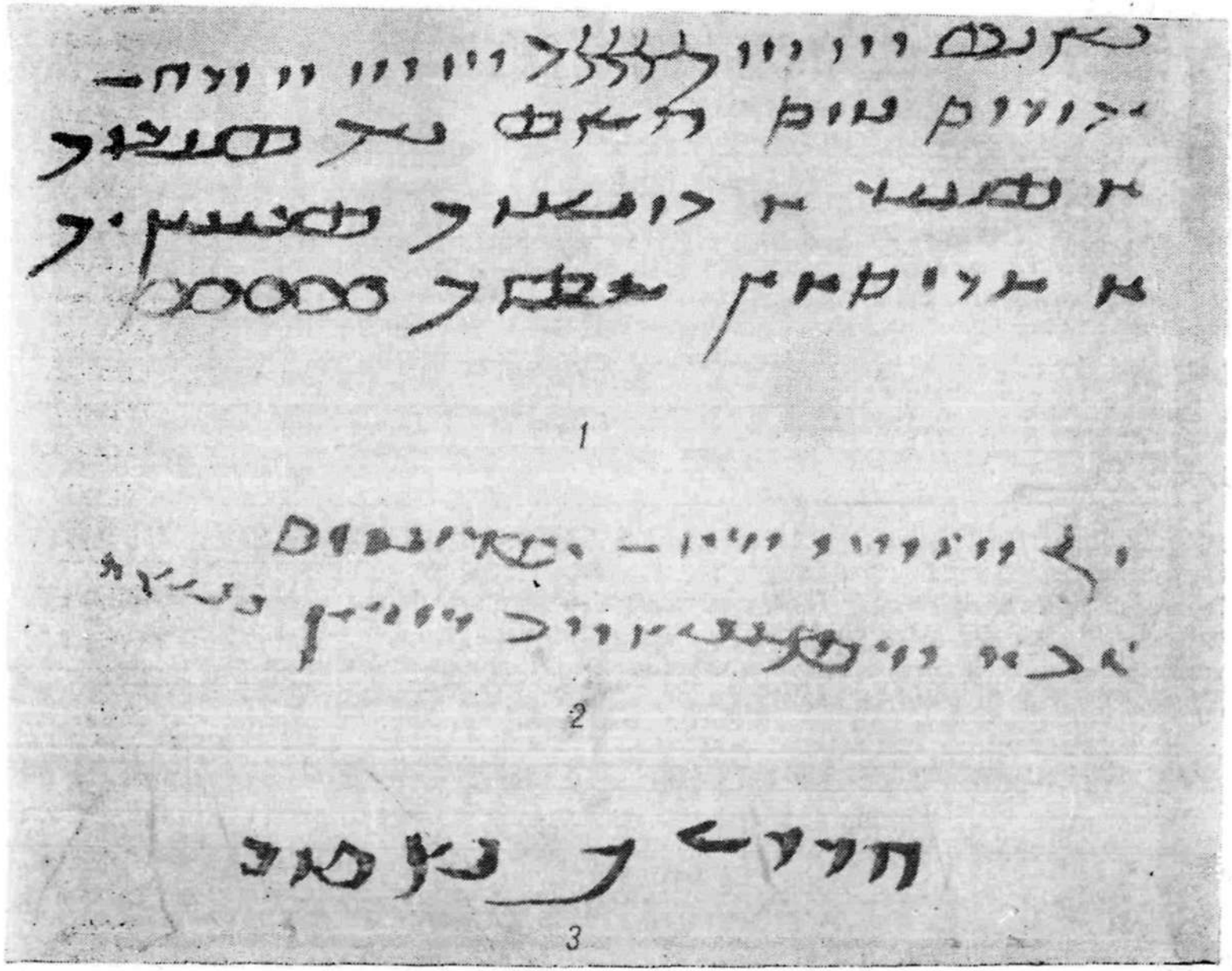

1 2

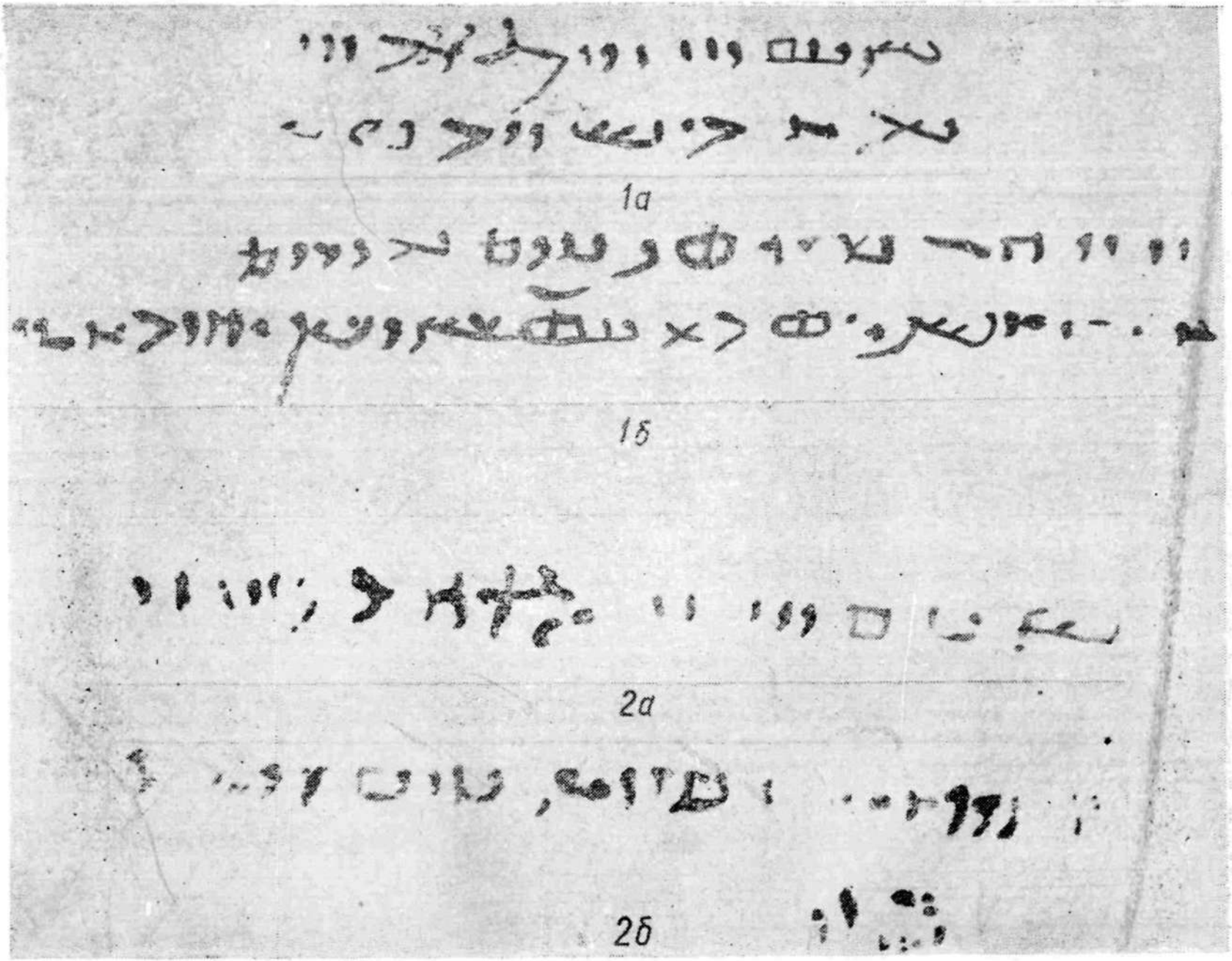

1

2

3

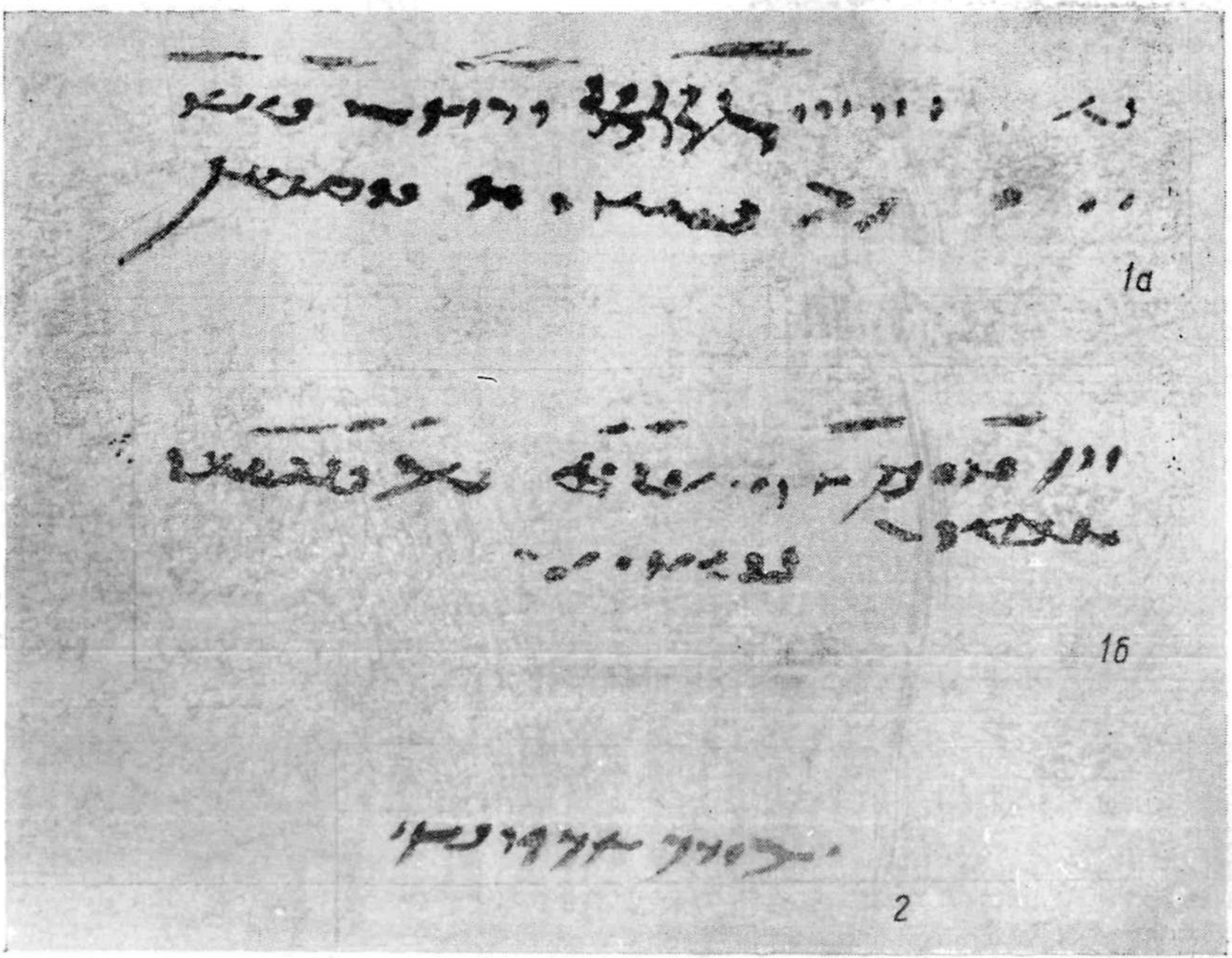

1а

1б

2а

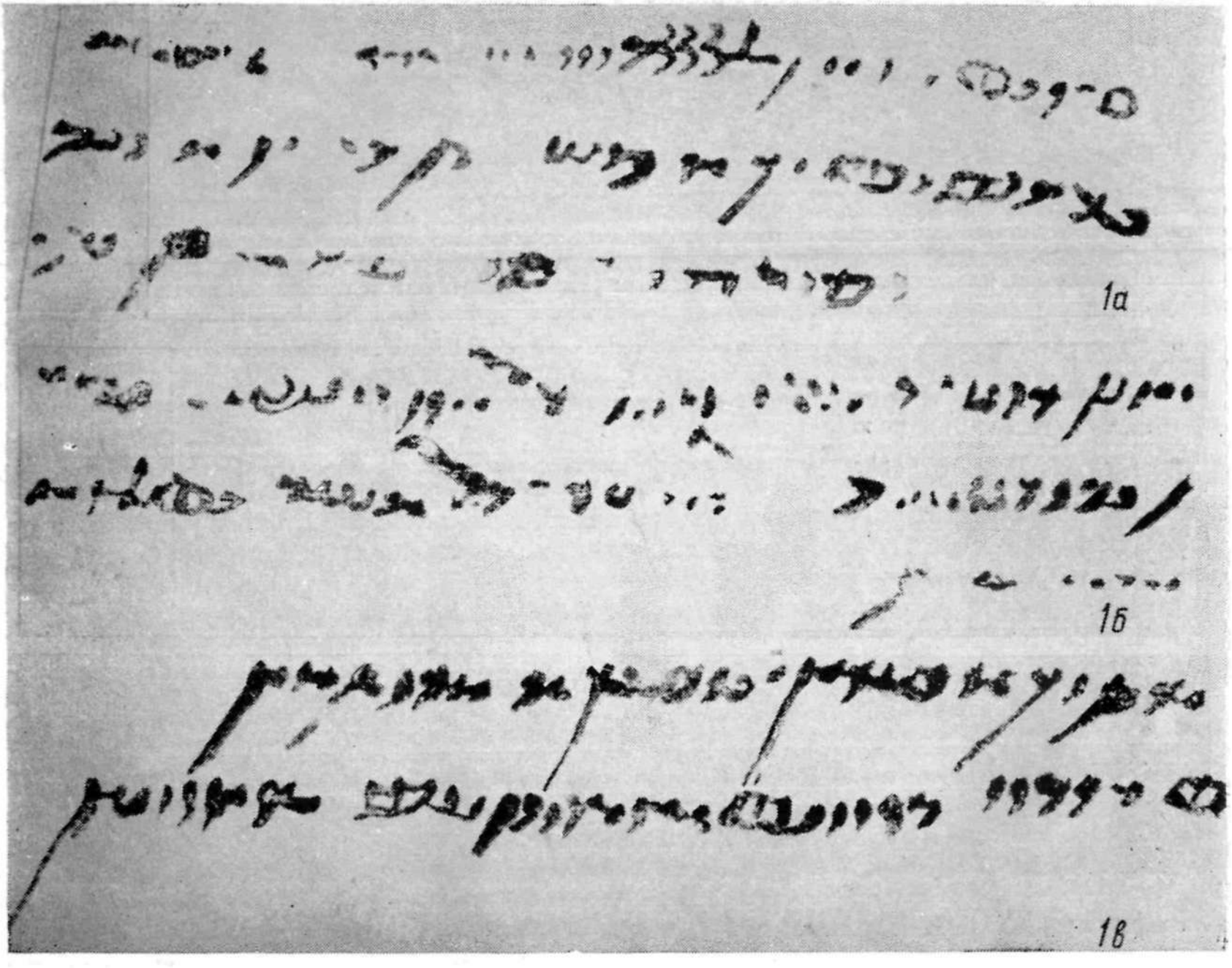
2б

1а

1б

2

1а
1б
1в

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5
Городище Ток-кала рабовладельческого времени 10
Кангюйский период 10
Кушанский период 26
Городище Ток-кала в раннем средневековье 42
Поселение 42
Некрополь 85
Некоторые вопросы политической истории 112
Ток-кала в IX—XI вв. 125
Поселение 125
Некрополь 143
Заключение 148
Таблицы

Гудкова А. В.
Ток-кала. (Отв. ред. канд. ист. наук Л. И. Альбаум. Т., «Наука», 1964.
стр. (Каракалпакский филиал Академии наук УзССР. Ин-т истории языка и литературы).

9(С52)

Редактор *И. Я. Шапиро*
Художник *В. Тий*
Художественный редактор *А Т. Шепельков*
Технический редактор *Х. У. Карабаева*
Корректор *Е. И. Шер*

Р01117. Сдано в набор 11/III-1964 г. Подписано к печати 14/V-1964 г.
Формат 70×90¹/₁₆=5,5 бум. л.—12,87 печ. л. Уч.-изд. л. 12. (4 вкл.)
Изд. №973/63. Тираж 1000. Цена 90 к. Переплет 20 к.

Типография Изд-ва «Наука» УзССР, Хорезмская, 9. Заказ 330.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА" УЗБЕКСКОЙ ССР

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Коллектив.

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА
вып. 5.

Выпуск посвящен новым открытиям археологов, сделанным в 1962 г. на территории Узбекистана.

Обзор работ археологов отражен в статье В. А. Шишкина. В статьях Я. Г. Гулямова, О. В. Обельченко, В. А. Булатовой, М. Р. Касымова, М. Аскарова и др., написанных на основе нового еще не известного в науке материала, освещаются вопросы древней истории народов Средней Азии от палеолита до средневековья.

Книга рассчитана на историков, археологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов и учителей истории средних школ.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

И. В. Савицкий.

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КАРАКАЛПАКИИ. РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

В книге освещены вопросы применения резьбы по дереву в архитектуре и быту каракалпаков, рассказано о технических приемах резьбы, художественных принципах работы народных мастеров. Отдельная глава посвящена характеристике орнамента резных изделий. Издание богато иллюстрировано.

Работа представляет интерес не только для специалистов-этнографов, искусствоведов, архитекторов и историков культуры, но и для широких кругов работников художественной промышленности, занимающихся конструированием изделий из дерева.

1р.10к.